

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

IV-VII века

IV-VII
века

Святые
в истории

Равноапостольный император
Константин Великий
Преподобный Антоний Великий
Преподобная Эмилия
Кесарийская (Каппадокийская)
Святитель Иоанн Златоуст
Блаженный Августин
Преподобный Бенедикт
Нурсийский
Святитель Григорий Двоеслов
Преподобный Максим Исповедник
Преподобная Одри Элийская

никея о вере

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

IV–VII века

Москва · «Никея» · 2014

УДК 281.1
ББК 86.372
К 52

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
13-320-2533*

Клюкина О. П.

К 52 Святые в истории. Жития святых в новом формате. IV–VII века. — М.: Никея, 2014. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-91761-325-3

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина обращается к историческим свидетельствам, чтобы реконструировать биографии христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Вторая книга серии охватывает IV–VII века и посвящена эпохе Вселенских соборов, христианизации варварских народов и становлению монашества.

**УДК 281.1
ББК 86.372**

© Ольга Клюкина, 2014

© Издательство «Никея», 2014

ISBN 978-5-91761-325-3

Содержание

От издательства	5
Предисловие	7
Равноапостольный император Константин Великий	13
Преподобный Антоний Великий	55
Преподобная Эмилия Кесарийская (Каппадокийская)	85
Святитель Иоанн Златоуст	119
Блаженный Августин	167
Преподобный Бенедикт Нурсийский	207
Святитель Григорий Двоеслов	237
Преподобный Максим Исповедник	267
Преподобная Одри Элийская	297
Список источников и литературы	322
Список иллюстраций	329

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга, которую вы держите в руках, продолжает серию «Святые в истории». Ее автор, писательница Ольга Клюкина, воссоздает биографии святых различных эпох. Подобная реконструкция возможна лишь отчасти, особенно когда речь идет о святых древности, а во многих случаях недоступна вовсе. Поэтому серия включает жизнеописания тех подвижников, о которых имеются достаточные исторические сведения: мученические акты; жития, максимально приближенные по времени к описываемым событиям; свидетельства современников; наконец, сочинения самих святых. Биографии помещены в широкий исторический контекст, позволяющий более ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Рассказывая о святых прошлых столетий живым современным языком, автор делает их близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Серия выстроена по хронологическому принципу и состоит из шести книг, рассказывающих о двадцати веках христианства. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти наиболее значимых святых.

Вторая книга серии охватывает период IV–VII веков. После прекращения гонений на христианство в начале IV века Церковь оказалась в новых исторических условиях и была вынуждена отвечать на вызовы времени. Это время известно как эпоха Вселенских Соборов, когда под натиском разнообразных ересей выкристаллизовывалось христианское вероучение, формулировались догматы и отстаивалась чистота веры. Получив официальный статус, Церковь должна была выстраивать взаимоотношения с государством, и политические деятели порой играли в церковной истории не меньшую роль, чем религиозные. Завершение эпохи мучеников поставило вопрос о путях к святости. Когда для того, чтобы быть христианином, уже не требовалось пожертвовать жизнью, монашество стало формой бескровного мученичества. Богатые всходы принесла в этот период и христианизация варварских народов, давших Вселенской Церкви немало самобытных святых.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нужно ли сегодня по-новому писать о святых? Чем этот «новый формат» лучше старого и нужен ли он нам?

Возможно, мы не задавали бы себе эти вопросы, если бы не сонм новомучеников, прославленных Русской Православной Церковью. Именно благодаря им, мученикам и исповедникам XX века, стало ясно: жанр агиографии нуждается в переосмыслении.

Между XVIII веком, когда святитель Димитрий Ростовский составлял житийный сборник Четьи Минеи, и нашим временем пролегла эпоха, принципиально изменившая отношение к житийным текстам. У сегодняшних читателей есть опыт встречи со святыми — практически современниками, ровесниками наших бабушек и дедушек. У них тоже есть жития, составленные на основании протоколов допросов, воспоминаний очевидцев. Читая их истории, невольно задаешься вопросом: неужели эти документальные свидетельства имеют такое же отношение к жанру

агиографии, как, скажем, житие целителя Пантелеимона?

О чем нам рассказывают жития древних подвижников? На их страницах в изобилии представлены чудесные истории. Мученика калечат, а на следующий день он предстает здоровым и полным сил; его терзают дикие львы, а он обращается к мучителям с обличительной речью; ему отсекают голову, а вместо крови истекает молоко, вдруг начинают расцветать деревья. Факт святости подтверждается многочисленными необычными явлениями.

А что мы находим в житиях новомучеников? Надругательства уголовников, страшные издевательства следователей, отречение семьи от «врага народа». Эти факты зафиксированы в документах, нередко имеются живые свидетели содеянного.

Как связать истинность подвига того, далекого, мученика с истинностью подвига сегодняшнего? Как увидеть в житии, изобилующем барочными декорациями, настоящего и реального человека, скажем, великомученика Пантелеимона, страдальца за Христа? Он для нас — великий святой, мы молимся ему об исцелении от болезней. А к новомученику и обращаться-то неловко с просьбами. Казалось бы, ну что можно просить у не сдавшегося, не отрекшегося от Бога, но растерзанного, изувеченного, искалеченного, униженного страдальца?

Серия «Святые в истории» дает нам возможность выйти из «прекрасного барокко» в настоящую

жизнь и перекинуть мостик между древностью и современностью.

Сегодня переосмысление древних житий крайне актуально. Важно уметь отделять красоту стиля рассказчика и иконописную позолоту события от исторической реальности. Когда святые далеких веков вводятся в реальный контекст жизни, мы осознаем, что их страдания — такие же настоящие, как и страдания наших предков в XX столетии. И тогда полумифический персонаж становится истинно святым, живым и близким.

Святые в древней житийной литературе предстают перед нами как особые люди, специально рожденные по воле Божией. Стать святыми было их предназначением. Преподобный Сергей уже во чреве матери восклицал и молока материнского не вкушал в среду и пятницу. Он родился святым, у него и выбора-то иного не было!

Обычному человеку трудно подражать таким святым. Да и как тут подражать? Их путь предопределен. Но если познавать жизнь древнего святого в контексте той исторической реальности, которая его окружала, становится ясно: это простой человек. И он так же, как любой простой человек, мог дрогнуть, не выстоять, оказавшись перед выбором. И приходит мысль: «А ведь и я могу оказаться на этом месте». Ведь в действительности святые отличаются от нас только одним — они уже свой выбор сделали, а нам это еще предстоит.

Важно понимать — святыми не рождаются. Вот почему так важны для нас личные свидетельства самих святых и воспоминания очевидцев. Их сохранилось не очень много. У нас есть исповедь Блаженного Августина. Есть потрясающие «Душеполезные поучения» аввы Дорофея. К этой книге никто не относится как к житию, а ведь она содержит очень яркие автобиографические зарисовки. Например, авва Дорофей пишет: «Когда я был маленьким мальчиком, я ужасно не любил учиться и смотрел на книгу как на некоего ядовитого зверя. Но в какой-то момент я себе сказал, что буду читать. И я заставлял себя читать. И я заставлял себя учиться. И приобрел такой навык чтения, что уже не мог оторваться и забывал, где день и где ночь, и меня специально кормили, потому что я забывал поесть. И когда я пришел в монастырь, я подумал: „Если я приобрел такой навык к обычным, светским предметам, почему бы мне не попробовать сделать то же самое в своей духовной жизни?“»

Из таких историй по крупинцам собирается реальный контекст жизни реального человека. Полагаю, что именно так должны создаваться жития святых. Ведь чудеса — даже если они действительно происходили — не главное в жизненном пути святого.

Самое главное в подвиге мученика — это верность Христу. А мы, к сожалению, как правило, воспринимаем святого по количеству чудес, им

Предисловие

совершенных. Есть чудеса — значит, настоящий святой, у него есть сила и власть.

Книги серии «Святые в истории» — не про чудеса. Они о том, что есть лишь одно чудо — совершенная верность Христу, совершенное следование за Богом. Как у новомучеников, читая о которых видишь Евангелие, любовь, прощение, молитву за врагов. И это главное.

*Протоиерей Алексей Уминский,
настоятель храма Святой Троицы в Хохлах
(г. Москва)*

РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ ИМПЕРАТОР
КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ

(273–337)

← *Равноапостольный император Константин Великий. Фрагмент мозаики. Собор Святой Софии, Константинополь, Византия. Втор. пол. X в.*

Сим побеждай!

Только увидев вдалеке Аврелиановы стены, император Константин понял, на что он замахнулся. Рим! Для всех это был не просто город, а святыня, взлелеянная древними богами.

Военный лагерь Константин приказал разбить на равнинном берегу Тибра возле Мильвийского моста.

Римские сенаторы умоляли его освободить Рим от Максенция, обещали проголосовать за смещение тирана, объявить народу, что это они призвали армию для освобождения Рима. Но теперь сенаторы тянули время, боялись...

Даже по численности войско Константина было меньше, чем силы противника, к тому же Максенций сидел за укрепленными стенами и не собирался вступать в открытое сражение. Что же дальше? Взять Рим в осаду, которая может затянуться на месяцы? За это время Максенций призовет на помощь союзников, того же Дайю. Попытаться взять девятнадцатиметровые стены приступом? Но это уже полное безумие...

Наверное, никто прежде не видел императора Константина в такой мрачной задумчивости, как в эти дни.

Он не выходил из своей палатки и словно ждал чего-то. Вот только чего? Единственно верного решения? Чьей-то помощи или хотя бы подсказки? Легионеры тоже бродили по лагерю покурные, словно перед казнью.

Особенно когда стало известно, что Максенций велел верховному жрецу обратиться к книге пророчеств, которая хранилась в Риме за семью печатями, чтобы узнать, на чьей стороне будет победа.

И по книге пророчеств была предсказана смерть врагам Рима.

Максенций по этому поводу устроил в Риме грандиозное пиршество, заранее отпраздновав свою победу.

А в лагере Константина сразу резко повысился спрос на толкователей снов и писарей, помогавших сочинять прощальные письма и завещания.

Накануне решающей битвы, когда солнце клонилось к закату, на небе появилось необычайно круглое и ровное облако, похожее на щит. На облаке были отчетливо видны крест из двух перекрещенных лучей и какие-то буквы. Этот знак так долго не исчезал, что его при всем желании невозможно было принять за случайную игру света и тени — казалось, он начертан на небе чьей-то рукой.

Более мрачного предзнаменования и придумать было невозможно: казалось, что это уже окончательный приговор.

Крест — орудие казни, которое применялось только к отъявленным разбойникам, убийцам и рабам-мятежникам. Теперь он был обещан и легионерам...

Церковный историк Евсевий Кесарийский в сочинении «Жизнь блаженного василевса Константина» уточняет, что слышал об этом событии от самого императора Константина: «Нас с клятвой уверял в этом сам победоносный василевс, когда спустя долго после того мы писали настоящее сочинение и удостоились его знакомства и беседы».

И приводит слова Константина: «Я собственными очами видел составившееся из света и лежащее на солнце знамение креста с надписью: „Сим побеждай!“»

Наутро лагерь облетело новое известие: ночью во сне императору Константину явился ангел, который сказал: «Сделай изображение креста и прикажи нести его перед своим войском, и ты победишь не только Максенция, но и всех своих врагов».

В тот же день мастера сделали знамя с крестом, которое вместе с аквилами — штандартами в виде золотых или серебряных орлов, размещенных на шестах, — должно было участвовать в сражении. Солдаты через центурионов тоже

получили приказ изобразить на своих щитах и шлемах такой крест, какой все видели на облаке.

Вскоре примчался гонец с известием, что армия Максенция внезапно покинула Рим и переправляется через Тибр по плавучим мостам. С точки зрения военной стратегии это было похоже на чудо: переправившись через реку, армия Максенция сама себе отрезала путь к отступлению. Должно быть, предсказания жреца настолько вскружили Максенцию голову, что он не сомневался в своей победе.

В сражение с Константином была направлена и кавалерия мавританцев, которую Максенций набрал в Африке, — издалека чернокожие всадники в белых плащах напоминали стаю хищных птиц или демонов.

Император Константин лично повел свою армию в бой, повелев, чтобы рядом с ним неотступно находилось знамя с крестом. Всего через несколько часов битва возле Мильвийского моста закончилась его безоговорочной победой и стала ответом на тот вопрос, который Константин задавал себе всю свою жизнь...

Родиной Константина Великого считается затерянный на просторах Римской империи городок Наис, или Несс (сейчас это Ниш в Сербии). Он служил военной крепостью, преграждавшей готам, фракийцам, иллирийцам и другим варварам путь на римские территории.

Флавий Валерий Константин родился 27 февраля 273 (по некоторым источникам — 271 или 274) года.

За несколько лет до его рождения, в сентябре 268 года, произошла знаменитая битва с готами под Наисом, надолго обеспечившая спокойствие придунайских римских провинций. Есть что-то символичное в рождении императора Константина, по преданию, не проигравшего ни одного сражения в городе, где народ громко приветствовал победоносные римские легионы.

Возможно, в той битве под Наисом участвовал и отец Константина, уроженец этих мест, — успешный полководец Констанций из рода императора Клавдия Готика.

Имя Констанций означает «постоянный, стойкий, надежный». Все эти качества Константин получит в наследство от отца вместе с именем, и в его роду многие будут носить похожие имена — Констант, Констанций, Констанция...

По поводу происхождения матери Константина Великого существуют две противоположные версии.

По греческой версии, Елена была дочерью трактирщика в маленьком малоазийском городке Дрепанум. Ее знакомство с отцом Константином произошло, когда Констанций, тогда еще римский центурион, возвращался из военного похода по Малой Азии через Дрепанум. По пути он

остановился в придорожной гостинице, где Елена помогала отцу разливать вино.

По английской версии, Елена была дочерью короля бриттов и стала женой сенатора Констанция, который возглавлял направленную в Британию военную экспедицию.

В пользу первой версии говорит тот исторический факт, что впоследствии город Дрепанум был переименован в Еленополь и считался родиной царицы Елены. А еще — намеки врагов императора Константина по поводу низкого происхождения его матери, которые называли Елену не законной супругой Констанция, а конкубиной (сожительницей).

Наиболее распространено мнение, что Констанций с Еленой поженились вскоре после рождения сына, из-за чего недруги называли Константина в молодости незаконнорожденным.

Но никто из историков не отрицает, что Елена, вне зависимости от ее происхождения, отличалась врожденным аристократизмом и на редкость сильным, волевым характером.

Она воспитывала сына в спартанском духе. Уже в три года Константин ездил верхом, владел мечом, хорошо плавал, был вынослив в походах.

«Уменье вскочить на коня, натянуть лук и попадать стрелой в цель, нанести удар мечом и напрягать руку с силою, достаточною для пускания копья, быть выносливым к холоду и нима-ло не ослабевать от чрезмерной жары — и это

составляет немалую долю в обучении царей», — писал ритор Либаний о том, как Константин Великий воспитывал своих сыновей («Хвалебное слово царям, в честь Констанция и Константа»). А все потому, что император и сам в детстве прошел такую же школу.

Помимо военной выправки, Константин Великий удивлял своей образованностью и начитанностью, которая выгодно отличала его от других «солдатских императоров», выдвинутых армией.

Когда Константин был еще ребенком, в Римской империи произошли важные политические события, напрямую коснувшиеся его семьи.

Императором Рима стал Гай Аврелий Диоклетиан, в прошлом простой солдат родом из Диоклеи, проложивший себе оружием путь к верховной власти. Впрочем, довольно быстро Диоклетиан понял, что не в силах в одиночку контролировать и защищать от варваров такие огромные территории, и провозгласил соправителем своего боевого товарища Максимиана Геркула.

Сначала он дал Максимиану титул цезаря, а после — более высокий титул августа, представив равные с собой права по управлению Италией и Африкой. Еще через какое-то время Диоклетиан учредил тетрархию — правление четырех правителей, назначив младшими соправителями августов двух цезарей, которые считались их помощниками и преемниками.

И одним из этих цезарей стал отец Константина Констанций, к тому времени одержавший немало побед над варварами, — ему в управление достались Британия, Испания и Галлия.

В недолгий период тетрархии законы в империи издавались от имени всех четырех правителей, монеты чеканились с четырьмя профилями, но при этом Диоклетиан считался старшим августом. Сохранилась скульптура того времени, где четыре правителя Рима, в жизни предпочитавшие держаться друг от друга на большом расстоянии, идиллически стоят в обнимку.

Так Константин стал сыном римского цезаря.

Но вскоре его радость по поводу отцовской пурпурной мантии омрачилась известием о разводе родителей.

Опасаясь заговоров и борьбы за верховный трон, Диоклетиан постарался скрепить тетрархию родственными узами.

Свою дочь Валерию он выдал замуж за восточного цезаря Галерия, предварительно усыновив его. Цезарю Констанцию Диоклетиан велел развестись с Еленой и жениться на Феодоре, падчерице августа Максимиана Геркула.

После свадьбы отец Константина поселился с Феодорой, сделав своей резиденцией город Августа Треверов (сейчас это немецкий город Трир), и продолжил заниматься своим обычным делом — воевать с варварами или готовиться к очередной войне.

Евсевий, епископ Кесарийский, в своем сочинении приводит один случай, который позволяет составить представление о мирных буднях цезаря Констанция, его характере, а также о взаимоотношениях между правителями. Когда Диоклетиан издал эдикт о максимальных ценах на продовольственные и ремесленные товары, народ в стране был возмущен непосильными налогами. Но на западе недовольство ни разу не перешло в открытый бунт, и восточный цезарь Галерий внушил старшему августу, будто Констанций игнорирует его эдикт и чересчур щадит своих подданных. А потому казна западного цезаря пуста и, следовательно, его следует заменить на более твердого правителя. Диоклетиан направил в Треверы своих послов. Квесторы явились неожиданно, без предупреждения и действительно нашли казну пустой. Как раз в это время Констанций готовился к войне с бриттами, и все средства были направлены на оснащение армии.

Цезарь Констанций устроил послам роскошный прием и пригласил их погостить в своей резиденции. А пока гости развлекались, созвал состоятельных горожан на тайный совет, где объявил, что имеет срочную нужду в деньгах и сегодня каждому представляется случай доказать ему свою преданность.

Сограждане с готовностью откликнулись на его просьбу и даже старались превзойти друг друга в размерах пожертвований. Когда цезарь

показал послам собранную сумму, их удивлению не было предела.

— Как же так? — недоумевали они. — Мы только что видели своими глазами пустую казну.

— В целях безопасности я предпочитаю хранить деньги не у себя во дворце, а держать их у верных казначеев, — пояснил им Констанций. — А беру их только при необходимости.

Послы доложили Диоклетиану, что западный цезарь не только не был уличен в бедности, но, наоборот, нашел верный способ, как сохранить казну в случае внезапного нападения врагов. Этот способ назывался просто — доверие сограждан.

Когда Константину исполнилось шестнадцать лет, его отправили в Никомедию, где тогда находилась резиденция Диоклетиана, в императорскую военную школу. Как многие говорили — еще и в качестве заложника.

Удерживая возле себя Константина, Диоклетиану было легче держать в повиновении его отца, который пользовался большой поддержкой армии и потенциально был этим опасен.

Уже в юности в облике Константина было что-то победоносное, отличавшее его от других, особенно когда он садился на коня в полном военном облачении. Его высокий рост, безупречное телосложение, выразительные черты лица как будто были созданы для резца ваятеля.

К тому же старший сын цезаря Констанция был умен — разбирался в географии, военной

стратегии, литературе, в книжных лавках Никомедии на него работали десятки переписчиков.

Константина считали фаворитом Диоклетиана — стареющий император не раз брал его с собой в инспекционные поездки по стране и в знак особого расположения сажал рядом с собой по правую руку на колеснице. Многие не сомневались, что со временем именно Константин унаследует отцовский трон.

Но с первых же дней пребывания в Никомедии у Константина появился непримиримый и могущественный враг — восточный цезарь Галерий.

Вот какой портрет Галерия оставил для нас историк Лактанций, который в те годы жил в Никомедии при дворце Диоклетиана и многих своих героев знал лично:

«Была в Галерии природная жестокость зверя и дикость, чуждая римской крови... И голосом, и жестами, и взором своим он всех ужасал... Он держал медведей, схожих с ним дикостью и величиной, которых собирал в ходе своего правления по всей империи. Когда ему хотелось позабавиться, он приказывал привести кого-нибудь из них, называя по имени. Людей им бросали не просто ради того, чтобы те их терзали, а чтобы те их сожрали. Когда же их таким образом разрывали, он удовлетворенно смеялся, и никогда не приступал к обеду без кровопролития...» («О смерти гонителей»).

Как сообщает Лактанций, даже за незначительные провинности Галерий приговаривал своих подданных к сожжению на костре или отдавал в цирк на съедение зверям, считая ссылку, темницы, рудники и галеры слишком легкими наказаниями и назначая их в виде особой милости. Из всех видов казни Галерий предпочитал распятие на кресте, так как она давала возможность долго наблюдать за мучениями несчастного.

«Литература же почиталась среди дурных искусств, а тех, кто ее создавал, изгоняли и проклинали, как врагов», — сообщает нам Лактанций, за свое красноречие прозванный современниками «христианским Цицероном».

Как он пишет, Галерий был «статен, с дородным телом, ужасно тучным и отекившим», и даже тесть Диоклетиан чрезвычайно его боялся.

Даже если исключить из рассказа Лактанция явные преувеличения, все равно становится ясно, что Константину уже в юности пришлось выдерживать серьезную борьбу, чтобы уцелеть. И многому научиться, в том числе искусству дипломатии, увернувшись от карающей немилости того, кто «словами, поступками и страшным взглядом... был пугалом для всех».

Историки считают, что главным зачинщиком гонений на христиан, получивших в истории название «диоклетиановых», был именно Галерий, который люто, как своих личных врагов, ненавидел христиан.

Около десяти лет пробыл Константин при дворце императора в Никомедии, проявляя незаурядные способности и быстро делая военную карьеру.

Во время египетской кампании, которая началась весной 297 года, двадцатилетний Константин уже был первым трибуном когорты личной императорской гвардии. И во время осады мятежной Александрии, где некий мавр Ахилл при поддержке египтян провозгласил себя августом, по преданию, Константин проявил свое человеколюбие.

Перед отъездом в Египет август Диоклетиан приносил жертву в храме Аполлона, где главный жрец по внутренностям быка предсказал римлянам победу и возвестил, что Аполлон повелел избивать жителей Александрии до тех пор, пока лошадь императора не утонет по колени в крови.

После длительной осады, когда стены Александрии все же были взяты приступом, легионеры ворвались в город и стали убивать всех, кто встречался им на пути. Солдаты врываются в дома, выносили оттуда золото и ценные вещи. Цезари часто в качестве награды отдавали легионерам город на разграбление, просто определяя срок — три дня, десять...

При въезде в город Константин следовал за императором. Вдруг лошадь Диоклетиана споткнулась о тело убитой женщины, поскользнулась в луже крови и упала на передние ноги. Заметив

это, Константин воскликнул: «Смотрите, пророчество жреца сбылось! Колени императорского коня красны от крови!»

И тогда Диоклетиан отдал приказ по всем центуриям прекратить расправу над мирными жителями и мародерство.

Вскоре Константин принял участие в персидской кампании против царя Нарсеса, выиграв несколько сражений и сумев спасти остатки армии Галерия. Прибыв в Антиохию, чтобы отпраздновать победу над персами, Диоклетиан почтил Константина не только повышением в военной карьере, но и особыми почестями. Когда старший август объезжал город, рядом с ним на колеснице сидели армянский царь Трдат и Константин. Галерий, как пишут очевидцы, шел рядом пешком, взявшись за поручень, как лакей у стремени своего хозяина. Этого унижения он никогда не простит Константину...

23 февраля 303 года в Никомедии начались беспримерные в истории гонения на христиан — в городе была сожжена главная христианская церковь и убиты тысячи верующих.

А на следующий день появился тот самый эдикт Диоклетиана против христиан, согласно которому, как пишет Лактанций, «людей, исповедовавших эту религию, следовало лишить всякого почета и достоинства, подвергнуть пыткам, и, к каким бы рангам или сословиям ни принадлежали, все они подлежали судебному пресле-

дованию. Сами же они не могли высказываться ни о несправедливостях, ни о прелюбодеянии, ни о грабежах, в конце концов, они лишались и свободы слова» («О смерти гонителей»).

«Даже имея сто языков, столько же уст и голос железный, я бы не в силах назвать был все виды злодейств и кар имена изложить, которые причиняли судьи праведникам и безвинным людям», — пишет Лактанций, который своими глазами видел эти страшные события.

В 304 году в Риме Диоклетиан торжественно отпраздновал двадцатилетие своего правления, после чего объявил, что покидает трон. Многие говорили, будто к этому шагу заболевшего и за год резко угасшего августа подбил и даже угрозами склонил Галерий.

1 мая 305 года в Никомедию съехались высшие чиновники, консулы, сенаторы, чтобы стать свидетелями исторического момента передачи верховной власти.

Ни для кого не было секретом, что Галерий унаследовал трон Диоклетиана. Вторым августом был назван воевавший в этот момент в Британии Констанций, отец Константина. Главная интрига состояла в выборе двух цезарей.

Среди тысяч зрителей на трибунах был и Лактанций, с репортерскими подробностями описавший это событие.

Диоклетиан произнес краткую прощальную речь, в которой сказал, что состарился, мечтает

о покое и готов передать власть в более сильные руки.

Затем перед зрителями появились Галерий и высшие чины императорской гвардии. В первых рядах стоял Константин, выделяясь среди всех высоким ростом и царской осанкой. Многие ожидали, что сейчас будет названо именно его имя.

Галерий сделал знак рукой, и глашатай громко выкрикнул имена новых цезарей:

— Флавий Север!

И затем:

— Дайя!

«Все были ошеломлены. Наверху, на трибунале (возвышении), стоял Константин. Все недоумевали: неужели Константину сменили имя, когда вдруг Максимиан (Галерий), протянув руку назад и оттолкнув Константина, вывел на всеобщее обозрение Дайю, — пишет Лактанций. — Сняв с того одежду частного лица, он поставил его в центре. Все удивлялись — откуда он взялся? Никто, впрочем, смутившись, не осмелился громко возражать, придя в замешательство от неожиданной новости. Диоклетиан набросил на него свой пурпур, сбросив его с себя, и вновь стал Диоклом. Затем он спустился, его провезли как старого царя через весь город на повозке и отпустили на родину».

Несомненно, новость о том, что Галерий объявил цезарем не его, а своего племянника Максимиана Дайю, явившегося из придунайских степей, была большим ударом по честолюбию Константина.

Но он нашел в себе силы никак этого не проявить. И вскоре подал прошение, чтобы его отправили в Британию, на помощь отцу. Галерий с радостью отпустил Константина в надежде, что тот сгинет в британских болотах, но для верности решил устроить по дороге засаду.

Константину стало об этом известно, и он отправился на север обходным путем. Чтобы избавиться от погони, он похищал на перекладных станциях всех казенных лошадей. Узнав, что его уже не догнать, Галерий, как пишет Лактанций, «с трудом сдерживал слезы».

Под командованием Константина римские легионы в Британии удачно завершили кампанию, восстановив границы северной провинции Рима в прежних пределах.

К этому времени отец Константина доживал свои последние дни в Эборакуме (Йорке), по другим источникам — в Лондини (Лондоне). В историю он вошел под именем Констанций Хлор. Прибавку к его имени («хлор» значит «бледный») придумали позднейшие византийские историки, чтобы не путать с сыном Константина Великого Констанцием. Возможно, Констанций имел очень болезненный вид, подхватив в британских болотах лихорадку, от которой и умер.

Константин застал отца уже на смертном одре — в присутствии свидетелей отец назначил его своим преемником, после чего скончался.

Прощание с императором проходило при огромном стечении народа. Когда Константин появился на площади, солдаты приветствовали его громкими криками: «Да здравствует август Константин!»

Таким образом, 25 июля 306 года армия провозгласила его августом.

Константину было 32 года, и он сам все время чувствовал свою «звезду» — словно какая-то высшая сила вела его по жизни и даровала победы... И он все чаще задавался вопросом: какие боги помогают его славе?

В 330 году будет выпущена золотая монета, где император Константин изображен вместе с Александром Македонским — два гордых, победоносных профиля.

А в 306 году Константин доказал, что не зря десять лет провел при дворце Диоклетиана, научившись стратегии и тактике, умению делать правильные политические ходы. Он написал Галерию письмо, в котором признавал себя недостойным столь высокого титула августа и просил одобрить действия его армии частично, то есть утвердить за ним титул цезаря. Да, их силы с Галерием пока были слишком неравны, и не в пользу Константина.

Галерию ничего не оставалось делать, как утвердить за своим заклятым врагом титул цезаря Британии. Как бы ни были сильны личные амбиции, но кому-то надо было защищать северные границы Рима.

Константин поселился в Треверах, в резиденции отца, оставив за мачехой Феодорой титул августы и пособие из царской казны для нее и ее шестерых детей.

31 марта 307 года Константин женился на Фаусте, младшей дочери августа Максимиана Геркула — это был уже второй его брак. Первой избранницей Константина, еще в юности, стала Минервина, дочь богатого купца в Дрепануме, которая умерла во время родов, оставив ему сына Криспа.

Руки дочери Максимиана он добивался давно. Константин хотел укрепить свои позиции августа, так как Максимиан Геркул, бывший август, хотя и отрекся от верховной власти вместе с Диоклетианом, но все еще имел авторитет и пытался вернуться в политику.

Их первая встреча с Фаустой произошла при забавных обстоятельствах.

Еще во время учебы в военной школе Константин в свите императора объезжал Италию. Во время торжественного приема в Медиолане семилетняя Фауста по ошибке преподнесла ему в подарок шлем, предназначенный Диоклетиану. Наверное, ей показалось, что украшенный драгоценными камнями шлем будет больше к лицу этому высокому и красивому молодому воину.

Фауста была непомерно честолюбива, и когда Константин впервые к ней посватался, шестнадцатилетняя девушка объявила, что выйдет

замуж только за цезаря. А когда Константин стал цезарем, подняла планку — нет, она будет женой только августа, верховного правителя.

И Константину, который и сам был честолюбив, наверняка это тоже нравилось, вдохновляя на новые подвиги.

Личная жизнь правителей — самая недоступная область для историков. Но многое говорит том, что Елена была недовольна выбором сына.

Когда-то отец Фаусты, Максимиан Геркул, разлучил ее с мужем, и от его детей она тоже не ожидала ничего хорошего...

Какие только хвастливые титулы не присвоил себе Максимиан Геркул за свои победы: Британский Величайший, Германский Величайший, Персидский Величайший, Сарматский Величайший, Армянский Величайший, Карпийский Величайший, причем не по одному разу.

После ухода Диоклетиана формально Максимиан Геркул был отстранен от власти, но именно тогда он во всей полноте проявил всю свою сущность интригана, устроив вместе с сыном Максенцием захват власти в Риме.

Поводом к народным волнениям в Риме стал указ Галерия, который отменял для горожан свободу от налогообложения — вековую привилегию столичных жителей. Возмущенные горожане, подстрекаемые сенатом, подняли в Риме бунт. Тогда-то и появился Максимиан

Геркул, пообещав сенаторам вернуть Риму все привилегии, если его снова провозгласят августом Италии.

Сенаторы набросили на него порфиру, и новый хозяин Рима сразу же объявил соправителем сына Максенция.

Узнав об этом, разъяренный Галерий велел своему ставленнику Флавию Северу двинуть войска на Рим. Но из его затеи ничего хорошего не вышло. После неудачных военных маневров Севера уговорили сдаться на милость новых правителей Рима, а когда он приехал в столицу, заставили покончить с собой. Галерий со своим войском двинулся на помощь Северу, и Максимиан Геркул велел сыну выступить ему навстречу. Но Максенций отказался, и отец в сенате в гневе сорвал с него пурпурную мантию.

Тогда Максенций подкупом склонил на свою сторону преторианскую гвардию и выгнал отца из Рима.

Войско Галерия вскоре отступило назад, как сообщают историки, неистово разоряя на обратном пути города Италии, как будто оно шло по вражеской территории.

Таким образом, Максенций стал единоправным властителем Рима, а Максимиан Геркул бежал на запад к Константину и дал согласие на его брак с Фаустой.

Свадебная церемония состоялась в Ареалате (сейчас это французский город Арль), где

Константину был также присвоен титул августа Британии, Галлии и Испании.

Сохранилась мозаика V века с портретом молодой Фаусты. Молодая волоокая женщина с тяжелым подбородком и царственным венком на голове держит в руках шкатулку с украшениями, показывая всем жемчужное ожерелье — свадебный подарок императора Константина...

Отношения Константина с хитроумным тестем испортились очень быстро. Пока зять воевал в Галлии с франками и алеманами, Максимиан Геркул устроил за его спиной заговор.

Распустив слухи, будто Константин погиб на войне, он объявил себя августом Галлии, Британии и Испании и на золото из казны зятя подкупил и склонил на свою сторону несколько легионов. На первый раз Максимиан был помилован — прощение для отца выпросила Фауста.

Через какое-то время Максимиан Геркул снова предпринял попытку захвата власти — на этот раз более примитивным способом, подослав ночью в спальню Константина убийц. Не жилось ему спокойно; в это время его боевой товарищ Диоклетиан давно уже выращивал в своем имении капусту, не желая слышать о войнах и политике.

К счастью, в охране Константина нашелся преданный человек, предупредивший о покушении. Заговор был раскрыт, наутро Максимиан был найден мертвым в своей спальне.

Народу объявили, что смерть отца Фаусты наступила от сердечного приступа, и в 310 году Максимиана Геркула похоронили с императорскими почестями.

А осенью 311 года умер Галерий, который весь последний год страдал какой-то неизлечимой и страшной болезнью. Август испробовал все лекарства и заклинания. По греческому обычаю за его выздоровление в храме Асклепия была принесена гетакомба — жертвоприношение из ста отборных быков, напрасно сторовших на гигантском костре. В отчаянии Галерий обратился за помощью к христианскому Богу, пообещав восстановить разрушенную церковь в Никомедии, и издал указ, разрешающий христианам свободно исповедовать свою веру.

«Так как эдикты, изданные нами с целью поддержать поклонение богам, подвергли многих христиан опасностям и бедствиям и многие из них претерпели смерть, а многие другие, в более значительном числе, до сих пор упорствуя в своем нечестивом безрассудстве, лишены всякого публичного религиозного культа, то мы желаем распространить и на этих несчастных людей наше обычное милосердие», — витиевато изложил Галерий в этом эдикте свои условия Богу в обмен на здоровье.

Но они не были приняты — чаша злодеяний была слишком тяжела...

Власть Галерия на востоке унаследовал Дайя, которому помогал восточный цезарь Лициний.

В Риме тем временем продолжал бесчинствовать Максенций, все более возмущая римлян, повидавших всяких тиранов, но этот, казалось, старался превзойти всех.

В 311 году в Треверы к Константину тайно прибыло посольство из Рима. Сенаторы жаловались, что их правитель направо и налево продает должности консулов и глав провинций, охотится за женами знатных патрициев и разрешает солдатам по ночам разбойничать на улицах, отдавав приказ: «Напивайтесь и развратничайте. Жизнь коротка!»

Римские сенаторы пообещали Константину всевозможное содействие, если он поведет свое войско на юг, к Риму.

К тому же стало известно, что Максенций готовится объединиться с Дайей, вместе перейти через Альпы и напасть на Галлию, чтобы устранить своего главного соперника — Константина.

На берегу Тибра возле Мильвийского моста состоялась решающая битва, в которой Константин одержал победу над Максенцием.

Когда войско Константина вошло в Рим, народ с удивлением увидел рядом с позолоченными римскими орлами знамя с крестом — лабарум, который отныне будет сопровождать императора во всех его сражениях.

Все в том триумфальном шествии по Риму было необычно.

По традиции императоры первым делом совершали жертвоприношение римским богам,

благодаря их за победу, но Константин демонстративно проехал на своей колеснице мимо храмов Юпитера и Аполлона, напрямиком к цирку.

Теперь он знал, что ему помогли не эти боги.

Константин запретил выставлять в храмах Рима свое изображение и тем более воскурять перед статуями фимиам. Но все же в римской базилике Максенция будет воздвигнута его огромная статуя с крестом в руке — чтобы изгнать старых богов из их святилищ.

Впоследствии колоссальная статуя, видимо, была разбита мародерами, сбивавшими с нее бронзу. Ныне остатки этого изваяния хранятся в римских Капитолийских музеях. Они поражают своими размерами: огромная мраморная голова, огромная ступня, кисть руки...

Как написал о статуе итальянский историк Бьянки-Бандинелли, «безжизненное лицо оживлено только огромными глазами, из которых льется магическая сила взгляда и одухотворенность».

Конечно, вера императора Константина — вера воина — была очень простой, но преисполненной искренней благодарности. Отныне все почести и славу великих побед Константин будет щедро делить с Богом, считая Его главным предводителем своего воинства.

Евсевий, епископ Кесарийский, часто беседовавший с императором, сообщает, что после победы возле Мильвийского моста Константин пересмотрел всю свою жизнь. И сделал для себя

такой вывод: «Мое служение Бог нашел и судил годным для исполнения Его воли. Начав от того британского моря и от тех мест, где по некоей необходимости определено заходить солнцу, я при помощи какой-то высочайшей силы гнал перед собой и рассеивал все встречавшиеся ужасы, чтобы воспитываемый под моим влиянием род человеческий призвать на служение священнейшему закону и под руководством Высочайшего Существа взрастить блаженнейшую веру» («Жизнь блаженного василевса Константина»).

Несколько столетий в Риме на площади будет возвышаться огромная статуя Константина, держащего в руке копье в виде креста с надписью: «Этим спасительным знаменем, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана и по освобождении его возвратил римскому сенату и народу прежние блеск и славу».

А в Риме возле Колизея, на Триумфальной арке, воздвигнутой в честь победы над Максенцием, и теперь можно прочесть такие слова на латыни: «Императору Цезарю Флавиусу Константину, самому великому, набожному и бывшему благословленному Августу: потому что он, вдохновленный божественным, и величием его ума освободил государство от тирана и всех его последователей в то же самое время, с его армией, и только сила оружия, сенат и люди Рима посвятили эту арку, украшенную триумфами».

На западной стороне арки на барельефе изображен въезд Константина в Рим, на северной — его выступления перед народом и раздача денег.

Теперь цезарь появлялся перед народом, окруженный не жрецами, а христианскими иерархами, тем самым показывая, кто его советники.

Епископы получили право вершить гражданский суд, если на это были согласны обе стороны, и всевозможные привилегии от государства.

Один из лучших римских дворцов с окружающими землями Константин передал во владение римскому епископу, духовенство получило освобождение от государственной службы. Отныне священники занимались своим прямым делом — служением Богу, Который дарует империи великие победы и помогает цезарю.

Для богослужений были отданы многие общественные здания Рима, так называемые базилики. Многие из них оказалось нетрудно превратить в просторные и красивые церкви.

Историки до сих пор не пришли к единому мнению, была ли мать Константина изначально христианкой или Елена уверовала после знаменательной битвы возле Мильвийского моста. В любом случае с этой победы начинается время христианских императоров и императриц. Константин не притеснял тех, кто поклонялся и приносил жертвы языческим богам, — это будет уже после него, гораздо позднее...

Триумфальная арка Константина. Рим, Италия. 315 г.

В 313 году в дни свадьбы своей сводной сестры Констанции с правителем востока Лицинием в Медиолане император Константин торжественно обнародовал свой знаменитый Миланский эдикт, дарующий христианам право свободно исповедовать свою веру.

В нем много сказано о той «божественной благосклонности, которую мы узнали в таких больших наших делах и которая в будущем обеспечит благоденствие государства».

Тысячи пострадавших за христианскую веру возвращались из тюрем и рудников домой, не до конца веря своему счастью. Если на западе начались новые времена, то в восточных провинциях, где правил Лициний, христиане продолжали испытывать притеснения со стороны власти.

Лициний вмешивался в служение епископов, разорял христианские церкви, а на награбленные богатства строил военные корабли.

Вокруг все громче говорили о том, что в будущем он собирается направить флотилию против Константина. В течение десяти лет конфликт между двумя правителями империи набирал силу, а в 323 году он вылился в открытую войну.

Это была уже почти символическая битва между христианством и язычеством. Накануне сражения Лициний созвал своих приближенных в «священную рощу». Совершив обряд перед идолами богов, он произнес речь, что именно эта

битва, по его убеждению, должна была наконец определить, какой бог все-таки сильнее.

«А когда над нашими, которых там много и которые числом доныне имеют преимущество, одержит верх какой-то не знаю откуда взявшийся Бог Константина, то пусть уже никто не останется в сомнении, кого почитать Богом, пусть всякий обратится к сильнейшему и отдаст ему пальму победы», — передает смысл его выступления Евсевий Кесарийский.

Также Лициний убеждал своих воинов не смотреть на хоругвь с крестом, говоря, что «она страшна своею силой и враждебна нам».

Решающее сражение, состоявшееся в сентябре 324 года близ Хрисополя, завершилось победой армии Константина.

Таким образом, Константин одолел всех своих противников, стал единственным и полноправным правителем Римской империи и готов был неустанно за это восхвалять Христа. Многие в империи воспринимали это почти как чудо, реальное доказательство силы христианского Бога.

Константин будет писать об этом и в своих указах:

«А ныне еще более ясными событиями и славными подвигами доказано как неразумие всякого в этом деле сомнения, так и величие силы великого Бога, потому что у тех, которые верно блюдут достойный благоговения закон и не дерзают нарушать ни одной его заповеди, блага изобильны,

твердость в предприятиях превосходна, надежды хороши...»

Эдиктом 324 года он объявит о приоритете христианства перед всеми другими религиями.

Поэтому императору Константину был совершенно непонятен и даже оскорбителен тот богословский спор, который разгорелся вокруг личности Христа во время его правления. Сначала он касался ереси отделившихся от Церкви донатистов. Но еще большее распространение получило ложное учение александрийского пресвитера Ария, который дерзнул отрицать Божественность Христа, говоря о том, что Иисус Христос не есть Вечный и Безначальный, а Он творение Бога Отца.

Отголоски этого древнейшего спора можно и сейчас услышать на наших улицах, когда иеговисты останавливают прохожих и задают вопрос: кто старше — отец или сын? И, получив ответ, развивают идею отрицания Троицы, перенося земные понятия в мир, куда не дано проникнуть при помощи упрощенной логики.

Но если, как утверждали ариане, Христос был лишь «творением» Бога, не единосущным Богу Отцу, то это сразу лишало смысла всякие человеческие усилия уподобиться Христу, «обожиться» и через это достичь спасения.

«Спор о Христе есть всегда спор о природе человека и об его назначении. Этим „жизненным“ содержанием спора и объясняется та страстность,

с которой он велся», — пишет протоиерей Александр Шмеман («Исторический путь Православия»).

Вряд ли император Константин понимал всю важность спора о том, чем отличается «единосущен» от «подобносущен», но сам факт серьезных разногласий в Церкви сильно его задевал.

Он лично написал два письма — одно епископу Александру Александрийскому, другое — Арию, где назвал их спор «маловажной распрей и суетным словопрением» и призвал примириться, чтобы скорее «возвратить ему отрадные дни и безмятежные ночи».

Но письма не помогли, и тогда император Константин выслал всем епископам христианского мира грамоты, призывая их съехаться, чтобы вместе решить богословский спор.

В 325 году в малоазийском городе Никея состоялся Первый Вселенский собор — первый в истории христианский форум такого масштаба.

Собор открылся в одной из палат царского дворца. На нем присутствовали 318 епископов из Италии, Египта, Палестины, Сирии, Месопотамии, Армении, Дакии и других уголков империи, которых могли сопровождать пресвитеры, диаконы и другие помощники. Всего собрание насчитывало около двух тысяч человек, и уже сам факт его проведения говорил о том, что император ставит важность церковных дел наравне с государственными.

Многие из епископов, приглашенных на собор, претерпели гонения, пытки и носили на себе следы увечий. Епископ Пафнутий Фиваидский лишился правого глаза и хромал; Павел Неокесарийский не владел руками, пройдя испытание раскаленным железом; на других тоже были шрамы, следы ожогов...

Это были настоящие седовласые воины за веру Христову, впервые собравшиеся вместе в роскошных императорских палатах.

В зале полукругом стояли скамьи для епископов, в центре на столе лежала книга Священного Писания как свидетельство истины, с которым должно было согласоваться решение собора.

Накануне императору Константину передали жалобы ариан на епископов, но, как говорят свидетели, он разорвал все бумаги, даже не прочитав их, и сказал, что личные распри должны быть забыты и все вопросы будет решать собор.

Первый Вселенский собор продолжался два с половиной месяца и закончился победой сторонников «единосущия». Был составлен Символ веры, под которым подписались почти все, даже семнадцать арианских епископов.

Говорят, император Константин считал собор в Никее главным делом своей жизни. Наверное, он думал, что примирил враждующих епископов перед лицом Бога, не догадываясь о том, что и после этого собора противоборство никейцев с арианами будет продолжаться еще не одно столетие...

Во время собора император сидел среди епископов на некотором возвышении, на позолоченном кресле, как бы закрепляя за собой сан первосвященника и символизируя в своем лице две власти империи — светскую и духовную.

Так между государством и Церковью зарождался союз, который по сложности оттенков и полутонов в истории не случайно получил название «симфония властей».

Церковь с надеждой и верой приняла объять христианской империи и, как пишет историк А. В. Карташев, ее тонкому организму приходилось часто «похрустывать» в этих объятиях.

Евсевий Кесарийский, написавший самые что ни на есть восторженные панегирики Константину Великому, отмечает в своих сочинениях его излишнюю доверчивость к людям. Константин действовал и мыслил масштабно, его планы были грандиозны, и ему было просто недосуг вникать в нюансы человеческих отношений, психологию подданных.

«Человеколюбие и добролюбие, искренность веры и прямодушие располагали василевса доверять людям, бывшим, по-видимому, христианами и под маской притворства старавшимся снять истинное его расположение. Доверяя же им, иногда совершал он недолжное», — пишет Евсевий Кесарийский, намекая на то, что императора нередко обманывали и епископы, и самые близкие люди.

После того как император Константин отметил свой пятидесятилетний юбилей и прошли торжества виценналий — двадцатилетия царствования на троне, началось крушение его личной жизни.

Семейные отношения — самая темная и, возможно, самая «неблагословенная» часть биографии императора Константина.

С Фаустой у них было шестеро детей — три сына и три дочери, но императрица всегда очень ревниво относилась к старшему сыну Константина, Криспу, которого воспитала Елена.

Крисп рано стал постоянным помощником отца в сражениях и во многом был похож на Константина, считался его преемником.

Говорили, что Фауста сумела убедить Константина, будто бы Крисп готовит против него заговор. Ходили слухи, что императрицу видели в объятиях пасынка и что она нарочно это подстроила, — теперь уже никто не разберется в древних дворцовых интригах.

Константин, уязвленный доносом, отправил старшего сына в изгнание, на время отстранив его от всех дел, чтобы решить его участь. Следом в ссылку пришел императорский указ о казни Криспа, который был приведен в исполнение. На поверку указ оказался подделкой — видимо, эта фальшивка с царской короной и печатью Константина тоже была делом рук испугавшейся разоблачения Фаусты.

А вскоре империю облетело известие о смерти самой императрицы Фаусты. Ее нашли утонувшей в бассейне с горячей водой. По этому поводу было много разных версий, в том числе основанных на горячем нраве императора Константина и его угрызаниях совести по поводу гибели Криспа.

Отпраздновав тридцатилетие правления, император Константин собрался поехать в Палестину, чтобы принять крещение в водах Иордана, но этому не суждено было случиться.

После Пасхи 337 года он почувствовал недомогание и по совету врачей поехал лечиться к теплым водам. Но облегчения не наступило. Поняв, что приходят его последние дни, император Константин велел перевезти себя в предместье Никомедии.

Здесь епископы совершили над ним крещение. Больше император уже не переодевался в царские облачения и умер в белых одеждах, которые в древности всю первую неделю после крещения носили неофиты.

Скончался император Константин в праздник Пятидесятницы, День Схождения Святого Духа на апостолов.

Даже после его смерти римляне верили, что Константин Великий помогает им одерживать победы в сражениях.

Примерно через семнадцать лет после кончины императора его сын Констанций воевал

с персами и попал в окружение. Персидский царь Шапур взял в осаду римскую крепость Антиохию Мингидонскую, при штурме которой погибло почти 10 тысяч персов, и Шапур поклялся отомстить римлянам. Вскоре начался дождь с грозой.

Взглянув на небо, Шапур вдруг увидел на крепостной стене блистающего ангела, а рядом с ним — Константина Великого в полном военном облачении. И тогда царь Шапур принял решение отступить, сжег осадные орудия и со всей своей армией удалился от крепости.

В эту легенду, рассказанную историком Феофаном Византийцем, верили его современники («Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофила»).

Побед Константина Великого хватило бы, чтобы навеки вписать его имя в историю Рима. Но у него было еще одно грандиозное детище — Константинополь.

Построенный им город станет столицей Византийской империи, на тысячу лет пережившей Римскую империю.

Император Константин долго подбирал место для нового Рима, он рассматривал и Треверы, и Наис, где он родился, и Фессалоники — из-за близости моря и торговых путей, и даже начал строительство на развалинах древней Трои, разметил там новые улицы.

Но неожиданно его выбор пал на мало кому известную римскую крепость Византий на бере-

гах Босфора. Говорили, будто император снова увидел вещий сон...

По преданию, однажды рано утром император Константин со свитой отправился осматривать окрестности Византия, а потом приказал телохранителю следовать за ним, опустив к земле копьё. След от копьёя должен был очертить границы будущей столицы.

И Константин, как мальчишка, с гиканьем понёсся вскачь, воскликнув: «Я буду идти до тех пор, пока не остановится Тот, Кто идет впереди меня!»

Никто не сомневался, что он действительно видит кого-то впереди.

ПРЕПОДОВНЫЙ АНТОНИЙ
ВЕЛИКИЙ

(251–356)

← *Преподобный Антоний Великий. Икона. Тзортзи (Зорзис) Фука. XVI в. Монастырь Дионисиат, Афон, Греция.*

*Никого не учи тому,
чего прежде сам не исполнил на деле.*

На берегу Нила сидел монах, ожидая какой-нибудь проплывающей мимо лодки. Он размышлял, где бы найти такую пустыню, в которой на самом деле не было бы ни души.

Вдруг его окликнул голос:

— Куда и зачем идешь, Антоний?

Антоний посмотрел на раскаленное медное небо — привыкнуть к такому было невозможно!

Он ответил, что собрался в пустыни Верхней Фиваиды, где его никто не знает. И услышал в ответ: не стоит так далеко идти, лучше отправиться во внутренние пустыни.

— Но кто укажет мне путь? — спросил Антоний.

И увидел, как к берегу в клубах пыли приближается караван верблюдов.

По головным уборам издалека можно было различить сарацин, которые как раз держали путь в окрестные пустыни.

Обычно сарацины неохотно брали в свой караван чужаков, но когда Антоний подошел к ним и попросил разрешения стать их попутчиком, то сразу же получил согласие.

На третий день караван добрался до Писпирских гор, и Антоний увидел место, как будто специально для него приготовленное.

Это была довольно высокая гора, у подножия которой росли несколько финиковых пальм и протекал ручей с прохладной водой.

На ближайшие сорок лет гора стала домом святого Антония...

А дом, в котором Антоний родился приблизительно в 251 году, находился в египетском селении Коман (или Кома), в плодородной долине Нила.

Существует версия, что его родители были настолько ревностными христианами, что не стали отдавать сына в школу, опасаясь дурного влияния. Но, возможно, и из соображений безопасности: как раз в середине III века, когда родился Антоний, начались жестокие гонения на христиан цезаря Деция Траяна, затем подхваченные императором Валерианом. Если это так, то, значит, все свое детство Антоний провел в стенах родного дома, по сути — затворником, навсегда полюбив уединение.

Родители умерли, когда Антонию было примерно двадцать лет, оставив ему в наследство большое пахотное поле размером около ста гек-

таров. Для египтян, издавна поставлявших в Рим зерно, это была большая ценность — так что по тем меркам Антония можно было считать в его селе богатым юношей.

Примерно через полгода после смерти родителей Антоний услышал в церкви слова Христа из Евангелия от Матфея, обращенные к богатому юноше: *Если хочешь быть совершенным, иди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на Небе, и иди вслед за Мной* (Мф. 19: 21).

Но если описанный в Евангелии богатый юноша отошел от Христа с печалью, потому что ему жалко было расставаться с большим имением, то Антоний вернулся из церкви радостным, как человек, наконец-то получивший ответ на давно мучивший его вопрос.

Землю, оставшуюся от родителей, он отдал односельчанам, другое имущество продал, оставив часть денег для малолетней сестры. Что же дальше? Христос сказал: *...и иди вслед за Мной* (Мф. 19: 21). Но куда идти и как сделать первый шаг?

Вскоре в церкви Антоний услышал такие слова Иисуса: *Не заботься о завтрашнем дне: завтрашний день сам будет заботиться о себе; довольно для каждого дня своей заботы* (Мф. 6: 34) — и все его сомнения разом исчезли.

Как можно медлить и чего-то бояться, когда рядом с тобой Господь?

В тот же день Антоний покинул родное село, оставив младшую сестру на попечение женщин-христианок.

Он решил стать монахом, что значит «одинок живущим», и для начала в уединении устроил для себя что-то вроде школы пустынножителства.

Главная «дисциплина» в этой школе — аскеза, то есть сознательное и добровольное стремление к совершенству через особые духовные упражнения и подвиги. Конечная цель обозначена в евангельских словах: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5: 48). Учителя — опытные подвижники и старцы.

Как говорится в житии святого Антония, написанном святителем Афанасием Великим, услышав, что где-нибудь в окрестностях появился новый отшельник, Антоний сразу же шел в это место и, «как мудрая пчела», старался впитывать чужой опыт.

Авва Антоний говорил: «Есть люди, которые изнурили тело свое подвижничеством и, однако же, удалились от Бога, потому что не имели рассудительности».

Были и другие, самые разные «уроки»: ночные молитвы под звездным небом, умение подолгу молчать и спать на земле, подложив под голову камень, довольствоваться простым куском хлеба с солью, а еще борьба с унынием, раздражением, но прежде всего — с помыслами...

Первое время Антония мучили воспомина-ния о прежней жизни, «самоупреки» об оставленной дома сестре, мечты о том, как он мог бы потратить свое богатство, одиночество, страх заболеть неизлечимой болезнью и «продолжительность времени», то есть коварная мысль о том, что это — навсегда... Но постепенно Антоний научился молитвой отгонять от себя этот беспокойный рой.

Правила он постепенно превращал в привычки, привычки — в образ жизни, и так потихоньку, шаг за шагом, становился другим, новым человеком.

Авва Антоний говорил: «Кузнец, взяв кусок железа, наперед смотрит, что ему делать: косу, меч или топор. Так и мы должны наперед помышлять, к какой нам приступить добродетели, чтобы не напрасно трудиться».

Примерно пятнадцать лет занимался Антоний такой терпеливой, последовательной работой над собой, но вот наступила пора «выпускного экзамена». Подвижник решил на время уйти в полный затвор, чтобы испытать всю силу своей молитвы.

Он нашел пустующую гробницу (у египтян это были уменьшенные копии фараоновых пирамид, многие заранее строили их для себя), попросил своего знакомого, чтобы тот в условленный день принес хлеба, после чего затворил за собой дверь...

Вот только можно ли назвать уединением то, что происходило дальше?

В житии говорится, что вскоре, как бы раздвинув четыре стены, в гробницу со страшным шумом ворвались демоны. И это было похоже на вторжение «плохо воспитанных молодых людей или разбойников»...

«Искушение святого Антония» — один из самых распространенных сюжетов в мировой живописи. На картине Микеланджело, которая считается самой ранней работой художника, святой Антоний изображен среди клубка фантастических хвостатых, крылатых, чешуйчатых, игольчатых и перепончатых существ — бесов.

Поль Сезанн живописует искушение Антония почему-то исключительно обнаженными женскими телами, сюрреалистическая фантазия Сальвадора Дали напоминает жутковатый мираж в пустыне, ну а одноименный триптих Босха по изощренности искушений и вовсе не поддается описанию...

И все же наиболее приближенно к древним источникам искушение святого Антония изобразил итальянский художник XIV века Фра Анджелико. На его полотне святой Антоний делает характерный жест рукой, как будто останавливает кого-то, но при этом мы... никого не видим! И это так и есть: у каждого человека — свои искушения, свои невидимые другими демоны.

Авва Антоний говорил: «Кто живет в пустыне в безмолвии, тот свободен от трех искушений:

от искушений слуха, языка и взора; одно только у него искушение — искушение в сердце».

Когда в назначенный день знакомый принес хлеб и отворил дверь в гробницу, он нашел внутри почти бездыханного Антония. Сердобольный земляк взвалил подвижника на плечи и отнес в ближайшую сельскую церковь, но среди ночи Антоний очнулся и попросил, чтобы его отнесли обратно.

Его испытания, превышающие, казалось бы, человеческие силы, еще не были закончены.

Но однажды Антоний увидел, как свод гробницы над ним словно раздвинулся, наверху просиял светлый луч. И сразу же отступили призраки, исчезла боль в теле — это было прикосновение милосердного Бога.

— Где Ты был, милосердный Иисусе, и почему с самого начала не явился исцелить меня? — воскликнул Антоний.

И услышал в ответ:

— Я все время был здесь, но желал видеть тебя в битве. И так как ты мужественно выдержал борьбу, Я всегда буду помогать тебе.

С этого мгновения Антоний как будто родился заново.

Авва Антоний говорил: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его, ибо любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4: 18).

Вскоре после этого он взял с собой запас хлеба на полгода (это был хлеб особой выпечки,

который долго не портился), переправился на лодке на другой берег Нила и ушел жить в пустыню.

По пути Антония все время пыталось что-то остановить: ему даже встретилось рассыпанное на дороге золото, через которое он «перескочил, как через огонь». Позднее Антоний расскажет своим ученикам, что это был не мираж, а самые настоящие золотые монеты.

Вскоре он дошел до бывшей римской воинской крепости и поселился в одной из полуразвалившихся башен.

Два раза в год он принимал через ограду хлеб от местных жителей, меняя его на сплетенные из пальмовых ветвей корзины, рогожи и циновки, а деньги раздавал нищим. Со всеми проходящими Антоний старался беседовать через узкое отверстие в стене, не желая показываться людям.

Но отшельник никогда не был один — это видно из дошедших до наших дней достопамятных (достойных памяти) сказаний о святом Антонии.

Однажды авва Антоний впал в уныние и воззвал к Богу: «Господи! Я хочу спастись, а помыслы не дают мне. Что мне делать в моей скорби? Как спастись?» Антоний встал, вышел из кельи и увидел неподалеку кого-то, похожего на него. Тот человек спокойно сидел и работал, потом встал из-за работы и молился, после опять сел и продолжил вить веревку, затем опять встал на молитву.

Это был ангел Господень, посланный для наставления и подкрепления Антония. И ангел сказал ему вслух: «И ты делай так — и спасешься». Услышав это, Антоний очень ободрился, стал так делать — и спасался.

По всем окрестным селениям распространился слух, что в бывшей воинской крепости живет отшельник, умеющий исцелять силой молитвы, даже если просто постоять возле его закрытых дверей.

В соседних пещерах стали селиться те, кто хотел подражать жизни Антония, и дело дошло до того, что, как говорится в житии, «некоторые же из знакомых пришли и силою разломали и отворили дверь» в крепость.

Тогда святой Антоний вышел к людям, приняв это как волю Божию.

Антонию было примерно тридцать пять лет, когда он пришел в это место, еще двадцать лет провел он в затворе в своей башне, ведя суровую подвижническую жизнь, но отшельника как будто не коснулось время.

«Тело его сохранило прежний вид, не отучнело от недостатка движения, не иссохло от постов и борьбы с демонами. Антоний был таков же, каким знали его до отшельничества», — пишет святитель Афанасий Великий.

Антоний не стал ругать тех, кто сломал его дверь, да и вообще — «ни скорбью не был он подавлен, ни пришел в восхищение от удовольствия,

не предался ни смеху, ни грусти, не смутился, увидев толпу людей»...

Все увидели спокойного и радостно лучезарного человека — поистине блаженного Антония, который теперь стал еще и аввой Антонием.

Слово «авва» дословно переводится как «отец», позднее так стали называть настоятелей монастырей и всех опытных старцев, отцов-пустынников. Но когда-то это коротенькое младенческое слово впервые прозвучало по отношению к монаху. Не там ли, возле разобранный каменной двери?

Вы приняли Духа усыновления, Которым зываем «Авва, Отче!» — писал в одном из своих Посланий апостол Павел (Рим. 8: 15).

Антония Великого называют отцом монашества не потому, что он первым поселился в пустыне, — и до него по всей Римской империи были монахи-отшельники.

Но святой Антоний впервые стал для тех, кто избрал иноческий путь, неким духовным камертоном, аввой — сначала для десяти иноков, а потом уже и для ста, и для тысяч.

К концу III века многие христиане устремились в пустыни, и на то было много причин. Одни бежали от гонений, другие — от непосильных налогов.

Но были и те, кто шел в пустыню для того, чтобы принести в жертву Богу самое большее, что они могли отдать, — свою жизнь, они-то и были учениками аввы Антония.

Первый монастырь святого Антония возник примерно в 305 году. Это было самое простое отшельническое монашество, когда иноки жили каждый в своей пещере или хижине, но уже на таком расстоянии, чтобы при необходимости оказывать друг другу помощь, собираясь вместе на праздничные богослужения. И, конечно, для того, чтобы послушать авву Антония, который подвизался в своей келье «в прежних строгих трудах с юношескою бодростью», но выходил, чтобы поделиться с иноками опытом пустынножительства.

Авва Антоний говорил: «Эллины, чтобы обучиться словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря, а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного или переплывать море ради добродетели».

Главный биограф святого Антония пишет, что авва был весьма разумен «и, что удивительно, не учась грамоте, отличался тонкостью и проницательностью ума».

Один ученик, авва Памво, спросил авву Антония: «Что мне делать?» Старец сказал ему: «Не надейся на свою праведность, не жалея о том, что прошло, и обуздывай язык и чрево».

Советы аввы были просты и мудры: жить так, как будто сегодняшней день — последний в жизни, и суметь прожить его начисто, без греха.

«Пусть каждый из нас замечает и записывает свои поступки и душевные движения, как бы с намерением сообщать это друг другу; и, будьте

уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое...» — учил иноков тот, кто навряд ли сам умел писать по-гречески, а говорил на языке египтян.

В древних достопамятных сказаниях об отцах-пустынниках сохранились неповторимая интонация аввы Антония: и его понимающая улыбка, и его строгость.

Однажды братия хвалили одного монаха. Когда монах пришел к авве Антонию, тот решил испытать, перенесет ли он оскорбление, и, увидев, что тот обиделся, сказал ему:

— Ты похож на село, которое спереди красиво, а сзади разграблено разбойниками.

Как-то пришли к авве Антонию несколько иноков, чтобы он дал им совет для спасения души.

Авва Антоний им сказал:

— Вы ведь знаете, чему учит нас Христос в Евангелии. Этого для вас достаточно.

Но они продолжали настаивать, чтобы он непременно дал им какое-нибудь наставление, и тогда старец сказал:

— Исполняйте, что заповедовал Спаситель: *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5: 39).

Они ответили, что это слишком трудно.

— Если у вас не хватает мужества подставить им другую щеку, то выносите терпеливо, когда вас ударят, — сказал им авва Антоний.

Они ответили, что не в силах этого сделать.

— Если и этого вы не можете сделать, — сказал наставник, — то, по крайней мере, не воздавайте злом за зло.

Они объявили, что и это сверх их сил. Тогда, обернувшись к своему ученику, авва Антоний сказал:

— Пойди, приготовь им немного кашицы, чтобы они подкрепились: я вижу, что они весьма слабы. Если вы одного не можете, а другого не хотите, то что я вам могу сделать? Молитесь!

Многие удивлялись, что «возросший и состарившийся на горе» подвижник был вовсе не сурового и нелюдимого нрава, а таким простым в общении.

Как-то, лова в пустыне диких зверей, один охотник увидел, что авва Антоний шутит с монахами, и ему показалось это странным.

Авва Антоний, который мог читать помыслы людей, подозвал охотника к себе и сказал:

— Положи стрелу на лук свой и натяни его.

Охотник сделал то, что он просил, но старец сказал:

— Еще натяни.

Тот еще натянул.

— Еще тяни, — сказал авва Антоний.

Охотник ответил:

— Если я сверх меры натяну лук, то он переломится.

Тогда авва Антоний ему объяснил:

— Так и в деле Божием; если мы сверх силы будем напрягать силы братьев, то они скоро расстроятся. Поэтому необходимо давать хотя бы некоторое послабление братии.

Французский писатель XIX века Гюстав Флобер написал объемный роман «Искушение святого Антония». Он многое придумал, вплоть до любимой девушки Антония, некой Аммонарии, которая льет слезы по поводу его ухода в пустыню, и применил всю свою фантазию и изощренный психологизм, чтобы описать душевные муки подвижника, его мрачное отчаяние, перепады настроения...

Но этот роман стал неудачей Флобера, потому что депрессивные самокопания не имели никакого отношения к авве Антонию из древних патериков.

«Так узнавали и Антония; потому что при душевном спокойствии никогда не возмущался и при радостном состоянии духа никогда не бывал мрачен», — написал знавший авву Антония лично святитель Афанасий Великий.

Рассказывают, три старца имели обыкновенные ежегодно приходять к блаженному авве Антонию. Двое из них спрашивали его о помыслах и о спасении души, а третий всегда молчал и ни о чем не спрашивал. После долгого времени авва сказал ему: «Вот ты столько времени ходишь сюда, а ни о чем не спрашиваешь меня!» Тот ему отвечал: «Для меня, отец, довольно и смотреть на тебя!»

Примерно в 311 году, во время гонений императора Максимиана Дайи, мимо монастыря под конвоем провели арестованных христиан. Узнав, что их ведут на мученичество в Александрию, авва Антоний взял свой посох и поспешил за арестантами. Вместе с ним в Александрию отправилось и несколько его учеников.

Навряд ли прежде авва Антоний, к тому времени почти сорок лет проживший в пустыне, видел такой огромный, шумный город, какой была древняя Александрия, — с многоэтажными домами, дворцами, библиотеками.

Но авву Антония интересовало в Александрии только одно: он ходил по тюрьмам и рудокопням, где содержали христиан, провожал мучеников за веру в суды или на место казни, пытался хоть как-то их поддержать.

В те дни в городе происходили большие народные волнения в связи с арестом и заключением под стражу Петра, епископа Александрийского. Чтобы избежать казни своих сторонников, епископ Петр попросил трибуна и воинов разобрать заднюю стену тюрьмы и тайно от народа, ночью, вывести его на казнь, которая состоялась 25 ноября 311 года. Даже палачи были поражены таким мужеством и человеколюбием епископа... Александрийские тюрьмы тогда были полны сторонниками епископа Петра.

В конце концов судья велел, чтобы явившиеся из пустыни монахи немедленно покинули

Александрию, а в противном случае пригрозил их арестовать.

Тогда авва Антоний, как говорится в житии, «вымыл верхнюю свою одежду» и в тот день, когда христиан повели на казнь, встал на самом видном месте. Он горел желанием пострадать за Христа. Но судья и солдаты, хоть и увидели старца, прошли мимо, и Антоний воспринял это как волю Бога возвратиться в пустыню.

В монастыре он еще больше усилил свои подвиги, и многие заметили, что авва стал заметно тяготиться людской славой.

Авва Антоний учил: «Не считай себя мудрым: иначе гордостью вознесется душа твоя и ты впадешь в руки врагов твоих», — а все вокруг только о нем и говорили.

Один предприимчивый дьякон даже завел особых быстроходных верблюдов, чтобы по пустыне доставлять в монастырь всех желающих увидеть прославленного старца.

И однажды утром авва Антоний взял свой посох и, ничего никому не сказав, ушел искать место, где его бы никто не знал.

Гора, куда его привезли сарацины, находилась примерно в трех днях пути от монастыря — сейчас здесь находится монастырь святого Антония, один из древнейших христианских монастырей в Египте.

С удивлением разглядывают паломники пещеру с узким входом в скале, куда можно про-

тиснуться только боком, трехметровую каменную келью, в которой сорок четыре года жил святой старец, источник святого Антония с прохладной водой... Древние сказания так похожи на сказки, но, значит, все это — правда?

Монахам стало известно, в каком месте поселился их авва: возле его пещеры стали появляться то хлеб, то овощи. Чтобы избавить учеников от забот о себе, авва Антоний попросил, чтобы они принесли ему заступ, топор, немного пшеницы, других семян, и стал возделывать небольшое поле и огород.

Рассказывают, первое время его огород повадились разорять дикие ослы. Но однажды авва Антоний остановил их вожака, легонько стукнул его посохом и сказал: «Зачем едите вы то, что вы не сеяли?» — и с той поры ослы перестали делать набеги на огород.

Авва Антоний говорил: «Покорность с воздержанием покоряют зверей».

Авва Антоний часто покидал свою пещеру и шел в монастырь, чтобы дать наставление братии, хотя путь этот был неблизким. И вскоре на расстоянии примерно одного дня пути от его горы был устроен еще один, «ближний» монастырь, а потом неподалеку появились и другие... Именно в ближний монастырь будут теперь приходиться все желающие побеседовать или получить благословение святого старца: философы, судьи, военачальники, — терпеливо

дожидаясь того дня, когда авва Антоний «спустится с горы».

Один военачальник пришел в восхищение от беседы со старцем и долго не хотел его от себя отпустить.

Авва Антоний ему сказал: «Как рыбы гибнут, когда находятся слишком долго без воды, так и отшельники, если остаются без достаточной причины довольно долго с мирянами, чувствуют, как никнет их благочестие в подобной беседе. Мы должны так же поспешно возвращаться в наше уединение, как спешит рыба нырнуть в воду».

Много лет провел авва Антоний в пустыне — как один длинный день. А где-то в мире шли войны, менялись цезари...

Однажды авва Антоний, желая проникнуть в глубину судов Божиих, спросил Бога: «Господи! Для чего одни умирают в молодости, а другие живут до старости? Для чего одни бедны, а другие богаты? Для чего нечестивые богаты, а благочестивые бедны?»

Тогда был ему глас: «Антоний! Себе внимай! А то — суды Божии, и тебе нет пользы испытывать их».

Гонения, инициированные Диоклетианом и продолженные Галерием и Максимином Дайей, произвели на египтян такое сильное впечатление, что позднее они даже сделали год вступления Диоклетиана во власть начальным в своем

календаре: первым годом Коптской эры (или годом Мучеников) является 284 год.

Но вот и гонения остались позади, пришло время торжества христианства.

Авва Антоний говорил: «Бог в нынешние времена не попускает таких искушений, какие были прежде; ибо знает, что люди слабы и не перенесут их».

Как-то в монастырь на имя аввы Антония пришло письмо от императора Константина Великого. Старец не хотел писать, отговариваясь тем, что не знает грамоты, но монахи уговорили его ответить. И авва Антоний продиктовал послание, где выразил свою радость по поводу того, что теперь и цари поклоняются Христу, пожелал императору быть человеколюбивым, заботиться об обездоленных.

Позднее он получил приглашение от Констанция, сына императора Константина, прийти в Константинополь и посоветовался об этом с одним из своих учеников. Тот сказал: «Если пойдешь — будешь Антоний, если не пойдешь — будешь авва Антоний». Такой ответ очень понравился старцу, и, конечно, он никуда не пошел.

Многие ищут благосклонного лица правителя, но судьба человека — от Господа, — еще тысячу лет назад говорил об этом премудрый Соломон (Притч. 29: 26).

Однажды у аввы Антония возникла мысль, что он дольше всех прожил в пустыне. Это было

примерно в 343 году от Рождества Христова, и к тому времени он почти семьдесят лет был пустынножителем. Но ночью в сновидении Господь открыл ему, что в глубине пустыни живет отшельник, который превосходит его и возрастом, и заслугами, и нужно поспешить с ним увидеться.

На рассвете авва Антоний взял свой посох и пошел в глубину пустыни. Два дня он шел по раскаленным пескам и не увидел ни одного человека. По пути ему встречались только следы диких зверей да еще какие-то диковинные существа, словно вылезшие из щелей вечности.

Блаженный Иероним Стридонский пишет, что старец встретил гиппоцентравра, то есть чудовище, у которого одна половина тела была человеческой, а вторая как у лошади, а потом еще настоящего сатира с рожками на лбу и козлиными ногами... «Пусть это не покажется невероятным, так как в царствование императора Констанция в Александрию привели живым такого сатира...» — поясняет блаженный Иероним («Павел Фивейский»).

На третье утро, едва забрезжил день, авва Антоний увидел издали бежавшую вдоль холма волчицу — он проследил за ней взглядом, пошел к тому месту, где волчица исчезла из вида, и там нашел пещеру.

Услышав шум, прятавшийся в ней отшельник запер дверь в келью и сначала не хотел пускать авву Антония.

Но потом отворил дверь и, как пишет блаженный Иероним, «оба старца бросились друг другу в объятия, приветствовали друг друга по именам и вместе возблагодарили Господа».

Это был Павел из Нижней Фиваиды, который пришел в пустыню, когда Антоний был еще ребенком, во время гонений цезаря Деция и Валериана, и теперь ему было 113 лет, из которых девяносто он провел в этом самом месте. Антонию в то время было около девяноста лет.

Когда старцы сели беседовать, прилетел ворон и положил перед ними на землю хлеб.

Павел сказал: «Вот Господь, поистине Благий, поистине Милосердный, послал нам обед. Вот уже шестьдесят лет, как я ежедневно получаю таким способом полхлеба; но теперь, для твоего прихода, Христос удвоил порцию нам двоим».

В Каирском коптском музее есть икона «Посещение святым Антонием святого Павла», на которой изображены два святых старца и ворон с круглым хлебом в клюве... Маленькие львы, как кошки, трутся возле босых ног Павла Фивейского, одетого в тунику из пальмовых листьев. Святой Антоний, как положено монаху, изображен с куколем на голове — такие детские шапочки иноки носили в знак того, что все они младенцы перед лицом Христа.

Коптские иконы легко отличить от других по степени стилизации — их как будто дети рисовали.

И два старца на коптской иконе так похожи на двух простодушных, мудрых детей...

Павел Фивейский задавал гостю существенные вопросы: как стоит мир? кто сейчас царствует? возводят ли люди новые постройки? остались ли еще те, что ходят во тьме неверия и поклоняются демонам?

И авва Антоний рассказывал ему обо всем, что знал сам.

Некоторые говорили об авве Антонии, что он был прозорливцем, но, избегая людской молвы, не хотел об этом разглашать, «ибо говорили, что он открывал и настоящие, и будущие события мира».

Однажды ученики увидели, что во время молитвы авва Антоний, трепеща всем телом, упал на колени и долго оставался неподвижным. Это означало, что ему было какое-то видение. Наконец, поднявшись с колен, старец заплакал и сначала не хотел отвечать на расспросы учеников. Но потом рассказал, что в видении ему представала оскверненная церковь, которую со всех сторон окружили и пинали неразумные, упрямые мулы.

Монахи вспомнили об этом, когда два года спустя в Египте начались бесчинства ариан, которые силой захватывали церкви, а помогавшие им язычники оскверняли алтари.

Авва Антоний духом чуял и велел своим ученикам больше всего опасаться еретиков, говоря,

что их речи хуже змеиного яда. Однажды в монастырь пришли ариане, и обычно благодушный старец велел немедленно их прогнать.

Но еретики распространили слухи, будто авва Антоний тоже является арианином, пытаясь склонить сомневающихся на свою сторону.

И тогда в 350 году почти столетний старец Антоний снова отправился в Александрию, чтобы опровергнуть слухи и поддержать Афанасия, епископа Александрийского, в его борьбе против арианской ереси.

Пять раз ариане прогоняли Афанасия Великого с его кафедры в Александрии, а в общей сложности святитель семнадцать лет своей жизни провел в ссылках.

Все жители Александрии, даже язычники и их жрецы, пришли в храм, чтобы послушать прославленного авву Антония, чья известность дошла «в Испанию, в Галлию, в Рим».

Авва Антоний выступил перед народом, назвав ариан «предтечей антихриста», а еще все увидели, что старец «не стыдился преклонять главу пред епископами и пресвитерами», уважительно относится к священноначалию и благоговейно соблюдает церковные правила. За несколько дней его пребывания в Александрии принять крещение пожелало столько людей, сколько было обычно в течение года.

В Александрии авва Антоний встретился с известным христианским писателем и богословом

Монастырь Святого Антония. Египет.

Дидимом Слепым. В доверительной беседе ослепший еще в детстве философ сознался старцу, что нередко сожалеет о потере зрения.

Авва Антоний сказал: «Удивляюсь, что человек настолько рассудительный, как ты, жалеешь глаза, которые мы имеем наравне с мухами и муравьями. И не радуешься тому, что обладаешь светом апостолов и святых. Гораздо лучше иметь зрение духовное, чем телесное: ведь один нечистый взгляд плотских очей может повергнуть человека в ад».

Очевидец этих событий и встреч Афанасий Великий оставил описание аввы Антония в последние годы его жизни: «Глаза у него были здоровы и невредимы, и видел он хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабили они в деснах от преклонных лет старца. Здоров он был руками и ногами. Одним словом, казался бодрее и крепче всякого пользующегося разнообразными снедами, омовениями и различными одеждами».

Не менее изумительным для окружающих было бодрое и ясное состояние духа столетнего старца. Ученики, сопровождавшие авву Антония в Александрию, волновались, что его слишком беспокоят собирающиеся вокруг него толпы народа. На что авва спокойно заметил, что «число приходящих не больше числа демонов, с которыми ведем брань в горе».

Это было последнее большое путешествие аввы Антония.

В 356 году наступил день, когда святой старец сообщил братии о своей скорой кончине. Ученики уговаривали авву остаться в монастыре, чтобы похоронить его с почестями. Но Антоний ушел на свою гору, где последние пятнадцать лет, по причине его немощи, рядом с ним жили двое монахов — Макарий и Амафий.

Святитель Афанасий объясняет причину такого отказа: у египтян со времен фараонов был обычай воздавать особые почести телам великих людей (бальзамировать и держать в гробницах на виду), а авва Антоний для себя этого не хотел. Он велел Макарию и Амафию предать свое тело земле и хранить в тайне от всех место захоронения.

Ученики сдержали слово, и до сих пор никто не знает, где именно в пустыне похоронен святой Антоний, скончавшийся в 356 году примерно на 105-м году жизни.

Как говорится в житии, в последние минуты жизни старцу было видение, как будто бы он видел «пришедших к нему друзей», был очень обрадован их прибытием и возлежал с веселым лицом.

Приблизительно через пять месяцев известие о смерти святого старца дошло до святителя Афанасия Великого, который находился в очередном изгнании.

Свое знаменитое сочинение «Житие Антония Великого» он написал в ссылке, и в нем

впервые были изложены правила монашеской жизни, известные как иноческое правило Антония Великого.

Один ученик попросил авву Антония: «Помолись обо мне».

Авва Антоний ему сказал: «Ни я, ни Бог не сжалятся над тобою, если ты не будешь заботиться о себе сам и молиться Богу».

ПРЕПОДОБНАЯ ЭМИЛИЯ
КЕСАРИЙСКАЯ (КАППАДОКИЙСКАЯ)

(305–377)

← Преподобная Эмилия Кесарийская (Каппадокийская). Икона. Юрий Андреев. 2014 г.

*Вот награда твоему благочестию:
слава сыновей твоих.*

Письма от детей Эмилия читала особым способом: сначала бегло прочитывала послание, чтобы убедиться, что в нем нет плохих вестей, затем, когда тревога немного отпускала, перечитывала снова, а потом еще раз и еще... И тогда уже обращала внимание на все: на почерк, чересчур старательное и утомительное построение фразы, незнакомое слово, улыбку между строк.

Говорят, каждая мать со своим ребенком проживает еще одну жизнь. В таком случае Эмилии Каппадокийской выпало прожить целых одиннадцать жизней. Правда, одна оказалась совсем короткой — сын Никифор умер в младенчестве.

Именно в детях выразилась вся ее благодарность Богу, все ее богославие и богословие...

Первой на свет появилась дочь Макрина, и Эмилия заранее знала, что у нее родится именно девочка.

В ночь перед родами ей приснился необычный сон: она держала на руках уже родившегося

и запеленутого младенца, а к ней подошел старец величественного вида и трижды называл малышку Феклой.

Проснувшись, Эмилия с необычайной легкостью родила здоровую девочку.

Имя Феклы — подвижницы и ученицы апостола Павла — было хорошо известно всем христианам Малой Азии.

Но Эмилия с мужем уже заранее решили назвать дочь в честь матери мужа, Макриной.

Макрина-старшая была женщиной великого духа. Во время гонений Диоклетиана они с мужем семь лет скрывались в Понтийских лесах, голодали, скитались, жили в шалашах, но не отрелись от Христа. У них были конфискованы все имения — ничто не могло сломить христианку Макрину из общины епископа Григория Неокесарийского.

С воцарением императора Константина им с мужем вернули дом в Неокесарии и загородные имения, а главное — возможность свободно исповедовать веру.

Эмилия тоже выросла в христианской семье: во время гонений императора Лициния ее родители лишились не только имущества, но и жизни. Оставшись сиротой, она решила сохранить девство и уйти в монастырь. Но вот ее красота...

Когда Эмилия подросла, все называли ее первой красавицей в Кесарии. Многие мужчины стали искать ее любви, и дошло до того, что один даже пообещал ее выкрасть. Тогда Эмилия

поняла: защитой от враждебного мира для нее станет семья — и сама выбрала себе жениха.

Им стал адвокат и учитель риторики Василий, сын уважаемых в Неокесарии христиан Макрины и Василия. Молодой человек был образован, воспитан и добр, да и профессию адвоката он выбрал для того, чтобы защищать несправедливо обиженных.

Их молодость пришлось на необычное время — многие люди тогда чувствовали ветер перемен. Епископ Евсевий Кесарийский хорошо передает настроение этих дней: «У людей пропал страх перед теми, кто их притеснял. В блеске и великолепии начались праздничные дни. Все было наполнено светом... Прежние горести были забыты, и похоронено всякое воспоминание о безбожии. Везде были развешаны указы победоносного императора, полные человеколюбия и терпимости... Тирания была устранена, Константин и его сын получили империю, которая им принадлежала по праву. И они изгнали из жизни ненависть к Богу» («Церковная история»).

В Константинополе и других больших городах на праздник Пасхи на улицах зажигали восковые столбы, и всем действительно казалось, что даже ночи превратились в светлый праздничный день.

Были запрещены гладиаторские бои и казнь через распятие, введен праздник воскресного дня в честь воскресшего Христа.

«Если кто к рудникам приговорен, не должен получать клеймо на лице. По подобию небесной красоты созданный лик не должен быть испорчен», — объявлялось одним из указов императора Константина. Многие его указы для христиан звучали как поэзия, дивная мелодия.

И еще одно имя в то время было на устах у всех — Елена, мать императора. Императрице Елене было почти восемьдесят лет, и все были поражены, как, будучи уже в столь преклонных летах, она сумела осуществить такую миссию — организовать в Иерусалиме раскопки на месте, где был распят Иисус Христос.

На Голгофе была раскопана пещера, в которой, согласно преданию, был погребен Спаситель, обретен тот самый Животворящий Крест, на котором распяли Иисуса, четыре гвоздя, которыми Он был прибит к Кресту, и титло с аббревиатурой, означающей *Иисус Назорей, Царь Иудейский* (Ин. 19: 19).

Это было настоящее торжество христианской веры: теперь все должны были убедиться в правдивости того, что написано в Евангелии, и тоже уверовать. Вот же они — этот Крест, эти самые гвозди...

На местах библейских событий благодаря щедрости Константина начали строиться величественные храмы — храм Гроба Господня на Голгофе в Иерусалиме, церковь Святого Семейства в иерусалимской Гефсимании, базилика Рождества Христова в Вифлееме, другие.

События тех лет вообще впечатляют своим грандиозным масштабом — раскопки в Иерусалиме, обретение Животворящего Креста, Первый Вселенский собор в Никее. Многое было впервые и казалось таким смелым, неожиданным, невероятным.

Должно быть, дух свободы проявлялся и в обычной, частной жизни людей того времени, помогал на многие вещи взглянуть по-новому.

Сразу же после рождения маленькой Маррины в дом была приглашена кормилица. По обычаям того времени, знатные женщины не должны были сами ухаживать за младенцами. Но малышка хорошо себя чувствовала и не плакала только на руках у матери, и Эмилия отказалась от всех служанок, стала нянчить ее сама.

В 330 году ушла из жизни и многими была оплакана царица Елена.

В том же году у Эмилии родился сын, названный в честь деда и отца Василием. Затем родились Навкратий, дочь Феозва, другие дети. Третьего сына называли Григорием — в семье свято чтили память Григория, епископа Неокесарийского.

Жена... спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием... (1 Тим. 2: 14, 15) — говорил апостол Павел, благословляя семейную жизнь.

Их семья владела землями в трех провинциях (в Понте, Каппадокии и Малой Армении) и считалась одной из богатых в Кесарии. Конечно, Эмилия могла позволить себе любых слуг и учителей, но решила сама заниматься начальным образованием своих детей.

Поэт конца IV — начала V века Авсоний в молодости преподавал риторику, а на старости лет для своих внуков любил перелагать в стихи известные сюжеты о греческих богах, героях Троянской войны и римских цезарях.

В его сочинениях хорошо видна та пестрая, причудливая смесь христианско-языческих представлений, которая существовала в головах даже у образованных римлян.

«А я молюся Господу — Отцу и Сыну Божию, и в купном их величии Святому Духу общнику», — с умилением пишет Авсоний.

И с неменьшим воодушевлением взывает:

«О целитель Юпитер и ты, вечерница-Венера... Янус, приди! Год, приди! Приди, обновленное Солнце!» («Консульская молитва») И складно описывает, что ногти положено стричь в Меркуриев день, бороду — в Зевсов, а кудри — в Кипридин.

Эмилия не понимала, какой смысл детям с ранних лет рассказывать о жестокости или похождениях любвеобильных греческих богов или заставлять их зубрить непонятные стихи Анакреонта. Какую пользу это может принести душе?

«Ваши дети, — с горечью будет говорить Иоанн Златоуст своим прихожанам, — любят сатанинские песни и пляски... псалма же никто ни одного не знает. Ныне такое знание кажется неприличным, унижительным и смешным».

Но в христианских семьях, где благочестие не было внешним, повелось иначе. Эмилия сама определяла для своих детей круг чтения: это были истории из Священного Писания, псалмы, рассказы о подвигах апостолов и исповедников за веру, к которым постепенно прибавлялось и что-нибудь «из эллинского».

Был и еще один очень важный аспект в обучении и воспитании детей. Никакие самые гуманные эдикты долго не могли проникнуть в закрытую жизнь частных школ, где учителя дупили детей по пальцам линейкой и таскали за волосы.

«Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытывал я тогда... Меня отдали в школу учиться грамоте. На беду свою, я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай. Много людей, живших до нас, проложили эти скорбные пути, по которым нас заставили проходить...» — пишет блаженный Августин в «Исповеди».

Августин с большой нежностью и уважением говорил о своей матери, которая соединяла «с женской повадкой мужскую веру, с ясностью

старости — материнскую любовь и христианское благочестие», но все же «Исповедь» сохранила и его неизбывные детские обиды.

«Взрослые, включая родителей моих, которые ни за что не хотели, чтобы со мной приключилось хоть что-то плохое, продолжали смеяться над этими побоями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем». Описанный воспитательный процесс приходился примерно на то время, когда у Эмилии подрастал младший сын Петр, и был в те времена делом обычным.

Римляне вообще не считали детей «готовыми» людьми. Это были еще «не вполне люди», и для многих взрослых было не так уж и важно, каким способом поскорее довести их до ума.

В том-то и состояло отличие христианского взгляда на детей и вообще детство: ребенок был таким же творением Божиим, его жизнь была великим даром, и в самом главном он был равен со взрослыми.

И соседи зачастую не понимали, почему многодетные и даже не самые богатые семьи христиан такие дружные и крепкие. Там не было ни побоев, ни смеха над детьми, ни пренебрежения их чувствами, ни вражды между собой братьев и сестер. В семье Василия и Эмилии не принято было посещать театры, скачки, всевозможные народные гулянья и праздные зрелища.

«А как ликует театр на разнузданных плясках Флоралий! Каждый их рад посмотреть, хоть

Преподобная Эмилия Кесарийская (Каппадокийская)

и твердит: „Не хочу“, — пишет Авсоний («О римских праздниках»).

Каждый — да не каждый...

«Театр — открытая школа невоздержания», — напишет святитель Василий Великий, старший сын Эмилии («Беседа четвертая на Шестоднев»).

С согласия мужа Эмилия делала большие пожертвования в храмы, посещала приюты для сирот и больницы, и наверняка часто рядом с ней был кто-нибудь из детей.

Наставь юношу при начале пути его; он не уклонится от него, когда и состарится (Притч. 22: 6), — говорил премудрый Соломон. И за тысячелетия этот совет помог многим, кто к нему прислушался.

В 337 году во всей стране словно затмилось солнце — умер император Константин Великий, завещав царство, как в сказке, трем сыновьям.

Старший из его сыновей, Константин Второй, получил в управление Британию, Галлию и Испанию, младший, Констант, — Италию и Африку, средний, Констанций, — Малую Азию, Сирию, Египет, Фракию, а также другие восточные провинции.

Воцарение братьев на трон ознаменовалось кровавым преступлением. Сразу же после провозглашения новых правителей солдатами были убиты ближайшие родственники Константина Великого — единокровный брат Юлий Констанций и семеро его детей. Только двое из

двоюродных братьев цезарей, Галл и Юлиан, остались в живых.

Историки до сих пор выдвигают различные версии по поводу главного заказчика той жестокой расправы, но несомненно, что таким образом были устранены возможные претенденты на трон. Многие знали, что император Константин Первый любил своих племянников, а одному из них, Далмацию, даже пожаловал титул цезаря.

Уже через два года братья Константин Второй и Констант вступили друг с другом в войну из-за спорных территорий.

В 340 году в ходе военных действий армия Константина Второго попала в засаду под Аквилеей, и старший из августейших братьев во время сражения погиб. Этот год считают и годом смерти Макрины-старшей.

«О вере моей какое доказательство может быть яснее того, что воспитан я бабкою, блаженною женою, которая по происхождению ваша? Говорю о пламенной Макрине, от которой изучил я слова блаженнейшего Григория, которые и сама она сохранила, как дар предания, и на нас, еще малютках, напечатлевала, образуя нас догматами благочестия», — напишет о своей бабушке Василий Великий.

К тому времени в семье Эмилии подросла старшая дочь, Макрина-младшая, пора было подумать о ее замужестве. Отец сам нашел для нее достойного жениха, молодого адвоката.

В те времена помолвки устраивались рано. Женихом и невестой могли объявить даже семилетних детей, и на их предбрачный союз смотрели так же строго, как на брак. Через два столетия император Юстиниан законом установит брачный возраст в 14 лет для мужчин и в 12 — для женщин.

Внезапно жених Макрины заболел и скончался. На все уговоры найти другого избранника Макрина отвечала: «Жених мой не умер, он только в отлучке; зачем же изменять ему?» Родители не стали настаивать. Не только именем, но и твердым, рассудительным характером старшая дочь пошла в бабушку. И получилось, что при этом она во многом повторила судьбу святой Феклы, которая в юности отказалась от замужества и посвятила себя Богу.

По преданию, у Эмилии, кроме Макрины и Феозвы, были еще три дочери, но история не сохранила их имен — скорее всего, они вышли замуж и жили в своих семьях. И только Макрина всю жизнь провела рядом с матерью. «Других детей, — говорила Эмилия, — носила я лишь некоторое время, а с Макриною не разлучалась никогда».

Муж Эмилии, Василий, умер вскоре после рождения самого младшего из их сыновей — Петра.

Макрина взяла на себя многие заботы по дому и управлению имениями. Маленький Петр фактически вырос у нее на руках и очень любил свою сестру.

Старший из сыновей Эмилии, Василий, сначала поехал учиться в Константинополь, а потом и в Афины — у него рано обнаружились способности к различным наукам.

В Афинах Василий изучал философию, геометрию, риторику, астрономию, а вот его земляк из Каппадокии и близкий друг, Григорий Назианзин, был больше увлечен поэзией и богословием. В историю Церкви он войдет с именем Григорий Богослов.

В Афинах у друзей-каппадокийцев был широкий круг общения, они даже познакомились с Юлианом, племянником Константина Великого. Со своими наставниками Юлиан бывал на христианских богослужениях, хотя многие знали, что втайне он посещал языческие капища и гадал о своей судьбе по внутренностям убитых животных.

В 350 году, воюя с самозванцем Магнецием, был убит император Констант, и на последующие двенадцать лет единственным правителем империи стал Констанций — средний и, как говорили, любимый сын Константина Великого.

Всех своих детей Константин воспитывал в христианских традициях, но так получилось, что средний из его сыновей благоволил арианам. В детские годы наставником Констанция при дворе был Евсевий, епископ Никомедийский — убежденный арианин, один из главных противников Никейского Символа веры, который, впрочем, впоследствии покаялся.

Историк Феодорит Кирский в своей «Церковной истории» приводит и такой любопытный эпизод: отцовское завещание Констанцию передал в руки некий арианский священник, который «скоро сделался человеком к нему близким и получил приказание бывать у него как можно чаще». Судя по всему, не названный по имени арианин оказал Констанцию очень важную услугу, учитывая, сколько крови пролилось при распределении отцовской власти.

И потому неудивительно, что именно в период царствования императора Констанция вся империя, и особенно ее восточные провинции, с новой силой погрузилась в арианскую смуту и мрак церковных расколов.

В истории Церкви IV век называют временем так называемых тринитарных, или триадологических, споров, в которых решалось православное исповедование Троицы.

Привычное для нас понимание Троицы: Бог Отец, Бог Сын Христос и Бог Дух Святой — должно было пройти, как пишет историк А. В. Карташев, долгий и мучительный период «чревоношения православной троической доктрины».

Каждый из участников развернувшейся дискуссии «искренне верил в свою истину, хотел эту истину сделать и нормой христианской империи», — уточняет современный богослов протопресвитер Александр Шмеман.

И это был не просто богословский спор ученых мужей — в IV веке в него в той или иной степени были вовлечены все христиане. Один автор того времени жаловался, что в Константинополе невозможно даже подстричься без того, чтобы вся парикмахерская не пустилась в возбужденную дискуссию о природе Христа.

Но в реальной жизни тринитарные споры выглядели не слишком красиво. При поддержке императора Констанция ариане силой занимали места на епископских кафедрах, и это сопровождалось интригами, подкупами, захватом и даже поджогом церквей.

«И дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как христиане проявляют к своим братьям, которые не согласны с их мыслями», — писал очевидец этих событий историк Аммиан Марцеллин.

В IV веке созывалось рекордное количество поместных церковных соборов — в Константинополе, Александрии, Антиохии, других городах, где епископы пытались принять коллегиальное решение по спорным вопросам. Но зачастую собор заканчивался очередным отправлением в ссылку епископов-никейцев или ариан.

Простой народ не был силен в богословии и, по словам Феофана Византийца, видя «жестокое нестроение в Церкви», все чаще удерживался от святого крещения («Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта»).

Примерно в 356 году Василий закончил учебу в Афинах и вернулся в Кесарию. Эмилия могла гордиться старшим сыном, всесторонне образованным молодым человеком. Многие современники будут отмечать непоказной аристократизм Василия, который проявлялся в его манерах, благородном облике, умении общаться с людьми.

Предполагалось, что Василий, как и его отец, станет адвокатом, но в тот момент на выбор его жизненного пути повлияла старшая сестра, Макрина.

Мы никогда не узнаем, о чем были их долгие доверительные беседы — может быть, о бабушке с дедом, сумевших сохранить веру во времена куда более тяжелых испытаний, чем церковные разногласия, или же об отце, известном в городе адвокате, который под конец жизни служил иереем в церкви и считал это важнее всей его светской карьеры...

В одном из писем Василия Кесарийского есть замечательный образ, который повторится и у его брата Григория Нисского, — о том, как ручные голуби приманивают диких голубей.

«Когда занимающийся этим промыслом добудет в свои руки одного голубя, делает его ручным и приучает есть вместе с собою, а после того, намазав ему крылья миром, пускает летать на воле с посторонними голубями. И благовоние этого мира делает все вольное стадо достоянием того, кому принадлежит ручной голубь, потому

что прочие голуби привлекаются благоуханием и поселяются в доме» (Василий Великий. Письмо к матери Дионисия).

«С тою целью, чтобы и ты взлетел с ним на высоту и занял то гнездо» — а это уже из послания Григория Нисского (Епископу Авлавию).

Должно быть, имеющая большое влияние на братьев Макрина и была в тот момент для них таким ручным, намазанным благоуханным миром веры голубем.

Вскоре Василий принял крещение и отправился в пустыни Египта и Палестины, чтобы своими глазами увидеть жизнь прославленных отцов-пустынников. Особенно долго он задержался в знаменитых общежительных монастырях Пахомия Великого.

Теперь нам трудно представить монашеские поселения IV века в пустынях — это были целые города, населенные людьми, ищущими Бога и спасения.

По сведениям историков, к концу IV столетия только в Египте существовало приблизительно пять тысяч монастырей и небольших монашеских поселений, не считая тех, что были в Сирии, Палестине, Месопотамии, в горных областях Малой Азии. Блаженный Иероним описывает, что ко дню Пасхи в главный монастырь святого Пахомия из окрестных монастырей собиралось до 50 тысяч (!) монахов.

В монастыри приходили самые разные люди.

Много было неграмотных крестьян, которых обучали грамоте, чтобы они могли самостоятельно читать Новый Завет и псалмы. Некоторые иноки умирали, так и не узнав, что такое деньги, потому что никогда их не видели.

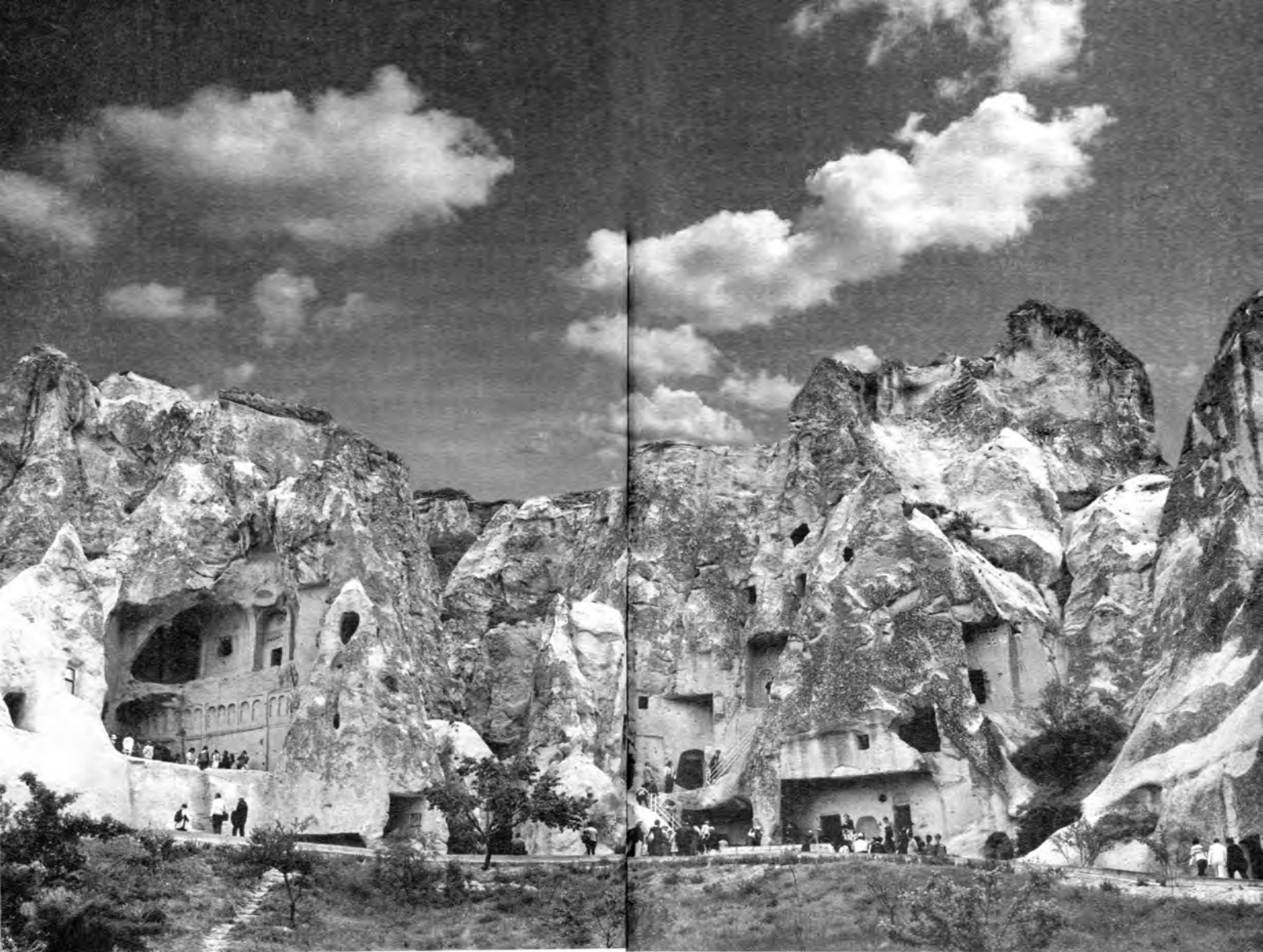
Но среди монахов было много людей образованных, знатного происхождения — они трудились в монастырских библиотеках, переписывали книги, преподавали, писали собственные богословские труды.

Вернувшись из поездки по египетским монастырям, Василий организовал свою общину в Понте, на землях, принадлежавших его семье, и написал сочинения «Подвижнические уставы подвизающимся в общежитии и отшельничестве» и «Пространные и краткие правила, изложенные в вопросах и ответах».

Внимательно изучив, несколько переработав и дополнив устав Пахомия Великого, он создал свой свод правил монашеской жизни.

В уставе, который теперь называется Уставом Василия Великого, есть одно важное отличие: монастырь там напоминает одну большую семью. В частности, говорится о необходимости заботиться о больных братьях, учить в монастыре детей, помогать из монастырских запасов нищим — все то, что было принято и в семье самого Василия.

«Нельзя не заметить в правилах Василия Великого мягкости и кротости — свойств, которые обыкновенно проявляются в отношениях отца

Пещерные монастыри. Каппадокия, Турция.

к своим детям», — отметил русский историк Н. Примогенов, тщательно сравнив этот устав с правилами аввы Пахомия.

Григорий Назианзин, приехав в Понтийскую пустыню, видел, с каким энтузиазмом Василий вместе с иноками сажал и поливал деревья, заготавливал на зиму дрова, тесал камни для очагов, строил. Именно с ним Василий откровенничал в письмах о том, как бывает трудно ломать свои прежние привычки, привязанность к удобствам, гордость.

«Ибо хотя и оставил я городскую жизнь как повод к тысячам зол, однако же никак не мог оставить самого себя. Но похожу на людей, которые, по непривычке к плаванию на море, приходят в изнеможение и чувствуют тошноту, жалуются на величину корабля как на причину сильной качки, а перейдя с него в лодку или малое судно, и там страдают тошнотой и головокружением, потому что с ними вместе переходят тоска и желчь. Подобно сему в некотором отношении и мое положение: потому что, нося с собою живущие в нас страсти, везде мы с одинаковыми мятежами», — пишет он Григорию Богослову, прибавляя с нежностью в конце: «Таково мое тебе сказание братской любви, о любезная глава!»

В ноябре 361 года на сорок пятом году жизни император Констанций внезапно скончался от лихорадки. По свидетельству историка Аммиана Марцеллина, находясь в твердой памяти,

он назначил своим преемником двоюродного брата Юлиана.

С первых дней правления император Юлиан заявил о своей принадлежности к язычеству, за что одни подданные будут называть его другом Зевса, а христиане — Отступником.

«И всюду жертвенники, и огонь, и кровь, и тук, и дым, и обряды, и гадатели, свободные от страха, и флейты на вершинах гор, и процессии, и бык, в одно и то же время удовлетворяющий потребности культа богов и трапезы людей», — с восторгом описывал язычник-ритор Либаний дни, когда к власти пришел Юлиан («Надгробная речь Юлиану»).

Но христиане не собирались участвовать в таком «празднике жизни».

Как раз примерно в это время Эмилия с Макриной покинули дом, в котором жили, отпустив всех своих рабов. С несколькими слугами они переехали в уединенное имение на берегу реки Ирис в Понте.

«Отречение от внешнего начинается отчуждением внешнего: имения, суетной славы, привычек жизни, пристрастия к бесполезному», — написано в разделе «О девстве» Устава Василия Великого. Его мать с сестрой в точности последовали этому правилу.

Друг Василия Григорий Назианзин, посетив женщин в их имении, был сильно впечатлен увиденным: «В отношении пищи и питья не было

в общине никакого различия, как и в отношении келий или убранства и других потребностей жизни. Неравенство состояний, сословий, значения в прежней светской жизни здесь не оставляло никакого следа. Жизнь, которую они вели, была так свята, добродетель так высока, что не умею описать...»

Но еще больше его приводили в восхищение те внутренние изменения, которые он увидел у матери и сестры Василия:

«Нельзя было уловить на них признака гнева, зависти, подозрения или ненависти. Они отбросили от себя всю светскую суету — желание отличия, известности, блеска. Наслаждение их заключалось в воздержании, слава — в безвестности, богатство — в неимуществе, сила — в немощи; все мирское стряхнули они с себя, как пыль».

В те дни им вместе пришлось пережить беду. Второй сын Эмилии, двадцатисемилетний Навкартий, был принесен мертвым из пустыни вместе со слугой, и никто не знал точно, что произошло — какой-то несчастный случай во время охоты или рыбалки. И, как пишет Григорий Назианзин, «не было ни воплей или стонов, ни слез и других обыкновенных проявлений жестокой горести матери и сестры; было только все достойное жен».

Вскоре император Юлиан понял, что ему не удастся с легкостью склонить на свою сторону

христиан или, как он их называл с оттенком уничижения, галилеян, и быстро перешел к кардинальным мерам.

В июне 362 года вышел эдикт, запрещающий христианам обучаться эллинским наукам, другим императорским указом учителям-христианам воспрещалось преподавать в школах. Все христианские школы по стране были закрыты — и образованные люди хорошо понимали всю серьезность такого вызова.

«Христианин должен быть знаком со всем курсом школьных наук и со всей эллинской мудростью, только он относится к ним не как к имеющим существенное значение в себе — он видит в них лишь полезную принадлежность, по времени и обстоятельствам даже необходимую. В руках еретиков науки служат средством для распространения лжи и зла, в руках же христианина они служат орудием к укреплению добра и истины», — считал святитель Василий Великий, пройдя через лучшие афинские школы.

Все чаще повсюду случались безнаказанные расправы с христианами. В Сирии, в городе Арефузы, был зверски замучен епископ Марк, также от рук язычников пострадало много монахов и дев.

В Севастии (недалеко от Неокесарии) язычники открыли гробницу Иоанна Крестителя, «предали огню кости его и развеяли прах его» (Феодорит Кирский. «Церковная история»).

Епископы были лишены судебной власти, хлебных даров, выдаваемых из казны, прав пользоваться общественными подводами и других дарованных императором Константином привилегий.

Василий возвратился в Кесарию, когда стало ясно, что теперь Церкви тоже нужны «адвокаты» и защитники. В 362 году он был рукоположен во пресвитера и стал служить в одном из городских храмов.

Эмилия теперь еще реже видела своих сыновей: во многих делах старшему сыну помогали Григорий (ему не было еще тридцати) и юный Петр. Они вместе много занимались благотворительностью, в том числе и из семейных средств — открывали в Кесарии больницы и приюты, кормили голодных.

Не более трех лет продолжалось царствование императора Юлиана. В июне 363 года он погиб на войне с персами. Вместе с ним прекратила свое существование и династия Константина Великого.

Следующие цезари выдвигались из рядов римской армии: Иоавиан, всего год носивший пурпурную мантию, следом — трибун второго взвода телохранителей Валентиниан, взявший себе в соправители родного брата Валента.

Они сразу отменили все антихристианские эдикты Юлиана Отступника, из ссылок были возвращены осужденные за веру.

Но история зеркальным образом повторилась: в отличие от брата, император Валент, которому в управление достались восточные провинции, поддерживал ариан.

При императоре Валенте и в Кесарии ариане заняли все главные церкви в городе. Префект неоднократно угрожал изгнать Василия из его храма за антиарианские проповеди, но священник пользовался такой поддержкой сограждан, что власти опасались его трогать.

Стоит упомянуть еще об одном важном событии, которое тогда для многих осталось не замеченным, но потом сильно «аукнулось» в истории.

В 364 году один мальчик родом из каппадокийских христиан попал в плен к готам. Ульфилу вырос среди людей германского племени, затем оказался в Константинополе, где стал приверженцем ариан, и вернулся к готам уже с христианской миссией. Ульфилу называют «апостолом готов», но учил он именно арианскому исповедованию веры. И когда через полтора столетия готы ринутся завоевывать Рим, религиозные разногласия в их разрушительном нашествии тоже сыграют свою роль.

Из проповедей Василия Великого мы узнаем о засухе и голоде, которые переживали в 368 году жители Каппадокии и Понта, когда богатые продавали хлеб по невыслышим ценам, обрекая других на голодную смерть.

Василия искренне возмущали в людях жадность, жестокость, равнодушие. И в особенности — ханжество. Он пишет о христианах, которые предаются необузданному пьянству накануне Великого поста, да и вообще «пост соблюдают многие по привычке и из стыда друг перед другом» («Беседа вторая о посте»).

Вокруг стало появляться все больше людей, для кого христианство стало чем-то вроде одежды, которая неожиданно пришлась впору и носить ее оказалось даже выгодно. Христианство давало возможность делать карьеру, занимать высокие государственные должности, быть ближе к императорскому двору и к церковной казне.

«Сын повара, валяльщика, уличный шатун, тот, для кого роскошью было не голодать, ни с того ни с сего восседает на благородном коне, важная персона, брови подняты, толпа слуг-проводящих, большой дом, обширные поместья, льстецы, пиры, золото», — удивляется переменам во многих своих знакомых ритор Либаний.

Как пишут историки, многие пороки, обычаи, предрассудки языческого общества стали плавно перетекать в христианскую среду.

Вера сыновей Эмилии и внуков Макрины-старшей имела крепкие корни, и все в Кесарии об этом знали.

В 370 году после смерти епископа Евсевия, несмотря на противодействие ариан, Василий заступил на его место. Он стал епископом

Кесарийским и теперь имел в подчинении более 500 епископов своего округа.

Это было время многочисленных церковных групп и партий, которые «сближались, разъединялись, опять образовывались новые, все представляло какой-то бурно стремящийся поток», — пишет известный историк А. П. Лебедев.

Епископу Василию было важно иметь рядом людей, в которых он точно уверен, — это его братья. Примерно через два года он рукополагает в епископы Ниссы, небольшого города в Каппадокии, Григория. Младший из братьев, Петр, был посвящен в пресвитеры, позднее он станет епископом в Севастии.

«Божее творение достойно уразумел один Василий, поистине созданный по Богу и душу свою по образу Сотворившего образовавший, общий наш отец и учитель», — напишет Григорий Нисский в одном из писем Петру, и мы видим, каким непререкаемым авторитетом был для них старший брат.

В 375 году ариане согнали Григория с кафедры в Ниссе, обвинив в растрате церковных денег и поставив под сомнение законность его хиротонии. Под конвоем Григория Нисского отправили в ссылку в Анкиру, но по дороге он сбежал и два года от всех скрывался.

Диаконисой церкви в Ниссе и верной помощницей была его сестра Феозва, она и во время скитаний была рядом с братом.

Все это время Эмилия с Макриной жили в своем уединенном имении так, как учила основательница женского пустынножительства мать Синклитикия, в прошлом богатая жительница Александрии:

«Не обольщайся роскошной жизнью мирских богачей, как будто бы она при суетных удовольствиях имеет что-либо полезное. Роскошные высоко ценят поварское искусство; но твой пост и простая пища превосходнее обильных яств их. Писание говорит: *сытая душа попирает и сот* (Притч. 27: 7)».

Эмилия умерла 8 мая 375 года в возрасте 73 лет. Ее похоронили в фамильном склепе возле церкви Сорока мучеников, в том же самом поместье.

В житии говорится, что и в последние минуты жизни Эмилия продолжала молиться за своих детей и как главное сокровище оставляла им материнское благословение. В последние минуты жизни возле нее были старшая Макрина и младший из ее детей, Петр.

Эмилия Каппадокийская не дожидая до времени Второго Вселенского собора 381 года, где, как пишут историки, все дышало духом Василия Великого, а на почетных местах в собрании сидели ее сыновья Григорий и Петр.

Вместе с Григорием Назианзином им удалось совершить настоящий богословский подвиг. Именно так историки Церкви расценивают

выработанный ими сообща «новоникеийский» (теперь его называют Никео-Цареградским) Символ веры, принятый даже теми, кто был на стороне ариан.

Четкая богословская формула трех великих каппадокийцев, как теперь называют Василия Великого, Григория Нисского и Григория Богослова, обеспечила победу исповедников православия над арианами на Втором Вселенском соборе в Константинополе.

Пятеро из десяти детей Эмилии Каппадокийской причислены Церковью к лику святых: преподобная Макрина; святитель Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской; святитель Григорий, епископ Нисский; святитель Петр, епископ Севастийский; праведная диакониса Феозва, и сама Эмилия тоже.

Икона, где святая Эмилия изображена в окружении пятерых детей, чем-то неуловимо похожа на тот «иконостас» из фотографий, что так любят устраивать в своих деревенских домах простые женщины, чьи-то матери и сестры.

Даже память Эмилии Каппадокийской по церковному календарю теперь отмечают в один день с Василием Великим — 14 января по новому стилю.

Святитель Григорий Назианский с восторгом о ней написал: «Она подарила миру столько и таких светильников, сыновей и дочерей, брачных и безбрачных; она счастлива и плодовита как

никто. Три славных священника, одна участница в тайнах священства и прочие — лик небожителей. Изумляюсь, какая это богатая семья Эмилии! Благочестивая кровь Эмилии — собственность Христа; таков корень! Превосходнейшая! Вот награда твоему благочестию: слава сыновей твоих, с которыми у тебя одни желания».

Спустя двадцать лет Григорий Нисский придет в имение, чтобы проводить в последний путь Макрину, и еще раз увидит, в какой скромности, а точнее — в добровольной нищете, жили его мать и сестра.

«Позвали Лампадию, и та отвечала, что почившая никогда не любила красивого одеяния, да и нет у ней другого, кроме того, которое видят на ней. „Не сохранилось ли у вас что-нибудь?“ — спросил святитель. „Вот, — отвечала Лампадия, — изношенная мантия, наметка и башмаки — все ее богатство. Сундуки и шкаф — пусты; на земле у нее нет ничего“.

Тело Макрины сверху было покрыто одним из одеяний брата Василия и мантией Эмилии — это были самые дорогие для нее вещи...

Есть одно замечательное сказание того времени.

Однажды Господь открыл отцу-пустыннику Макарию Египетскому, что в ближнем городе живут две женщины, которые совершеннее его в добродетели. Авва Макарий пошел отыскивать этих женщин, чтобы научиться от них, как угодить

Богу. Он думал, что они, может быть, совершили какие-то необыкновенные подвиги. Но оказалось, что эти две женщины вели тихую семейную жизнь — уже пятнадцать лет они были замужем за двумя братьями и все это время жили в любви и согласии, усердно исполняя свои обязанности. Им хотелось уйти в монастырь, но мужья этого не пожелали, и они покорились их воле. Эти две женщины и в семейной жизни свято соблюдали заповеди Божии, следили за собой, чтобы никому не сказать ни одного худого слова.

И авва Макарий молил Бога помочь жить ему в пустыне так же благочестиво, как эти две женщины.

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ЗЛАТОУСТ

(347–407)

← *Святитель Иоанн Златоуст. Фрагмент мозаики. Собор Святой Софии, Константинополь, Византия. Кон. IX в.*

Слава Богу за все!

В 404 году в Константинополе народ собрался на праздничное богослужение в честь Рождества Христова.

В храме уже негде было яблоку упасть, но каким-то образом для каждого входящего — и прихожан, и просто любопытных — в церкви находилось место, словно в честь праздника ее стены чудесным образом раздвинулись.

Началась служба, но кто-нибудь нет-нет да оглядывался то на двери, то на пустующие кресла, где обычно сидели император и императрица. Неужели они так разгневались на Златоуста, что не придут на богослужение в этот торжественный день?

Император Аркадий говорил, что не вступит в общение с архиепископом, пока тот не оправдается от всех обвинений, а Евдоксия грозила новой ссылкой. В Константинополь на церковный собор снова съехались епископы со всего Востока, но почти никого из гостей города на богослужении, проводимом архиепископом, не было.

Народ тревожно шептался, а под сводами уже звучал древний рождественский гимн: «Господь родился в Вифлееме Иудейском...» — и голос Златоуста...

Иоанн Златоуст был родом из Антиохии, главного города Сирии.

«Пусть посмотрит любой на величину Антиохии, на то, какова она, на какое пространство раскинулась, какие источники ее поят, какие зефиры ласкают. И, не видав города, можно все знать о нем по молве. Есть ли какой закоулок материка, моря, куда бы не достигла слава города?» — пишет ритор Либаний, у которого Иоанн Златоуст в юные годы обучался ораторскому искусству («Жизнь, или О собственной доле»).

Но о самом главном убежденный язычник Либаний все же умолчал.

Прежде всего известность городу принесла Антиохийская Церковь, прославленная именами апостолов Петра, Павла, Варнавы, епископа Игнатия Богоносца и многих христианских мучеников.

Антиохийская кафедра была древней, апостольской и в середине IV века еще пыталась соперничать с Римом, Александрией, Иерусалимом и Константинополем. Все, что происходило в церковной жизни Антиохии — поместные соборы, смена епископов, противостояние церковных партий, находилось под пристальным вниманием всего христианского мира.

Отец Иоанна, Секунд, был воеводой в императорском войске (по другим сведениям — чиновником), он умер вскоре после рождения сына. Все заботы о доме легли на мать Иоанна, Анфусу, которая больше не вышла замуж, посвятив себя детям (у Иоанна была еще старшая сестра).

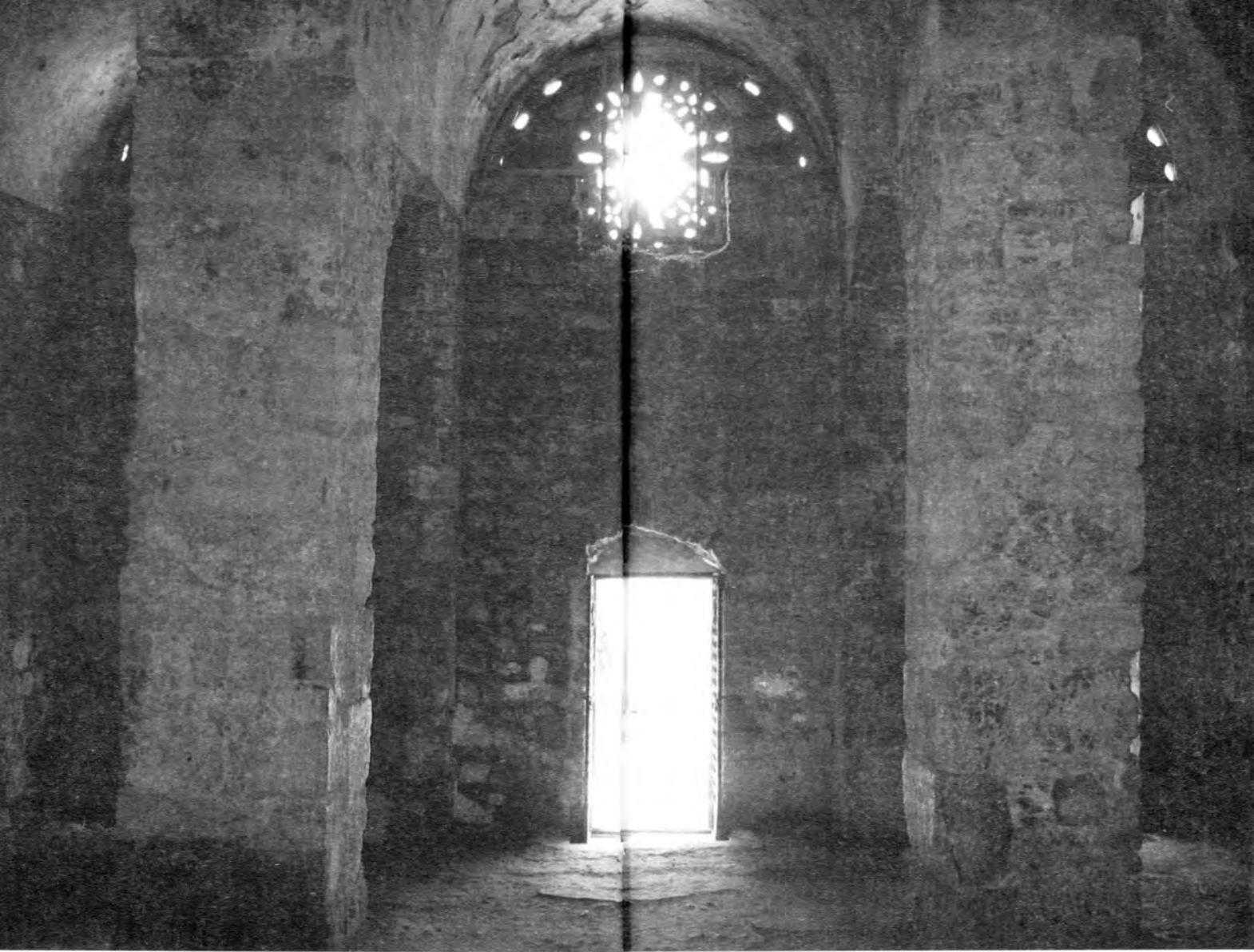
Анфуса рано заметила способности сына и постаралась дать ему хорошее образование: несколько лет Иоанн учился красноречию у знаменитого в Антиохии ритора Либания.

Судя по всему, Иоанн уже тогда обладал независимым характером. Его не все устраивало в школе, где учитель откровенно тосковал по прежним временам и ругал императора Константина с его наследниками за то, что они вычеркнули из жизни «всякий священный закон».

Сам Иоанн вырос в христианской семье, а его тетка по отцовской линии была даже диаконисой в антиохийской церкви. Поэтому, как пишет церковный историк Сократ Схоластик, Иоанн, рано «переменив одежду и поступь, направил свой ум к чтению Священного Писания и начал постоянно ходить в церковь».

Мало того, он убедил и своих друзей по школе, Феодора и Максима, «оставить жизнь роскошную и избрать простую и скромную». Оба его школьных друга впоследствии станут епископами.

Отрочество Иоанна пришлось на время, когда в церковной жизни Антиохии происходили бурные и даже скандальные события.

Пещерная церковь Святого Петра в Антиохии (современная Антакия, Турция). I в.

Чего стоил один только Антиохийский собор 358 года, где епископы-ариане Евдоксий и Аэций открыто насмехались над Христом и кощунственно вышучивали Его Божество — к негодованию других христиан. В Антиохии тех, кто держался исповедования никейского Символа веры, называли евстафианами, по имени антиохийского епископа Евстафия, который председательствовал на Первом Вселенском соборе и был убежденным никейцем.

В дни низложения арианами Евстафия с епископской кафедры в Антиохии произошли такие народные волнения, что в город пришлось ввести императорские войска и дело едва не дошло до мечей.

«Произошло сильное возмущение, да и после, когда избирали епископа, часто возгоралась такая вражда, что народ, разделившись на две стороны, едва не разрушил всего города», — пишет в «Церковной истории» Сократ Схоластик. И сообщает важную информацию о том, что в противоборство церковных партий были вовлечены все антиохийцы, так как «и к той, и к другой стороне присоединилась и городская община».

В 360 году антиохийский епископ-арианин Евдоксий, пользуясь покровительством императора Констанция, занял более престижную для себя кафедру в столичном Константинополе.

Заручившись императорскими грамотами, жители Антиохии призвали к себе известного

пастыря из Армении, архиепископа Мелетия. Вот как описывает его прибытие в Антиохию церковный историк V века Феодорит, епископ Кирский:

«Когда призванный царем великий Мелетий приближался к Антиохии, ему вышли навстречу все, кто носил сан священника, церковнослужители и все граждане: здесь были и иудеи, и неверующие, все желали одного — увидеть славнейшего Мелетия».

А святитель Димитрий Ростовский в «Житии святого Мелетия» пишет, что среди встречающих был также и отрок Иоанн Златоуст.

Все главные церкви в Антиохии были заняты арианами, евстафиане собирались только в храме за городскими воротами, и первое время святитель Мелетий старался как-то примирить враждующих.

Наконец антиохийские христиане попросили его открыто высказаться, на чьей он все-таки стороне. И однажды после богослужения архиепископ Мелетий обратился к народу с проповедью, в которой прославил никейский Символ веры. В церкви, где в тот день вместе собрались и ариане, и евстафиане, поднялся невообразимый шум: одни кричали от возмущения, другие не могли сдержать радости.

Некий диакон из ариан подбежал к архиепископу и своей ладонью закрыл ему рот. Тогда лишенный возможности говорить Мелетий

выставил вперед руку и стал исповедовать Троицу жестами. Сначала он показал три пальца, что означало три лица Божества, затем, пригнув два, оставил один — и все присутствующие в церкви поняли, что архиепископ указывает на единое в Трех Лицах Божество.

Крики в храме стали еще громче, диакон схватил архиепископа за руку — и Мелетий снова заговорил о Троице. Так, на виду у всего народа, продолжалось много раз: архипастырю то закрывали рот, то опять хватали за руки...

Вскоре после этого случая архиепископ Мелетий был отправлен в ссылку: арианам удалось убедить императора, чтобы его признали еретиком.

Потом его снова возвратят в Антиохию, и опять сошлют, и снова возвратят — в IV веке такой будет судьба многих епископов.

Но в 361 году всем церковным партиям на какое-то время пришлось притихнуть. На престол взошел цезарь Юлиан, объявивший в одном из первых своих эдиктов: «Безумие галилеян все ниспровергло, и только через благодеяние богов все мы спасены».

С непокорной Антиохией у Юлиана Отступника сложились и вовсе непростые отношения. Антиохийцы сразу вспомнили, что когда-то именно в их городе уверовавшие в Христа впервые стали называться не галилеянами, а христианами.

Они стали открыто выражать Юлиану недовольство, и не только по поводу новой религиозной политики. Например, сенат Антиохии не хотел соглашаться с растущими ценами на хлеб и новыми налогами.

Историк Аммиан Марцеллин рассказывает, что решивший поупражняться в красноречии император Юлиан даже сочинил некую «Антиохийскую речь, или Враг Бороды». Сочинение было обращено к сенату Антиохии, где он в неподобающих цезарю выражениях припомнил все грехи города. «Бородой» называли самого Юлиана: желая подражать греческим философам, молодой император отрастил себе довольно жидкую бороду.

Но лучше бы он не отсылал в Антиохию свой претендующий на остроумие памфлет! Как пишет Марцеллин, антиохийцы на улицах называли цезаря не иначе как «обезьяной» за то, что он участвовал в языческих жертвоприношениях, старательно подражая жрецам, высмеивали его бородку жидким клином и суетливую, прыгающую походку.

Лето 362 года Юлиану Отступнику пришлось провести в Антиохии, где он готовился для предстоящего военного похода в Персию.

Император с большим рвением принялся восстанавливать храм Аполлона Дельфийского, надеясь получить пророчество об исходе войны с персами. Но оракул молчал, и антиохийские

жрецы подсказали: это потому, что поблизости находятся мощи мученика Вавилы.

Юлиан распорядился перенести мощи святого на другое место и в очередной раз убедился, что такое — иметь дело с мятежными сирийцами.

В перенесении мощей мученика Вавилы участвовала многотысячная процессия христиан из Антиохии и окрестных селений.

«Весь наш город потек на дорогу, и торжища запустели без мужчин, а дома запустели без женщин, внутренние же покои пусты стали без дев: так всякий возраст и всякий пол устремились из города, как бы для встречи отца, по истечении долгого времени возвращающегося из дальнего путешествия!» — расскажет об этом событии Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей («О святом священномученике Вавиле»).

В октябре 362 года только что отстроенный огромный храм Аполлона Дельфийского в Антиохии сгорел. Как пишет Иоанн Златоуст, в его крышу, «голову идола», попала молния и «все попала».

Аммиан Марцеллин выдвигает другую версию: пожар случился по вине некоего философа Асклепиада, который зажег у ног Аполлона восковые свечи, а сам куда-то отлучился. «Вылетавшие искры упали на старое дерево, вспыхнувший в сухом материале огонь разгорелся и пожрал все до самого верха здания».

Разъяренный император Юлиан заподозрил в поджоге христиан и приказал в отместку закрыть в Антиохии главный христианский храм, чем опять вызвал большие волнения в народе.

Отправляясь 5 марта 363 года из Антиохии в персидский поход, Юлиан заявил, что больше никогда не вернется в ненавистный ему город. Его слова сбылись — на той войне он погиб. По легенде, последние слова умирающего императора Юлиана были такими: «Ты победил, о галилеянин!»

Очевидцем и наверняка участником многих из этих событий в Антиохии был и юный Иоанн Златоуст. В эти годы он вместе со своим близким другом Василием учился в богословской школе Диодора Тарсийского и служил чтецом в одной из антиохийских церквей. Должно быть, уже тогда многие заметили его умение донести до слушателей тексты Священного Писания и не смущаться большой толпы.

Примерно в двадцатилетнем возрасте Иоанн принял крещение, что говорит об осознанности такого шага. В то время многие крестились только перед смертью, как Константин Великий и его сыновья, хотя многие епископы уже осуждали подобную практику.

Иоанн всерьез задумался о монашестве, но опасался нанести своим уходом из дома смертельное огорчение матери.

«Когда мое намерение сделалось ей известным, тогда она, взяв меня за руку и введя во

внутреннее свое жилище, посадила у одра, на котором родила меня, и стала проливать источники слез и высказывать слова, горестнейшие самых слез», — расскажет об этом Иоанн Златоуст. Вспомнит он и горестные мольбы Анфусы: «Не прогневай Бога тщетно и напрасно, подвергая таким бедствиям меня, не сделавшую тебе никакого зла» («Шесть слов о священстве»).

Иоанн пообещает матери не уходить в монахи, пока она жива, и сдержит свое слово — он не мог начинать иноческую жизнь без родительского благословения.

«По свидетельству одного из близких к нему людей, он с ранней юности обнаруживал в характере более суровости, нежели ласковости», — пишет об Иоанне Златоусте в «Церковной истории» Сократ Схоластик. Но под той внешней суровостью скрывалась нежная и такая любящая душа...

В 374 году после смерти матери (Анфуса не дожила и до пятидесяти) Иоанн раздал принадлежавшую ему долю имущества, отпустил на волю рабов и вместе со своим «неразлучным спутником» Василием поселился в уединенном месте за городом.

Как-то до них дошло известие, что, узнав об их подвижнической жизни, христиане Антиохии решили поставить их епископами. И тогда Иоанн... просто на время исчез, ничего никому не сказав, даже другу.

Василий один был возведен в сан епископа в Рафана Сирийской, небольшом городе вблизи Антиохии.

Объяснение между друзьями, когда они снова встретились, было тяжким.

Василий «сел возле меня и хотел что-то сказать, но от душевного волнения не мог выразить словами испытываемой скорби, как только порывался говорить, останавливался, потому что печаль прерывала его речь прежде, чем она вырывалась из уст...» («Шесть слов о священстве»).

И много лет спустя Иоанн Златоуст будет сочувствовать переживаниям друга юности, но при этом сознавать, что поступил тогда честно. «Углубляясь в себя самого, я не находил в себе ничего достойного такой чести», а для него правда перед Богом всегда будет превыше любых человеческих отношений.

После того как Василий уехал к своей пастве, двадцатичетырехлетний Иоанн продолжал жить отшельником и два года провел в полном молчании. Целых два года, словно в невидимой миру плавильне, его молитвы и мысли переплавлялись в какой-то особый сплав, который позднее делает его Златоустом.

В этот период Иоанн написал сочинения «Против вооружающихся на ищущих монашества» и «Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским

любомудрием монашеской жизни», в которых видно, что монашескую жизнь он ценит выше царской.

«Когда ты увидишь богатого, украшенного одеждою, убранного золотом, везомого на колесницах, выступающего в блистательных выходах, не ублажай этого человека; потому что богатство временно, и кажущееся прекрасным истлевает с этою жизнью; а видя монаха, идущего одиноким, смиренным и кротким, спокойным и тихим, соревнуй этому мужу, окажись подражателем его любомудрия» («Сравнение»).

Проведя примерно четыре года в уединении, Иоанн возвратился в Антиохию. Высказывается мнение, что по состоянию здоровья, так как Иоанн на протяжении всей жизни мучился болями желудка. Но есть еще и другое: в ранних сочинениях Иоанна есть мысль о том, что все люди при желании могли бы жить счастливо, как в одном большом монастыре, если бы сумели отказаться от праздности, распутства, погони за богатством, — то, о чем он будет неустанно говорить в своих проповедях.

В 381 году Иоанн был возведен в сан диакона, еще через пять лет стал священником, на которого была возложена обязанность проповедовать слово Божие в церквях Антиохии.

В течение двадцати лет, как правило, два раза в неделю, но иногда и ежедневно, Иоанн обращался с речами к народу.

«Случалось, что, сказав поучение в одной церкви, он шел, усталый, в соборный храм, где служил епископ, а тот, во исполнение общего желания, поручал ему снова говорить поучение», — пишет святитель Димитрий Ростовский.

Народ называл пресвитера Иоанна «медоречивым», «сладкоглаголивым», «Божии и Христовы уста», но окончательно за ним закрепилось простое и лаконичное имя — Златоуст.

В то время христианский храм для многих был одним из излюбленных общественных мест — сюда приходили и послушать проповедь, и узнать последние новости.

Как повествует житие, теперь все «городские правители и судьи оставляли свои занятия, купцы — свою торговлю, ремесленники — свои дела и поспешно шли слушать учение Иоанна, заботясь о том, чтобы не пропустить ни одного слова, исходящего из уст его».

Это объяснялось прежде всего тем, что Иоанн Златоуст выступал, как теперь говорится, без бумажки. И это само по себе уже было необычно, «так как до сего времени никто не проповедовал слово Божие без книги или без тетради».

При этом всякий раз его речь была блестящей импровизацией, где словами из Священного Писания объяснялись многие современные события, и изумленным слушателям казалось, что древние тексты написаны словно о них самих.

Иоанн Златоуст обращался к антиохийцам то как строгий учитель, то как близкий друг, доверительно рассказывая о своем личном опыте, но всегда был неподдельно искренен, равнодушен, а это подделать невозможно.

В 387 году по восточным городам прокатилась волна недовольства из-за нового налога, введенного императором Феодосием.

В Антиохии волнения переросли в открытый мятеж. Разбушевавшаяся толпа опрокинула и разбила стоявшие на улицах статуи самого императора и недавно умершей императрицы Плациллы, вызвав гнев Феодосия. Он пригрозил строго наказать антиохийцев — император вполне мог лишить Антиохию всех привилегий в торговле и судопроизводстве, что сравняло бы город с деревней. Но прежде он пообещал произвести дознание и строго наказать всех виновных бунта. Город затаился в ожидании...

«Город у нас стал не прежним или, вернее, даже перестал быть городом; заперт театр, заперт ипподром. Не ведет девицу дружка, не зажигают брачных факелов, не звучит гименей. Пропали все флейты, пропали свирели, пропали песни. Ни шутки, ни остроты, ни пирушки — ничего вообще из того, что доставляет утеху, не увидишь в городе... Прекратились занятия словом, прекратилось обучение письму, никто не учит, никто не учится...» — описывает Либаний атмосферу тех дней в Антиохии («К императору Феодосию о мятеже»).

Даже школы тогда не работали — зато весь народ от мала до велика шел в церковь слушать Иоанна Златоуста.

Наверное, это был один из редких случаев, когда дни Великого поста стали временем покаяния для всего города.

Иоанн Златоуст каждый день обращался к народу со словами утешения и поддержки, при этом обличая суеверие, скупость, распутство, лицемерие, жестокость антиохийцев. Он горячо убеждал всех исправиться и больше не навлекать на себя несчастий своими же пороками.

До наших дней сохранилась его двадцать одна речь «О статуях» — проповеди, произнесенные в те самые дни, когда престарелый епископ Антиохии Флавиан отправился в Константинополь вымаливать у императора прощение для горожан.

Весть о том, что император Феодосий простил жителей Антиохии, пришла в город как раз ко дню Пасхи.

Иоанн Златоуст объявил ее народу в церкви в праздничный день, не забыв под конец сказать: «Благодарите Бога не только за прекращение бедствий, но и за то, что Он послал их».

Самому Иоанну Златоусту некогда было записывать свои многочисленные речи — это делали другие.

«Многие скорописцы записывали на хартиях проповеди Иоанна и, переписывая, передавали

их другим. Его поучения читались за трапезами и на площадях, и слушатели поучались изустно словам его, как Псалтири...» — поясняет святитель Димитрий Ростовский, каким образом мы теперь имеем двенадцать книг сочинений Иоанна Златоуста.

Говоря современным языком, в большинстве своем это стенограммы знаменитых устных речей Златоуста, отредактированные многочисленными переписчиками.

Слава о незаурядном проповеднике давно дошла до Константинополя. И когда умер Нектарий, архиепископ Константинопольский, на столичную кафедру был призван знаменитый антиохийский священник Иоанн Златоуст.

Иоанн не просто без всякой радости воспринял это известие — он вообще наотрез отказался покидать Антиохию, когда прибыли посыльные из Константинополя.

Да и антиохийцы не хотели его отпускать и, узнав о том, что у них забирают Златоуста, грозилась поднять мятеж.

Но император Аркадий приказал любыми способами доставить Иоанна Златоуста в столицу, и тогда областеначальник (губернатор) Астерий пошел на хитрость. Он вызвал Иоанна за город, будто бы для поклонения мощам святых мучеников, а там священника пересадили в другую колесницу и умчали в Константинополь, можно сказать — выкрали.

Остались позади, ушли в прошлое первые века христианства, когда епископов выбирал верующий народ, а после их смерти кафедры долго были пустыми, «вдовствующими». Теперь все чаще епископов назначали императорскими указами, они считались помощниками царской власти, от них требовалось подчинение приказам из Константинополя или Рима.

Это была уже ранняя Византия...

Иоанн Златоуст, конечно, даже не подозревал, что еще до прибытия в Константинополь он оказался в центре большой дворцовой интриги.

Александрийский архиепископ Феофил, человек очень умный и при этом амбициозный и властный (за что даже заслужил прозвище «христианский фараон»), хотел видеть на константинопольской кафедре своего ставленника и уже провел с императором Аркадием подготовительную работу.

Но его планам помешал царедворец Евтропий: собрав все жалобы, которые поступили на Феофила, он пригрозил, что привлечет его к суду, если тот будет настаивать на своем. Судя по всему, жалоб собралось немало. Египетский отшельник Исидор Пелусиот называет епископа Феофила «пламенным другом драгоценных камней, усердным поклонником золоту», упрекая в непомерном корыстолюбии.

Можно вспомнить, что именно во время епископства Феофила фанатиками была уничтожена

часть Александрийской библиотеки, находившейся в храме Сераписа.

Евтропий, как-то побывав в Антиохии, услышал проповеди Иоанна Златоуста и решил, что такой красноречивый, но при этом далекий от дворцовой политики священник вполне подойдет для столичной кафедры. Епископу Феофилу пришлось уступить.

К тому времени дворцовый евнух Евтропий со сторонниками одержал победу над своим главным врагом — влиятельным аристократом Руфином, которого император Феодосий назначил опекуном сына Аркадия после своей смерти.

Два влиятельных придворных — бывший раб и знатный патриций — устроили настоящую схватку за богатство и власть, соревнуясь друг с другом во взятках, подкупах, торговле должностями.

«Все дела судебные вершили они... Многочисленная толпа людей бегала и узнавала, нет ли у кого поместья плодоносного и богатого, чтобы потом найти способы его отобрать», — пишет об этом их современник (Эвнапий Сардиец. «Продолжение истории Дексипповой»).

В конце концов Евтропию и его дворцовой «партии» удалось низвергнуть и опозорить Руфина, уличенного в подкупе отряда готов. На глазах у императора и народа на дворцовой площади солдаты зарубили Руфина мечом, а в насмешку над его чудовищной алчностью носили по горо-

ду отрубленную его руку, как бы прося ею милостыню.

Так что ко времени появления Иоанна Златоуста в Константинополе евнух Евтропий, а также военачальник Гайна были самыми влиятельными придворными императора Аркадия.

Аркадию не было еще и двадцати лет, когда он получил в наследство от скончавшегося императора Феодосия восточные провинции империи. Его младшему брату, Гонорию, достался Запад.

«Жизнь его протекала в каком-то болезненном полусне, соответствовавшем тупости его ума, недоступного никакому серьезному занятию и созданного для подчинения царедворцам, министрам и жене, которые за него и думали, и желали», — такую убийственную характеристику дает императору Аркадию французский историк Амодей Тьерри.

Впрочем, и другие отмечают, что молодого императора волновали только две вещи: если кто-то затрагивал честь его жены и когда грозила опасность разрыва императорского трона с Церковью.

История женитьбы императора Аркадия на Евдоксии весьма романтична.

Его опекун Руфин давно мечтал породниться с императорской фамилией и выдать за него свою дочь. Но когда он отлучился из столицы, евнух Евтропий показал Аркадию портрет красивой

девушки на восковой дощечке. Это была дочь франкского военачальника Баутона, когда-то воевавшего с его отцом, императором Феодосием. Портрет так понравился Аркадию, что он пожелал немедленно познакомиться с прекрасной сиротой.

В апреле 395 года состоялась свадьба императора и Евдоксии. Они оба были молоды, не имели ни опыта в управлении государством, ни хороших наставников, и придворные вертели ими, как хотели.

Больше всего так внезапно возвысившаяся Евдоксия боялась не оправдать доверия и «упасть» в глазах супруга — и этим тоже будут пользоваться многочисленные дворцовые интриганы.

26 февраля 398 года в Константинополе в храме Святых Апостолов в присутствии императора Аркадия и императрицы Евдоксии состоялась хиротония Иоанна Златоуста в архиепископа Константинопольского. Рукоположил его александрийский архиепископ Феофил.

Никакой дружбы Иоанн со своим «благодетелем» Евтропием так и не завязал, да и с военачальником Гайной тоже вскоре поссорился, отчитав его в присутствии императора Аркадия, как мальчишку, когда тот сделал было попытку вернуть арианам самый большой храм в Константинополе. Архиепископа вообще мало интересовало то, что происходит во дворце, — он был

полностью погружен в церковные дела, найдя их в большом беспорядке.

Столичное духовенство ужаснуло Иоанна своим формальным отношением к богослужениям и пастырским обязанностям, церковная казна была растрочена.

Его предшественник, архиепископ Нектарий, вел роскошный образ жизни, имел обыкновение устраивать для вельмож обеды и приемы, для чего содержал целый штат поваров — духовенство при нем стало чем-то вроде части императорского двора.

По всему Константинополю бродили нищенствующие монахи и какие-то темные личности, выдававшие себя за монахов: некоторые из них забавляли толпу тем, что примешивали к молитвам площадные шутки.

Оказалось, что в домах, принадлежащих Церкви, живет множество девиц и вдов — так называемых «духовных сестер», и ведут они вполне комфортный и почти что светский образ жизни.

Иоанн Златоуст взялся за решительные перемены: лицам, имеющим священный сан, было запрещено посещать пиры и дворцовые приемы, «монахам-странникам» велено разойтись по монастырям и подчиниться общежительному уставу.

Он не поленился лично побеседовать со всеми «духовными сестрами» и рекомендовал вдовам вести себя скромно, в соответствии со вдовьим положением, или же снова выйти замуж,

а монахиням-девицам, помышляющим больше «о банях, благовониях и нарядах, чем о посте и молитве», отправиться по домам или в монастыри.

Очень быстро у такого «неудобного» архиепископа в Константинополе появилась целая армия врагов — и среди духовенства, и среди мирян. Иоанна Златоуста обвиняли в излишней строгости, высокомерии, гордости и других возможных и невозможных грехах.

Страдая болезнью желудка, Иоанн предпочитал есть в одиночестве и самую простую пищу — ему и это ставили в вину, упрекая в нелюдимости и негостеприимности. А то и вовсе распускали слухи, будто епископ запирается для того, чтобы за закрытыми дверями предаваться роскошным пиршествам и «циклопическим оргиям».

Иоанн не собирался менять в Константинополе ни своего образа жизни, ни привычек. Он никогда не носил тканей из шелка или расшитой золотом парчи, предпочитая скромное, почти монашеское одеяние, и теперь его обвиняли в скупости, провинциализме и старомодности.

Богатство внушало Иоанну ужас, но сплетники распускали слухи, будто в подвалах епископского дома хранятся церковные сокровища и епископ ими торгует.

Первое время его проповеди в Константинополе то и дело прерывались громкими аплодисментами и восклицаниями по поводу метких выражений, и Иоанну Златоусту не раз приходилось

повторять, что церковь — не театр и он пришел выступать не для удовольствия публики.

«Шум и клики пристойны театру, баням, общественной площади, светским церемониям. Изложение наших догматов требует спокойствия, сосредоточенности, этой тихой пристани для защиты от бурь. Подумайте об этом, я вас прошу, я вас умоляю...» (Иоанн Златоуст. Беседа XXX на Деяния апостолов).

«Он особенно старался об исправлении нравов в своих слушателях, а находясь в собраниях, казался гордым для людей, не знавших его характера», — напишет Сократ Схоластик о его проповедях перед столичными жителями.

Иоанн Златоуст говорил, что рубины — это кровь бедняков, и на те деньги, что тратятся на драгоценности, можно было бы накормить всех бедняков в мире.

А богатые и скупые — это просто воры, «облагающие дороги, грабящие прохожих, собирающие на своих полях, как в пещерах и ямах, чужое имущество, ими накопленное».

Богачей, униженных драгоценностями, он сравнивал с лошаками, ведь и «бессловесные лошаки носят драгоценности, имея золотую узду; бессловесные лошаки украшаются, а бедный, томимый голодом, стоит при дверях твоих, и Христос мучится голодом! О, крайнее безумие!»

Златоуст высмеивал столичных модников, которые с осторожностью делают каждый шаг,

боясь повредить дорогие, обтягивающие ногу узорчатые сапоги, и советовал им для пущей сохранности вешать обувь на шею или положить себе на голову.

Его глубоко печалило, что женщины приходили в церковь для того, чтобы покрасоваться дорогими шелковыми и золототкаными платьями, навьючивая на себя украшения из золота, серебра, бисера, жемчуга, финифти. Мужчины носили перстни с камнями, украшали драгоценными камнями военную одежду, пояса, уздечки — в столице царил культ восточной роскоши.

Иоанн Златоуст с горечью говорил, что женщины любят свои безделушки, почти как собственных детей.

Это был не его мир, и он не мог скрыть к нему презрения, живя совсем другим — храмом, молитвой, делами милосердия.

До него в столице было всего три богоугодных заведения, а теперь стали появляться дома для бедных и стариков, больницы, гостиницы для паломников. Под влиянием проповедей Златоуста богатые константинопольцы стали охотнее жертвовать на благотворительность.

«Для чего же показывать столько высокомерия? Не потому ли, что вы богаты и одеты в шелка? Но не должны ли вы рассудить, что эти ткани — дело червей, которые сопряли их, и изобретения варваров, которые их соткали? Не должны ли вы рассудить, что и блудницы, и бесчестные

люди, преданные всяким мерзостям, и воры, и самые грабители могил имеют такие же, как и вы, шелковые одежды?» — говорил он с амвона.

Особое внимание Иоанн Златоуст уделял совершению богослужения в храмах Константинополя. Для литургии он адаптировал один из древних антиохийских образцов евхаристической молитвы — особое прошение, через которое совершается освящение Святых Даров. Эта молитва известна как анафора святителя Иоанна Златоуста и используется по сей день. Он очень любил крестные ходы, антифонное пение, длинные ночные службы — всенощные бдения напоминали ему христианские собрания первых веков, помогали отрешиться от дневной суеты.

«Ночь, — говорил Иоанн Златоуст, — создана не для того, чтобы всю ее проводить во сне и покое: доказательством этого служат ремесленники, торговцы и купцы. Церковь Божия встает в полночь. Вставай и ты и созерцай хор звезд, это глубокое безмолвие, эту безграничную тишину».

По своему подвижническому духу Иоанн Златоуст был человеком апостольских времен, которому выпало жить в IV веке.

Таковыми же были и его единомышленники, их тоже в Константинополе нашлось много — священники, диаконы, диаконисы, миряне.

При дворе Феодосия была красивая девушка Олимпиада. Император в память об ее отце решил лично устроить ее судьбу и нашел для нее

жениха — богатого испанца. Но девушка наотрез отказалась, желая посвятить себя Церкви.

Тогда разгневанный Феодосий приказал конфисковать имущество девушки, сказав, что вернет его, когда она достигнет тридцати лет и помнеет. И вскоре получил от нее такое письмо:

«Благодарю тебя, августейший монарх, за то, что с мудростью и благоволением, достойным не только государя, но и епископа, ты соизволил возложить на себя управление моим именем и тем облегчить мне тяжесть земных забот. Соблаговоли увенчать свое дело, раздав это богатство бедным и церквям, как я то намеревалась сделать. Твои уполномоченные исполняют это с большим знанием дела, а сверх того ты избавляешь меня от укулов преступного тщеславия, которые очень часто сопровождают благотворение».

Получив такое письмо, Феодосий велел вернуть девушке имение и разрешил ей самостоятельно распоряжаться своим будущим.

Эта девушка — будущая диакониса Олимпиада — была одной из духовных дочерей и верных друзей Иоанна Златоуста в Константинополе.

Многие откликнулись, когда архиепископ Иоанн стал устраивать по ночам крестные ходы по улицам столицы.

Это было сделано в противодействие арианам. После Константинопольского собора 381 года они были вытеснены из города, но каждую ночь с субботы на воскресенье приходили в столицу

и на площади распевали гимны с оскорбительными для православных словами, вроде «где те, которые три называют одною силою?».

Узнав, что ариане стараются привлечь на свою сторону верующих, Иоанн Златоуст велел устраивать еще более торжественные процессии по городу с пением псалмов, ношением крестов и горящих свечей. Царица Евдоксия лично от себя пожаловала для таких манифестаций большой серебряный крест.

Однажды дело дошло до того, что ариане напали на исповедников единосущия, и во время драки евнух царицы Бризон, руководивший хором, был ранен камнем в лицо. Узнав об этом, император Аркадий запретил арианам являться в город и устраивать публичные песнопения, чего в общем-то Иоанн Златоуст и добивался.

Императорский фаворит Евтропий становился все более неразборчивым в средствах обогащения, и полководец Гайна организовал в Константинополе мятеж, пригрозив императору, что его солдаты не успокоятся, пока евнух будет жив.

Спасаясь от преследователей, Евтропий спрятался в храме и простоял там целый день, ухватившись за столб алтаря. По древнему римскому обычаю человеку, который искал убежище у алтаря, обеспечивалась неприкосновенность. Но Евтропий сам недавно развернул борьбу с Иоанном Златоустом против этой традиции, потому что она мешала ему расправляться с соперниками.

В воскресенье народ собрался в храм на литургию, и, показывая рукой на бледного от страха Евтропия, Иоанн Златоуст так начал свою проповедь:

«Где рукоплескания и ликования, пиршества и праздники? Где венки и завесы? Где городской шум и хвалебные крики на конских бегах и льстивые речи зрителей? Все это прошло: вдруг подул ветер и сорвал листья, обнажил дерево и потряс его до основания с такою силою, что, казалось, вырвет его с корнем и разрушит самые волокна его. Где теперь придворные друзья? Где пиры и обеды? Где толпа тунеядцев, и ежедневные возлияния вина, и изысканность поварского искусства, и поклонники могущества, льстившие словом и делом? Все это было, как ночь и сновидение, и с наступлением дня исчезло...» («Евтропий, патриций и консул», проповедь I)

Впоследствии Евтропий был сослан в ссылку на Кипр, и «партия Гайны» добилась над ним суда и смертной казни. Все имущество евнуха было конфисковано.

Впрочем, в январе 401 года в Константинополь была привезена голова и самого Гайны, уличенного в военной измене: вождь гуннов Ульдин получил за нее от императора Аркадия ценные подарки.

А за каждым шагом Иоанна Златоуста продолжали следить его недоброжелатели, каждое его слово тут же становилось известно в императорском дворце.

Особенно невзлюбили Златоуста три богатые константинопольские вдовы, придворные дамы императрицы Евдоксии. Они являлись в храм, униженные драгоценностями, с непокрытыми головами, чтобы все видели их сложное плетение волос и прически, как у молодых девушек.

У знатных столичных дам вошли в моду платья с целыми картинами, расшитыми на ткани, на евангельские сюжеты: воскрешение Лазаря, исцеление расслабленного... Иоанн не мог смотреть на них без возмущения и называл таких женщин «одушевленными стенами».

Иоанн Златоуст нередко обличал в своих проповедях женщин, которые покрывают себя красками, навивают локоны, чтобы казаться моложе своих лет, погрязают в суетных желаниях, — и придворные дамы внушили императрице Евдоксии, что это он ее имеет в виду.

Слушать Иоанна Златоуста приходило все больше народа. Вокруг его кафедры в церкви было не протолкнуться и плохо слышно, и в какой-то момент ее перенесли выше. Теперь архиепископ стоял как раз напротив ложи, предназначенной для императорской четы и их придворных.

Евдоксия разгневалась и пожаловалась мужу, что архиепископ Иоанн при всех ее позорит и высмеивает, а значит, роняет в глазах народа достоинство императорской семьи.

У нее и прежде возникали конфликты с архиепископом, например, когда Евдоксия хотела конфисковать собственность у вдовы и детей одного опального вельможи, а Иоанн встал на их защиту. Но теперь она не собиралась отступать...

В январе 400 года Аркадий даровал Евдоксии титул августы, что уравнивало ее с императором в правах по управлению государством. Это вызвало недоумение даже западного императора Гонория, написавшего по этому поводу брату раздраженное письмо.

Да и многие видели: Евдоксия уже не была похожа на прежнюю скромную сироту, она почувствовала вкус власти и почти открыто управляла не особо волевым императором Аркадием.

Разгорался конфликт, умело поддерживаемый александрийским архиепископом Феофилом, имевшим большое влияние на императорскую чету.

В 403 году по инициативе императора Аркадия в роскошной резиденции «Дуб» под Константинополем, конфискованной у Руфина, состоялся епископский собор, который иногда называют собором «При Дубе».

Приехавшие из Египта во главе с Феофилом пятьдесят епископов и враждебно настроенное духовенство Константинополя сплотились с общей целью — сместить Златоуста с константинопольской кафедры.

Главных обвинений было несколько, их для такого случая припас Феофил.

Как-то Иоанну стало известно, что Эфесский епископ занимается продажей церковных должностей, и его это настолько возмутило, что он немедленно отправился в Эфес и добился смещения опозорившегося архипастыря. Хотя по канону разбирательство эфесских дел не входило в компетенцию константинопольского архиепископа.

Другой случай произошел в 401 году, когда пятьдесят египетских монахов пришли в Константинополь искать справедливость. Феофил Александрийский отлучил их от Церкви, обвинив в том, что все они являются последователями учения Оригена.

Побеседовав с пустынниками, Иоанн не нашел у них никаких еретических мыслей, к тому же многие монахи вообще оказались неграмотными и были не сильны в богословии. Златоуст попросил императора Аркадия пригласить Феофила в Константинополь для объяснений, чтобы пересмотреть свой приговор, и это ему тоже припомнилось.

В «Библиотеке» богослова и святителя Фотия сохранился список обвинений собора «При Дубе» из 29 пунктов, и большинство из них похожи на сплетни и досужие домыслы.

Иоанну припомнили все: кто-то жаловался на его грубость и высокомерие, другие упрекали

в жестокости, третьи — в стяжательстве, и на всех двенадцати заседаниях, как сообщают очевидцы, епископы с удовольствием слушали, как бесчестят Златоуста.

Некоторых константинопольских священников настроили против Иоанна неосторожные слова рукоположенного им архидиакона Серапиона. Однажды во время большого собрания духовенства Серапион громко произнес, показывая на сидящих за столом и обращаясь к Иоанну: «Епископ! Ты до тех пор не будешь иметь над ними власти, пока не погонишь всех одним железом», — и эти слова многим не давали покоя.

Сам Иоанн Златоуст на соборе «При Дубе» не присутствовал, трижды отклонив приглашение явиться, что потом ему поставили чуть ли не в главную вину.

Он направил епископам письмо, в котором объяснил свою позицию: «Доныне не знаю я никого, кто мог бы с каким-нибудь видом законности жаловаться на меня и обвинять меня. Тем не менее, если вы хотите, чтобы я предстал перед вашим собранием, прежде исключите из него моих явных врагов, тех, кто не скрывал своей ненависти и умыслов против меня. Исполните это, и я не буду оспаривать место суда надо мной».

И первым из своих врагов он называл епископа Феофила, который, отправляясь в Константинополь, при всех заявил: «Отправляюсь ко двору низложить Иоанна».

Ему это удалось: собор «При Дубе» постановил извергнуть Иоанна из сана.

Вечером, когда обо всем стало известно, в Константинополе начались уличные волнения. По городу пошли слухи, будто за оскорбление императрицы архиепископа хотят предать казни.

Народ любил своего Златоуста, только он мог сказать публично такие слова: «Славу моего города составляет не то, что в нем есть сенат, консулы и другие подобные учреждения, но то, что в нем есть народ верный».

Сторонники Иоанна всю ночь стерегли церковь, чтобы архиепископа не взяли силой, и кричали, что все обвинения против него надо рассмотреть на более многочисленном и правильном соборе. Иоанн Златоуст тоже так говорил: «Меня осудил собор ложный».

От царя вышел указ как можно быстрее взять архиепископа под стражу и отправить в ссылку. Узнав об этом приговоре и опасаясь, как бы в столице не вспыхнул мятеж, Иоанн Златоуст сам вышел к конвоирам.

Местом ссылки ему была определена Вифиния в Малой Азии. Но Иоанн Златоуст не успел туда доехать, потому что в столице произошло и вовсе непредвиденное событие — землетрясение. Народ истолковал его как гнев Божий за изгнание праведного архиепископа, в Константинополе все только об этом и говорили, и испуганная Евдоксия велела немедленно вернуть Златоуста.

Остановившись в воротах города, архиепископ потребовал созыва нового церковного собора, который официально восстановил бы его на кафедре. По правилам, низложенный епископ мог войти в свою церковь только законно оправданным собором.

Но народное воодушевление было велико: епископа повлекли в церковь и потребовали, чтобы он тут же сказал проповедь. Растроганный до слез Иоанн Златоуст благословил константинопольцев.

Примирение, в том числе и с императорской четой, произошло, но ненадолго.

Архиепископ все так же обличал роскошь двора и распущенность нравов, и вскоре он снова вызвал гнев императрицы одной своей проповедью.

В сентябре 403 года на площади перед сенатом на высокой порфировой колонне была воздвигнута статуя императрицы Евдоксии — ее серебряное изображение возвышалось над дворцом, зданием сената, над всей столицей.

По этому поводу в Константинополе, на главной площади, где находился и храм, в течение нескольких дней проводились общественные торжества, как бы сейчас сказали, народные гулянья: танцы, состязания в силе и ловкости, представления мимов.

В речи, которую произнес по этому поводу Иоанн Златоуст, говорилось о нечестивых женщинах, кто из гордости ставит себя выше Бога.

Воздвижение статуи совпало с праздником в честь Иоанна Крестителя, в проповеди были упомянуты гордая Иродиада и Саломея.

Кто-то из осведомителей тут же донес во дворец, что императрицу назвали беснующейся Иродиадой, которая хочет получить на блюде голову Иоанна, разумеется, самого архиепископа Иоанна...

Хрупкий мир с императорским двором не продержался и двух месяцев. На Рождество 404 года император Аркадий и императрица Евдоксия не пришли на богослужение.

Расправиться с Иоанном решили все же с соблюдением формальных приличий, вспомнив, что он сам требовал созыва нового собора.

В марте 404 года в Константинополе состоялся собор, на котором против Иоанна Златоуста были выдвинуты новые обвинения. Главным вопросом стала нелегальность восстановления смещенного архиепископа и его самовольное, в течение двух месяцев, пребывание на константинопольской кафедре.

Из архивов подняли постановления Антиохийского собора 341 года, принятые еще при императоре Констанции, согласно которым низложенный клирик, самовольно продолживший свое служение, не имеет надежды на восстановление в сани; он не может быть восстановлен гражданскими властями, но только церковным собором.

Но Иоанн Златоуст, выросший в Антиохии, хорошо знал, что тот собор (это было за шесть лет до его рождения) созвали ариане и его постановления были приняты исключительно как орудие против непокорного Афанасия Великого, потому ссылаться на них теперь неправомерно.

Завязался спор, но в данном случае все решало мнение из императорского дворца.

Приближалась Великая Суббота перед Пасхой, которая в древности была главным днем крещения оглашенных. Примерно три тысячи человек в Константинополе готовились принять крещение, его должны были совершать семь епископов.

Но накануне к Иоанну Златоусту в церковь явился чиновник из дворца с известием, что император Аркадий запретил ему совершать богослужения и вообще входить в храм как осужденному двумя соборами. Хотя к тому времени приговор второго собора еще не был оглашен.

«Я не могу исполнить этого, — спокойно ответил чиновнику Иоанн, — я принял эту церковь от самого Бога, моего Спасителя, дабы пещись о спасении народа, и не покину ее».

И добавил на тот случай, если император все же надумает применить силу: «Насилие будет моим оправданием перед Небом; но никогда не выйду отсюда добровольно».

Эти и многие другие подробности сообщает ученик Иоанна Златоуста Палладий в сочинении «Диалог Палладия, епископа Еленопольского,

с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста».

В Великую Субботу солдаты с обнаженными мечами ворвались в храм, чтобы силой вывести Златоуста из церкви.

Сначала они схватили архиепископа и грубо, невзирая на его протест, повлекли к выходу. Затем разделились на два отряда: одни солдаты побежали в крещальню, где стали мечами разгонять духовенство и ожидающих крещения мирян, другие солдаты, многие из которых были язычниками, бросились грабить алтарь.

Многие во время того побоища были ранены, и, как пишет об этом событии очевидец, историк Созомен, «воды возрождения человеков были обогрены человеческой кровью».

Вечером духовенство и оглашенные, выгнанные из церкви, собрались в термах Константина, чтобы довершить Таинство Крещения, но и там опьяневшая от ярости когорта воинов с жестокостью разогнала верующих.

На праздник Пасхи император и императрица обычно посещали мартирии — так назывались тогда церкви и часовни, где лежали мощи святых, пострадавших за веру. Во время этого выезда Павел, епископ Кратийский, подошел к царской свите и сказал императрице: «Евдоксия, побойся Бога и пожалей детей твоих: не оскверняй святой праздник Христов кровопролитием».

Но спесивая молодая царица гордо прошла мимо...

Иоанна Златоуста держали под арестом в епископском доме до Троицы. В это время он послал апелляцию, адресованную Римскому епископу Иннокентию и наиболее авторитетным на западе епископам Медиоланскому и Аквилейскому, чтобы они добились пересмотра решений Константинопольского собора.

Но когда из Рима пришел положительный ответ, что по этому делу может быть созван новый собор, было уже поздно.

9 июня 404 года за Иоанном пришел конвой, чтобы отправить его в ссылку. У архиепископа была только одна просьба: чтобы его хотя бы на несколько минут завели в храм.

«Пойдемте, — сказал он, — помолимся, простимся с ангелами этого храма». Войдя в церковь, Иоанн Златоуст помолился, подошел к епископам, поцеловал двоих и, отвернувшись в слезах, сказал остальным: «Целую вас всех в лице этих; побудьте в святом храме, чтобы я мог успокоиться немного прежде, чем уйду».

Потом Иоанн вошел в крещальню, где собрались плачущие диаконисы. «Удали их, — сказал он священнику, — чтобы их скорбь не возбудила народ».

Твердым шагом Иоанн Златоуст подошел к дверям храма и отдался в руки солдат, которые увели его, скрывая от народа.

В тот же день в столице произошли большие волнения: по свидетельству очевидцев, солдаты разгоняли толпу, словно вражеское войско, не различая священников и мирян, женщин и детей.

А к вечеру в Константинополе вспыхнул пожар — на площади загорелся главный храм, и враги Иоанна уверяли, будто бы огонь начался с епископского престола сразу же, как только солдаты вывели архиепископа из храма.

Пламя пожара перекинулось на здание сената и едва не добралось до императорского дворца.

«Действием пламени крыша курии растопилась, и расплавленный свинец, стекая ручьями во внутренность здания, раскалывал колонны, мраморные стены и статуи. Золото, серебро, бронза — все металлы, сплавившись вместе, представляли взорам лишь одну безобразную огнистую массу, и здание, лишенное опоры, внезапно осело», — описывает пожар очевидец.

В поджоге обвинили сторонников Златоуста, которых называли «иоаннитами». В ту же ночь их стали хватать и сажать в тюрьмы, пытаться, чтобы они сознались в поджоге, сказали, кто подговорил их совершить такое преступление...

Обо всем этом Иоанн Златоуст, который в сопровождении двух преторианцев двигался к Никее, где должен был ждать приказ из императорского дворца о месте ссылки, узнал гораздо позже.

По дороге Иоанна мучили желудочные боли и приступы лихорадки.

«Нет, каторжники и острожники не испытывают того, что претерпел я и до сих пор временами претерпеваю, — признается Иоанн Златоуст в одном из писем. — Поражаемый приступами лихорадки и принужденный ехать день и ночь, томимый зноем и потребностью сна, я не имел самых необходимых предметов и никого, кто мог бы мне оказать помощь в этих лишениях» («Феодоре»).

Впрочем, два конвоира, Анатолий и Феодор, по мере сил старались его поддерживать и даже делали корыта из обрезков бочек, чтобы ваннами немного снять приступы боли.

Иоанн думал, что его отправят в Себаст, довольно крупный восточный город. Возможно, он слышал об этом от конвоиров. Но он не представлял, что в эти дни творилось в Константинополе и сколько испытаний пришлось пережить «иоаннитам». В письмах он то и дело спрашивал о судьбе кого-нибудь из своих друзей, но письма с трудом успевали за его передвижениями.

Был получен приказ отправить Иоанна в ссылку в маленький городок Кукуз на пересечении горных хребтов Армении и Каппадокии. Узнав об этом, Иоанн Златоуст напишет в письме к Олимпиаде: «Слава Господу во всяком деле! Я никогда не перестану повторять эти слова, что бы со мною ни случилось».

Через три с половиной месяца после изгнания Иоанна из Константинополя, 6 октября 404 года,

в столице после мучительных родов скончалась императрица Евдоксия.

Нил Синайский писал императору Аркадию из пустыни: «Ты изгнал Иоанна, величайший светильник мира, не имея на то никакого основания и вследствие слишком легкой уступки злым советам некоторых безумных епископов».

Но Аркадий не захотел отменять приговор. Константинопольскую кафедру уже занял восьмидесятилетний Арзакий, брат Нектария, предшественника Иоанна Златоуста, про которого говорили, что он обладал «многоречием рыбы» и в свои речи влагал «горячность лягушки». Но тихая заводь устраивала императора куда больше...

В Кукузе Иоанн Златоуст провел два года, и главным его утешением в это время были письма.

«Я теперь в Кукузе, — напишет он Олимпиаде, — уважаем всеми и вне опасности: не бойся в отношении меня исаврян, которых зима заключила в их норы; я же сам никого не боюсь так, как епископов, исключая немногих».

Из-за нападения исаврян — полудиких горных разбойничьих племен — Иоанну пришлось вместе с другими на время бежать из Кукуза и скрываться в пещерах. Лютую зиму Иоанн провел в крепости Арависса, где у него совершенно расстроилось здоровье, он почти все время был прикован к постели.

Своему другу епископу Кириаку он писал: «Они осмелились обвинить меня в любодееании, несчастные! Если бы я мог показать народу мой слабый телесный состав — одного этого было бы достаточно для моего оправдания. Смерть поразила меня при жизни, и тело, влачимое мною, — не более как труп».

Весной 407 года из столицы неожиданно пришел новый приказ о переводе Иоанна в глухой Пифиунт (Пицунда в Абхазии). Истощенный болезнями Златоуст в сопровождении конвоя отправился в свой последний переход.

Судя по всему, офицерам было обещано повышение, если арестант умрет по пути, потому что они не останавливались ни в дождь, ни в зной и обращались с арестантом очень жестоко.

Как пишет Палладий, голова Иоанна Златоуста была лишена волос, ходить под палящим солнцем для него было страшной мукой, и его багровая голова, склоненная на грудь, «была подобна созревшему плоду, который готов был оторваться от ветки».

Примерно через три месяца конвоиры довели изможденного пленного до селения Команы (в Абхазии, в 15 километрах от Сухума), которое служило чем-то вроде перевалочной станции, где обычно все отдыхали и пополняли запасы продовольствия. Но офицер велел не останавливаться в Команах, и «город проехали, как переезжают мост».

Вскоре Иоанн почувствовал такой приступ лихорадки, что конвоиры все же решили вернуться. Примерно в десяти километрах от Коман находился маленький храм, посвященный мученику Василиску, возле него и остановились.

Арестант уже не мог держаться на ногах. Он попросил священника, чтобы его подвели к алтарю, причастился Святых Тайн, перекрестился, лег на каменный пол и больше не вставал.

По преданию, последние слова Иоанна Златоуста были: «Слава Богу за все!»

Это произошло 14 сентября 407 года.

Тридцатилетний император Аркадий умер через семь с половиной месяцев после кончины Златоуста — и впрямь словно злой рок преследовал его гонителей.

В проповеди, посвященной священику Вавиле, Иоанн Златоуст говорил о том, что не только человеческая жизнь, но и смерть бывает разной:

«У человека вообще не бывает, конечно, подвигов после смерти; но у мученика может быть и много, и великих — не для того, чтобы ему сделаться более славным (он нисколько не нуждается в одобрении народа), но чтобы ты, неверный, понял, что смерть мучеников не есть смерть, а начало лучшей жизни, вступление в жизнь более духовную, преставление от худшего к лучшему...»

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН

(354–430)

← *Блаженный Августин*. Фрагмент мозаики. Собор Святого Марка, Венеция, Италия. XII в.

*Редкий человек говорит в сердце своем,
что Бога не существует.*

В Средние века в Европе огромной популярностью пользовался сборник «Золотая легенда» Иакова Ворагинского — собрание христианских легенд и житий святых. В нем есть типично средневековый сюжет о блаженном Августине.

Однажды блаженный Августин сидел и читал. Вдруг он увидел диавола, который шел мимо с книгой на плече. Августин попросил его рассказать, что в ней написано, и диавол ответил: «В этой книге записаны человеческие грехи. Я собираю их повсюду и записываю сюда».

Августин велел диаволу показать ему книгу и дать прочитать, что написано о его собственных грехах. Диавол показал ему одну страницу, и там было написано только, что один раз Августин не прочитал в церкви особую молитву.

Тогда блаженный Августин попросил диавола подождать, сказав, что ему надо на время отлучиться, а сам пошел в церковь и с большим благоговением прочитал и эту, и другие молитвы.

После этого он вернулся и велел диаволу еще раз показать ему свою страницу. Тот перелистал книгу, обнаружил, что страница пуста, и воскликнул: «Ты позорно обманул меня! Я жалею, что показал тебе эту книгу, потому что силой молитвы ты стер грех».

Наверное, блаженный Августин сильно бы удивился, узнав, что спустя тысячу лет потомки посчитали его «книгу жизни» чистой, всего с одной записью.

В своей «Исповеди» он с неподдельной искренностью поведал обо всех своих многочисленных греховных поступках, мыслях, терзаниях, нерешительности в стремлении стать лучше.

«Не помню, как упал я под какой-то смоковницей и дал волю слезам: они потоками лились из глаз моих — угодная жертва Тебе. Не этими словами говорил я Тебе, но такова была мысль моя: „Господи, доколе? Доколе, Господи, гнев Твой? Не поминай старых грехов наших!“ Я чувствовал, что в плену у них, и жаловался, и вопил: „Опять и опять: 'Завтра, завтра!' Почему не сейчас? Почему этот час не покончит с мерзостью моей?“»

Но, быть может, как раз эту исповедь перед Богом и перед людьми имел в виду средневековый автор, описывая растерянность диавола, который не ожидал такого поворота событий?

«Исповедь» блаженного Августина — это и его биография, и молитва, и богословские раз-

мышления о Промысле Божиим, и... словно готовый сценарий к полнометражному фильму.

Пожалуй, ни одно творение древности не экранизируют с такой охотой, как «Исповедь» Августина. Оно все как будто построено на «стоп-кадрах», вспышках памяти, через которые проходит основной сюжет — как человек приходит к Богу.

...Маленький Августин лежит в постели. У него случились схватки в животе, такие внезапные и сильные, что он почти что при смерти. И тогда Августин слабым голосом просит у матери, чтобы его окрестили: он слышал от взрослых, что перед смертью принято принимать крещение.

Но потом он выздоровел, крещение было отложено, и Августин надолго забудет об этом случае.

«Маленький мальчик и великий грешник», он любит резвиться и проказничать: может своровать из кладовки и со стола, хотя дома в еде нет недостатка, обмануть воспитателей и родителей, чтобы заслужить лишнюю похвалу, да и просто так, «из веселого и беспокойного обезьянничанья».

Августин родился 13 ноября 354 года в небольшом африканском городе Тагаста, неподалеку от Карфагена, в семье скромного достатка.

Его отец, Патриций, служил чиновником местного муниципалитета, был человеком ни

богатым, ни бедным, без меры вспыльчивым, достаточно добрым и уж точно очень компанейским.

Августин унаследует эту отцовскую черту — душа компании, он всегда будет находиться в окружении друзей, учеников, родных, позднее — прихожан, и все искренно будут его любить.

Еще один «стоп-кадр»: под покровом темноты, в полночь подросток Августин вместе с товарищами крадется к грушевому дереву, которое растет по соседству с родительским виноградником. Мальчишки отрясают и уносят с собой чужие груши, но потом не знают, что с ними делать, хоть скармливай свиньям. Волнует само ночное приключение, да и вообще, в их компании подростков «стыдно не быть бесстыдным».

«Мы смеялись, словно от щекотки по сердцу», — напишет Августин в «Исповеди». Особенно веселило, что на них, детей уважаемых в городе родителей, никто не мог подумать, будто они способны на воровство. И уж в особенности — на Августина, сына благочестивой христианки Моники.

Многие соседи, зная гневливый характер Патриция и его привычку засиживаться в трактире с друзьями, а то и с подружками, удивлялись, что в их семье всегда царит мир. На это Моника полусутоливо говорила соседкам: «С той минуты, когда вы услышали чтение брачного контракта, нужно считать его документом, превратившим вас

в служанок, и не должно заноситься перед своим господином». Никто никогда не слышал, чтобы Патриций побил жену, чтобы они повздорили или хотя бы на день поссорились.

Возможно, это Моника придумала для сына такое имя — Августин, что значит «маленький император».

К тому времени, когда Августин достиг юношеского возраста, родителям удалось накопить денег, чтобы отправить его в Карфаген за более престижным образованием. Помог и щедрый земляк — Романиан, один из богатейших жителей Тагасты, унаследовавший от отца большие земли. Этот человек сделал для горожан столько хорошего, что ему еще при жизни перед магистратурой был поставлен памятник.

И вот принаряженный Августин, чувствуя на поясе тяжесть кошелька с деньгами, идет по улице Карфагена, чтобы найти школу риторов, где он будет учиться. Но не об учителях и книжных свитках думает он в этот момент. Юноша смотрит по сторонам и видит только одно: «Крутом меня котлом кипела позорная любовь...» Он словно в тумане...

«Я искал, что бы мне полюбить, любя любовь. Я ненавидел спокойствие и дорогу без ловушек...» И конечно, очень скоро Августин без труда найдет в Карфагене женщину, которая станет его сожительницей, а потом родит ему ребенка.

Были еще и театры, и скачки, и веселые пирюшки, но они не заслоняли учебы. Августин

считался, как он сам пишет, первым в карфагенской школе риторов, отчего был «полон горделивой радостью и надут спесью».

«Я мечтал о форуме с его тяжбами, где бы я блистал, а меня осыпали бы похвалами тем больше, чем искуснее я лгал».

В Карфагене с подачи своего благодетеля Романиана Августин сблизился с манихеями, как он их позже назовет, «горделиво бредящими».

В то время многие образованные римляне увлеклись учением перса Мани, который называл себя пророком и «апостолом Иисуса Христа, выбранным Богом Отцом». Мани создал некое сложносочиненное учение, в котором было понемногу от христианства, иудаизма, буддизма, зороастризма — интеллигенция всегда любила такие причудливые «коктейли».

Учение Мани о двух равновеликих силах — добре и зле, управляющих миром, легко укладывалось в сознание римлян, привыкших все регламентировать.

В представлении манихеев Христос был неким бесплотным духом вроде привидения из мира света, не имевшим тела. И манихеи любили задавать христианам такие вопросы: откуда зло? Ограничен ли Бог телесной формой? Есть ли у Него волосы и ногти?

«Мне казалось великим позором верить, что Ты имел человеческую плоть и был заключен в пределы, ограниченные нашей телесной

оболочкой», — признается в «Исповеди» Августин в своем материалистическом понимании христианства.

Позднее он назовет манихеев «обманчивыми ловцами птиц», которые возле открытой воды мажут жердочки клеем, чтобы прилетевшие напиться птицы сели на такую жердочку — да и попались («О пользе веры»).

Манихеи представляли собой некое тайное общество — только для «посвященных», с целой системой обрядов и иерархической лестницей, и это было особенно притягательным «клеем» для молодежи.

На посвящение во «внутренний круг» Августин не претендовал. Манихейские «епископы» давали обет безбрачия, считая, что рождение детей провоцирует рождение зла в мире, а у Августина к тому времени были и гражданская жена, и сын Адеодат. Но в тайном обществе манихеев существовал культ дружбы — они помогали своим материально и делали протекцию в обществе. Честолюбивому юноше, который приехал из Тагасты покорять мир, это не могло не нравиться.

А вот еще одна «вспышка». Девятнадцатилетний Августин читает сочинение Цицерона «Гортензий». Оно буквально переворачивает его душу: только в юности прочитанная книга может вот так, в одночасье, полностью изменить всю жизнь. Сочинение Цицерона пробудило в нем

жажду мудрости, глубоких познаний в философии, ему вдруг стало мало одной риторики — умения красиво, эффектно говорить.

После «Гортензии» Августин много и с жадностью читает книги по философии, диалектике, геометрии, арифметике... Он даже осилил сочинение Аристотеля «Десять категорий», которое его учителя называли «божественно» недоступным и признавались, что не вполне его понимают.

Правда, после этого Августина занесло в секту «математиков», где истину искали путем сложных исчислений, но в то время он был горд своей интеллектуальной победой.

Окрыленный успехами, Августин решил заодно освоить и Священное Писание, но не смог его одолеть. Он очень образно описывает в «Исповеди» этот свой юношеский опыт:

«И вот я вижу нечто, для гордецов непонятное, для детей темное, как здание, окутанное тайной, с низким входом, которое становится тем выше, чем дальше ты продвигаешься. Я не был в состоянии ни войти в него, ни наклонить голову, чтобы продвигаться дальше...»

Лишь позднее Августин поймет, что тот «низкий вход», куда можно войти, только склонив голову, — христианское смирение, которого у него тогда и близко не было.

После учебы Августин на какое-то время вернулся в Тагасту, стал преподавать детям риторику.

Отец его к тому времени умер, и, должно быть, на столичную жизнь просто не было денег.

Но Августин нашел возможность снова вернуться в Карфаген. Вместе с ним в большой город перебралась и его мать Моника, здесь жила и его конкубина с сыном — он ни разу нигде не назовет имени этой женщины, с которой был связан около пятнадцати лет.

В Карфагене Августин занялся все тем же — «продавал победоносную болтливость», то есть преподавал риторику. Его любили ученики, да и сам он был талантливым, неординарным учителем, а для многих и добрым другом. Ему было хорошо знакомо это чувство дружбы, когда, словно на невидимом огне, кто-то «сплавляет между собой души, образуя из многих одну».

«Общая беседа и веселье, взаимная благожелательность и услужливость, совместное чтение книг, совместные забавы и взаимное уважение, взаимное обучение...» — вот чем были наполнены его учительские годы в Карфагене.

В этот период он написал и свое первое крупное сочинение «О прекрасном и соответствующем» в двух или трех книгах. Оно было посвящено римскому оратору Гиерию, которого Августин не знал лично, но восхищался некоторыми его изречениями.

«Еще больше нравился он мне потому, что очень нравился другим, и его превозносили похвалами», — признается в «Исповеди» Августин,

не сожалея о том, что впоследствии это сочинение куда-то затерялось.

«Человека хвалят — и вот его заглазно начинают любить», — выводит он формулу, которой и теперь активно пользуются современные масс-медиа.

Как-то в Карфаген прибыл известный манихейский «епископ» Фавст, о котором с восторгом говорили «свои». Августин тоже загорелся желанием поговорить с ним наедине на научные темы, и в первой же беседе его поразила необразованность прославленного Фавста. Оказалось, что «посвященный» манихей ни в чем не сведущ, кроме грамматики, да и то только потому, что имел «ежедневную практику в болтовне».

Но в обычной жизни Фавст оказался милым человеком, и когда он с приятной улыбкой сознался, что не силен в науках и ничего не может сказать о луне или исчислении звезд, Августин тут же все ему простил. Они даже подружились, обменивались книгами и с удовольствием беседовали о литературе.

Должно быть, эта встреча помогла Августину почувствовать свою образованность, значимость и подтолкнула его к поездке в Рим. Он уже был вполне состоявшимся, а в своих кругах — известным преподавателем риторики, и Августина все больше раздражали «африканские» нравы карфагенской студенческой молодежи. Школы риторики в то время были частными и платными, и студенты могли бесцеремонно ворваться к любому

учителю, дерзили, отказывались выполнять трудные задания.

«С удивительной тупостью наносят они тысячу обид, за которые их никто не наказывает», — вовсе не в прошедшем времени напишет в «Исповеди» Августин о таких студентах.

Да и профессия учителя ему как будто стала уже тесна: «Учась, я не хотел принадлежать к этой толпе, но, став учителем, вынужден был терпеть ее около себя...» По крайней мере, в Риме уроки риторики хотя бы лучше оплачивались.

Мать плакала об отъезде сына и проводила его до самого моря. Она собралась было ехать вместе с ним, но это не входило в его планы.

На пристани Августин отправил ее в гостиницу, сказав, что хочет переночевать в часовне Святого Киприана, а сам ночью сел на корабль, идущий в Остию. На рассвете с попутным ветром он уже плыл в Рим.

Как отмечают исследователи, в своих сочинениях Августин будет часто прибегать к мореходным метафорам — «гавань», «бурное море», «на всех парусах», «встречный ветер», «привести разбитый корабль в желанное затишье», хотя из писем видно, что вообще-то он не очень любил путешествовать.

Это была заветная мечта всей африканской молодежи — переплыть через море и попасть в Рим или Медиолан (Милан), причем в последнем находилась тогда резиденция западного императора.

Августину было двадцать девять лет, и у него в багаже имелись и преподавательский опыт, и амбиции, и умение быстро сходиться с людьми, и утраченные надежды.

В Риме он поселился в доме у богатого манихея Константина и почти сразу же заболел лихорадкой. Августин расценил это как Божье наказание за то, что так жестоко обманул мать. Наверное, в эти дни он вспомнил и еще об одном событии из ранней юности...

В Тагасте у Августина был друг детства, с которым он привык делиться своими мыслями и, вернувшись из Карфагена, склонил к манихейству. Этот юноша заболел лихорадкой, и так тяжело, что родственники его уже окрестили. Но вскоре он пришел в себя, Августин зашел навестить больного друга и стал насмехаться над крещением, принятом в бессознательном состоянии, без памяти.

«Он отшатнулся от меня в ужасе, как от врага, и с удивительной и внезапной независимостью сказал, что если я хочу быть ему другом, то больше не должен никогда говорить таких слов» («Исповедь»).

Удивленный Августин увидел, что его друг даже слышать не хочет о манихейском учении, и в тот день быстро от него ушел. А через несколько дней его друг умер от лихорадки.

Смерть сверстника, с которым они вместе выросли и делились своими главными мыслями, буквально обрушилась на Августина. Он никак

не мог забыть того выражения лица, с которым обычно покладистый его друг наотрез запретил говорить хоть что-то плохое о Христе. Впервые на Августина навалилась страшная тоска.

«Куда бы я ни пошел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом — обителью беспросветного горя». И это стало одной из причин, которая заставила его снова уехать в Карфаген. А теперь он думал, куда бы ему сбежать из Рима.

Историк Аммиан Марцеллин не пожалел красок, чтобы изобразить нравы римлян того времени. Он описал дома патрициев, украшенные роскошными мраморными статуями и мозаикой, где библиотеки с томами редких книг герметически закрыты и выглядят как гробницы. И пиршественные обеды в этих домах, на которые собираются толпы игроков в кости и всевозможных бездельников, восхваляющих богатство хозяина и целующих ему колени.

От скуки гости придумывали себе всякие развлечения — например, тщательно взвешивали поданных к столу жареных фазанов и рыб, заставляя нотариусов заносить данные в протоколы, или дружно плясали под звуки шарманки величиной с двухколесную колесницу. Какие уж тут науки и уроки риторики!..

Наверняка Августин наблюдал и описанные Марцеллином процессии на улицах Рима, когда какой-нибудь знатный римлянин, как паша, на

носилках или в дорогой колеснице выезжал из дома в общественные термы: впереди него шла гардеробная прислуга, затем кухонная прислуга, а дальше смешанная толпа рабов и плебеев-тунеядцев со всего квартала. А все это шествие, как пишет Аммиан, замыкалось толпой евнухов всех возрастов и «мертвенного, отталкивающего вида, свидетельствующего об искажении природы».

Да и студенты в Риме только в первое время радовали Августина своей вежливостью. Они не поднимали все вверх дном, как африканцы, а действовали спокойно и цинично. Получив достаточное количество уроков, «юные негодяи» сговаривались между собой, обвиняли учителя, что он их плохо учит, и, не заплатив, всей компанией переходили к другому наставнику.

«Им дороги деньги, справедливость у них стоит дешево», — сделал вывод Августин, и, видимо, не только о студентах, проведя год в Риме.

Как-то ему стало известно от новых приятелей, что на имя префекта Рима Симмаха пришло прошение подыскать для Медиолана хорошего учителя риторики с разрешением проезда на казенных лошадях. Августин постарался получить это место: принял участие в конкурсе, написал и прочитал перед комиссией речь. Должно быть, ему помогло и то, что по своей прежней должности Симмах был связан с Карфагеном, имел большие поместья в Северной Африке, а также связи

среди манихеев. Ведь на тот момент Августин, если смотреть объективно, был всего лишь учителем риторики с десятилетним стажем преподавания в Карфагене.

Новая работа Августина, помимо преподавания, состояла в том, чтобы сочинять панегирики императору и его семье по случаю официальных мероприятий — что-то вроде должности современного пресс-секретаря. И это давало ему возможность проявить все свое красноречие, образованность, незаурядные знания в философии.

Осенью 384 года Августин на казенных лошадях прибыл в Медиолан, где при императорском дворе собрался весь ученый мир того времени: философы, поэты, ораторы.

В Медиолане жила Юстина — вдова бывшего соправителя Феодосия, императора Валентиниана. Ее малолетний сын, Валентиниан Второй, формально считался правителем Запада, но пока что всеми делами управляла сама Юстина.

Еще 27 февраля 380 года император Феодосий публично объявил, что признает только тех, кто исповедует Троицу, а «так как остальных мы считаем за сумасбродных безумцев, то мы клеймим их позорным названием еретиков и объявляем, что их сборища впредь не должны присваивать себе почетное наименование церквей» (Цит. по: П. В. Гидулянов. «Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских соборов»).

Но император был далеко — в Константинополе или на очередной войне, и убежденная арианка Юстина вела в Медиолане свою политику, которой активно мешал Амвросий, епископ Медиоланский.

Новый составитель панегириков был представлен епископу Амвросию, и тот, как пишет Августин, «по-отечески его принял», хотя епископ был всего на четырнадцать лет его старше.

Но Августин сразу почувствовал, насколько они не ровня: к тому времени Амвросий Медиоланский уже одиннадцать лет служил Церкви, был духовным пастырем для трех императоров — Валентиниана, Грациана, Феодосия, и теперь старался образумить Валентиниана Второго.

В Медиолан вслед за Августином перебрались его сожительница с сыном и два африканских друга. Алипий был его бывшим студентом, на него Августин имел большое влияние. А вот Невбридий, независимый в своих суждениях молодой человек из богатой семьи, только посмеивался над манихейством Августина и его математическими вычислениями истины. Впрочем, в это время Августин был уже увлечен неоплатонизмом и обсуждал в кругу друзей свои новые воззрения.

Весной 385 года в Медиолан приехала мать Августина и сразу стала постоянной прихожанкой церкви, где служил епископ Амвросий, ходя туда «не для пустых сплетен и не для старушечьей болтовни».

Моника давно знала о религиозных увлечениях сына, умоляла, чтобы он порвал с манихеями. Как пишет Августин, она «оплакивала меня перед Тобою больше, чем оплакивают умерших детей».

Как-то, еще в Тагасте, она пошла в церковь попросить священника, чтобы он вразумил Августина, и во время своего рассказа не смогла сдержаться от рыданий.

«Ступай: как верно, что ты живешь, так верно и то, что сын таких слез не погибнет», — сказал священник, и Моника восприняла эти слова так, как будто они прозвучали с неба. Она успокоилась и стала терпеливо ждать, надеясь, что еще при своей жизни увидит обращение Августина.

В Медиолане Моника озаботилась и тем, чтобы наконец-то женить сына. Была устроена помолвка с дочерью знатного и богатого чиновника, христианина. Невеста еще не достигла брачного возраста, надо было два года подождать.

Но сожительнице Августина все равно пришлось уехать обратно в Африку. Она оставила ему сына Адеодата — по римским законам право на детей принадлежало отцу.

«Сердце мое, приросшее к ней, разрезали, и оно кровоточило», — пишет Августин в «Исповеди».

Но сделает и другое очень важное признание: «Я на собственном опыте мог убедиться, какая разница существует между спокойным брачным

союзом, заключенным только ради деторождения, и страстной любовной связью, при которой даже дитя рождается против желания, хотя, родившись, и заставляет себя любить».

Августин все более внимательно присматривался к епископу Амвросию, о котором так много и с восторгом говорила мать, да и все вокруг. Он не раз заходил в церковь послушать его проповеди, в том числе и из ревнивого профессионального любопытства. Первое время ему даже казалось, что по манере говорить и держаться на публике епископ в чем-то проигрывает тому же Фавсту.

Но его сильно впечатляло, каким почетом и властью пользуется в обществе епископ Амвросий, чьих советов с нетерпением ждет в Константинополе сам император Феодосий и весь его двор. Что же это за такой особый человек?

Августин отмечал, что епископ Амвросий одинаково хорошо знал Ветхий и Новый Завет, а также языческих философов и во всех книгах находил аргументы в пользу Церкви. Ему давно хотелось с ним доверительно побеседовать о книгах, философии, но тот был сильно занят и постоянно окружен народом. Остаться с ним наедине не было никакой возможности, хотя доступ в епископский дом оставался открытым для всех и не было обычая докладывать о приходящих. Да и неловко было беспокоить епископа частными беседами.

А вот еще один ключевой момент: Августин уже не в первый раз приходит домой к епископу Амвросию и застаёт его за тихим чтением...

«Когда он читал, глаза его бегали по страницам, сердце доискивалось до смысла, а голос и язык молчали. Часто, зайдя к нему (доступ был открыт всякому, и не было обычая докладывать о приходящем), я заставал его не иначе как за этим тихим чтением. Долго просидев в молчании (кто осмелился бы нарушить такую глубокую сосредоточенность?), я уходил, догадываясь, что он не хочет ничем отвлекаться в течение того короткого времени, которое ему удавалось среди оглушительного гама чужих дел улучшить для собственных умственных занятий».

И это тихое чтение поражало учителя риторики Августина, может быть, не меньше, чем услышанные речи епископа.

У римлян было принято даже в одиночестве читать книги вслух, чтобы на звук воспринимать все красоты слога, звучные обороты и заодно оттачивать собственную речь. А епископ Амвросий читал молча, ни на что не отвлекаясь, чтобы как можно глубже проникнуть в смысл прочитанного.

«Не стремись к внешнему, возвратись в себя самого: истина обитает во внутреннем человеке», — напишет блаженный Августин в «Исповеди».

Епископ Амвросий сочинял и стихи, и церковные гимны.

*Тебе молитва теплая,
Тебе напевы звучные,
К Тебе любовь безгрешная
И ум стремится бодственный...*

(«Вечерняя песнь».

Пер. С. Аверинцева)

А вскоре Августин убедился, что сочинявший стихи и любивший минуты тихого уединения епископ Амвросий может быть и пламенным борцом.

В начале 386 года Юстина от имени сына издала эдикт, восстанавливающий в правах арианскую партию и позволяющий арианам совершать богослужения. В связи с этим Юстина приняла решение передать арианам одну из базилик города.

В ответ Амвросий, епископ Медиоланский, выступил с гневными речами, говоря, что императорский двор не должен вмешиваться в дела Церкви — цезарям дано право распоряжаться общественной жизнью, но на церковную оно не распространяется. Император принадлежит Церкви, но не стоит над ней — такой была его позиция.

Тогда ариане решили силой захватить главную базилику в Медиолане. Узнав об этом, святитель Амвросий заперся в храме вместе с верными прихожанами и приготовился держать оборону.

Юстина дала приказ осадить базилику. Осада продолжалась несколько дней, но ни к чему, кроме многочисленных жертв, не привела. Амв-

росию велели явиться в государственный совет, где ему должны были объявить о ссылке.

Но епископ пришел не один, а в окружении большой группы верующих, и Юстине пришлось отступить. Ведь за спиной епископа пока еще стоял престарелый император Феодосий, продолжать конфликт было слишком опасно.

Вскоре от имени сына, Валентиниана Второго, Юстина издала новый указ, где каждому было разрешено исповедовать ту религию, какую он сам пожелает.

Об этих событиях наверняка много говорилось и в доме Августина, и он тоже их обсуждал, но при этом чувствовал, что душа его замерла и находится словно во сне. Его не радовали ни удачная карьера, ни перспектива семейной жизни, ни влиятельные знакомства при дворе. Уже не хотелось ни богатства, ни славы...

«Мирское бремя нежно давило меня, словно во сне», — рассказывает Августин, не понимая, как же ему выбраться из этих невидимых пут, избавиться от постоянной душевной маеты.

Учение Плотина отвратило его от манихейства, но и там чего-то не хватало... Он все чаще вспоминал слова апостола Павла, которые повторял в своих проповедях епископ Амвросий: *Буква убивает, а дух животворит* (2 Кор. 3: 6).

Но как же разум, знания, философские системы, и как можно понять то, что не видимо и загадочно, — дух?

Однажды Августина навестил дома Понтициан, земляк из Африки, которого часто видели в церкви. Он был удивлен, застав Августина за чтением Посланий апостола Павла. Разговор зашел о книгах, и Понтициан с большим воодушевлением стал рассказывать о египетском отшельнике Антонии. И еще о том, как книга о святом старце в корне изменила жизнь двух его товарищей, которые оставили своих невест и решили стать монахами.

Его рассказ заставил Августина остолбенеть от удивления, он ясно вдруг увидел весь «свой позор и грязь, свое убожество».

Как только земляк ушел, он кинулся к своему другу Алипию и воскликнул: «Что же это с нами? Ты слышал? Поднимаются неучи и похищают Царство Небесное, а мы вот с нашей бездушной наукой и валяемся в плотской грязи! Или потому, что они впереди, стыдно идти вслед, а вовсе не идти не стыдно?»

С ним случилось то, что называют душевным переворотом, в котором было и мистическое откровение...

Августин вдруг услышал детский голос, как будто из соседнего дома, повторяющий нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!» Он вспомнил, что ведь и святой Антоний когда-то услышал в церкви божественное повеление, наугад раскрыл книгу Посланий апостола Павла и прочел первую попавшуюся на глаза главу...

Не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечение о плоти не превращайте в похоти (Рим. 13: 13–14).

Это были такие слова, как будто апостол Павел хорошо знал все тайные закоулки жизни Августина и давал ему совет.

«Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений. Я отметил это место пальцем или каким-то другим знаком, закрыл книгу и со спокойным лицом объяснил все Алипию» («Исповедь»).

Отметина ногтем на пергаменте словно отделила Августина от всей предыдущей жизни.

Было лето, и Августину пришлось дожидаться августа, когда в школах начинались виноградные каникулы, чтобы как следует обдумать свою новую жизнь.

В сентябре он отправился со своими близкими в городок Кассициак неподалеку от Медиолана, где один из друзей предоставил в их распоряжение виллу на каникулы.

С Августином были его мать Моника, сын Адеодат, друг Алипий, родной брат Навигий (еще у него была сестра, но о ней ничего не известно), два двоюродных брата — Ластидиан и Рустик, юный Лиценций, сын его благодетеля Романиана, еще один земляк из Тагасты — Тригенций.

Близкий друг Небридий тоже незримо присутствовал на вилле — через переписку.

Августину всегда было важно иметь рядом собеседников и слушателей. На вилле в Кассициакке он писал, а потом зачитывал вслух и обсуждал в своем кружке программные в плане смены мировоззрения трактаты: «Против академиков», «О порядке», «О блаженной жизни», «Монологи».

Это были своеобразные беседы с собственным разумом, попытка еще раз доказать то, что уже знала его душа.

Трактат «О порядке» Августин начал с описания простого случая. Он проснулся среди ночи, потому что услышал непонятный звук. Лиценцию тоже послышался шорох, как ему показалось — мыши, с постели поднялся и Тригенций. Втроем они обнаружили, что это осенние листья плотно забили деревянный желобок, по которому стекает вода.

Молодые друзья Августина благополучно заснули, а он подумал о том, что объяснение этому звуку нашлось в целой цепи причин, и стал размышлять о существующем порядке вещей, о вере и разуме.

Если позволяла погода, участники импровизированного философского кружка собирались на открытом воздухе или в купальнях, и это был маленький пир творческой мысли.

Беседа, которая стала основой трактата «О блаженной жизни», началась в Кассициакке в день

рождения Августина, 13 ноября, и продолжалась еще два дня. Этот праздник вообще был необычным: именинник считал, что пищу нужно давать не плоти, а душе, и все делал не по правилам — он сам дарил гостям подарки, а гости устраивали угощение.

«Путь к Богу — это путь назад, к истоку», — написал он в этом сочинении задолго до того, как взялся за «Исповедь».

Августин решил не возвращаться после каникул в школу, к своей работе «языком на торгу».

«Пусть медиоланцы поищут для своих школьников другого продавца слов!» («Исповедь»)

Причина отказа от места, которую он озвучил для всех в Медиолане, была вполне правдива: у него возникла какая-то болезнь в легких, стало тяжело много говорить.

В эти дни в Кассициаке Августин как никогда внимательно прислушивается к своей душе, исследует свои чувства, как болезнь, осознавая свою внутреннюю раздвоенность.

«Откуда это чудовищное явление? Душа приказывает телу — и оно тотчас же повинуется, душа приказывает себе — и встречает отпор...»

Он готовился принять крещение, понимая, что только Бог может помочь ему обрести цельность и волю, стать самим собой. Вместе с ним в апреле 387 года крещение приняли его друг Алипий и пятнадцатилетний сын Адеодат — они вместе готовились к этому всю зиму.

Алипий даже прошел босиком по холодной весенней земле от Кассициака до Медиолана, исполняя свой аскетический обет.

Таинство Крещения совершил Амвросий, епископ Медиоланский, которого Августин всегда будет считать своим учителем. Но сам епископ вряд ли об этом догадывался — скорее всего, Августин остался для него сыном Моники, одним из его прихожан, он нигде не упоминает о нем в своих сочинениях.

«Мы крестились, и бежала от нас тревога за свою прежнюю жизнь. Я не мог в те дни насытиться дивной сладостью, созерцая глубину Твоего намерения спасти род человеческий...» («Исповедь»)

Вскоре после этого Августин решил возвратиться домой, в Африку. Он вернулся в главный дом — к Богу, к настоящему себе, и ему уже было не так важно, на какой земле находится. Кроме одного места — где он родился и был к Нему ближе всего.

Как обычно, в Тагасту отправились небольшой группой — с Августином были его мать, сын, брат Навигий, друзья Алипий и Эводий. Прибыли в приморский город Остию, где несколько дней дожидались корабля. И здесь Августину выпало пережить минуты высшего духовного озарения, которые будут освещать всю его дальнейшую жизнь.

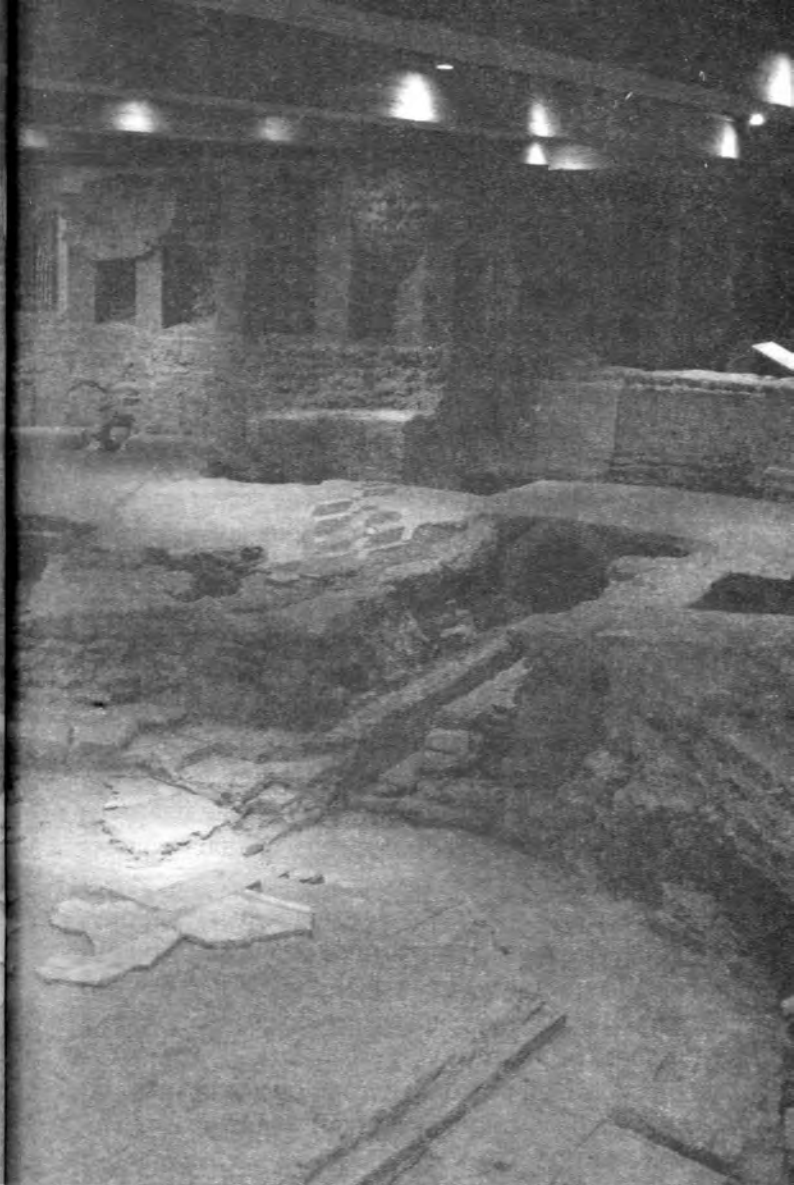
Это случилось на склоне дня, когда они остались наедине с матерью и вдвоем стояли возле

окна, любуясь закатом. Разговор зашел о будущей вечной жизни святых, и они с упоением говорили об этом, «и дошли до самого неба, откуда светят на землю солнце, луна и звезды», придя к выводу, что самым непостижимым творением Бога является бессмертная человеческая душа. «Для нее нет „была“ и „будет“, а только одно „есть“, ибо она вечна, вечность же не знает „было“ и „будет“. И пока мы говорили о ней и жаждали ее, мы чуть прикоснулись к ней всем трепетом нашего сердца», — говорит блаженный Августин о мгновениях, когда, словно выйдя из своей души, они услышали голос Бога.

Такие минуты невозможно описать, да он и не пытался этого делать, и только спрашивал себя десять лет спустя: «Если вечная жизнь такова, какой была эта минута постижения, о которой мы вздыхали, то разве это не то, о чем сказано: „Войди в радость господина Твоего“? Когда это будет? Не тогда ли, когда „все воскреснем, но не все изменимся“?»

«Было только одно, почему я хотела еще задержаться в этой жизни: раньше, чем умереть, увидеть тебя православным христианином. Господь одарил меня полнее: дал увидеть тебя Его рабом, презревшим земное счастье. Что мне здесь делать?» — сказала Моника Августину во время того прощального разговора на закате.

А через несколько дней Моника заболела и скончалась в возрасте пятидесяти шести лет.

Раскопки баптистерия Сан-Джованни алле Фонти,
Милан, Италия. Кон. IV в.
Предположительное место крещения св. Августина.

Перед смертью она велела сыновьям не беспокоиться о месте ее погребения, так как ей совершенно не важно, где будет лежать ее тело, и просила только об одном: «Поминайте меня у алтаря Господня, где бы вы ни оказались».

В 1945 году могильная плита святой Моники была обнаружена возле церкви Сан-Ауреа, расположенной там, где дорога из Остии сворачивает на Рим.

Почти весь 388 год Августину пришлось провести в Риме, так как с ноября и до весны морской путь в Африку был закрыт: военачальник Максим поднял восстание против императора и римский порт в Остии был блокирован. В августе Августин наконец-то сел на корабль, отплывавший в Карфаген.

Он снова поселился в том же городе, где появился на свет тридцать три года назад, в Тагасте. Но теперь его не волнуют ни карьера, ни женитьба, ни какие-либо материальные планы — наконец-то он чувствует себя по-настоящему свободным.

Августин старается и своим бывшим друзьям-манихеям открыть глаза на истину — он пишет обличительные сочинения «О нравах Вселенской Церкви» и «О нравах манихеев», много выступает на эту тему.

«С какой резкой и острой болью возмущался я манихеями и опять-таки жалел их...» («Исповедь»)

Написанное несколько позже сочинение «О двух душах против манихеев» он оправит своим друзьям, которые знали его еще манихеем.

«Всем помогать ты не можешь — помогай тем из них, кто находится ближе к тебе по времени и обстоятельствам», — изложит он в одном из трактатов свой жизненный принцип («Об обучении оглашаемых»).

Как-то Августин отправился по делам в город Гиппон. Во время воскресной службы христиане местной общины и престарелый епископ Валерий, который с трудом мог проповедовать на латыни, стали умолять Августина принять священство и остаться в их городе. К тому времени в Гиппоне было шесть христианских церквей.

В это время кружок его родных и близких по образу жизни все больше напоминал монастырь, но Августин не стремился стать священником и даже избегал «попасть в плен» к общине. И все-таки епископ Валерий сумел его уговорить, возможно, и тем, что выделил в Гиппоне землю под монастырь.

В 391 году Августин был рукоположен во пресвитера. Этот год во многом стал в его жизни переломным. В начале года умер один из его самых близких друзей, «пылкий искатель истины» Небридий. А вскоре ушел из жизни восемнадцатилетний сын Адеодат.

У блаженного Августина есть трактат «Об учителе», где пытливым собеседником выступает

его сын, который «превосходил умом многих важных и ученых мужей». В 394 году Алипий станет епископом Тагасты.

Перед тем как приступить к обязанностям пресвитера, Августин попросил у епископа Валерия время, чтобы за несколько месяцев внимательно изучить Священное Писание. Он уже несколько раз делал такие попытки, но...

«Моя кичливость не мирилась с его простотой, мое остроумие не проникало в его сердцевины. Оно обладает как раз свойством раскрываться по мере того, как растет ребенок-читатель, но я презирал ребяческое состояние и, надутый спесью, казался себе взрослым» («Исповедь»).

В Риме в Латеранской базилике сохранилась фреска середины VI века с наиболее ранним изображением блаженного Августина. На ней он молод, но выглядит сосредоточенным и изможденным, его лысую голову еще не прикрывает головной убор епископа. В левой руке Августин сжимает пергаментные свитки, которые символизируют античную философию, а правой рукой показывает на огромную раскрытую книгу — Священное Писание, приглашая всех нас ее прочесть.

Став священником, Августин продолжает писать трактаты и много выступает устно. При нем стали очень популярны публичные диспуты — с манихеями, донатистами, язычниками. Народ шел на них с такой же охотой, как на суды и театральные представления.

У блаженного Августина есть сочинение «О восьмидесяти трех различных вопросах в одной книге», где он попытался собрать самые основные вопросы, на которые ему то и дело приходилось отвечать во время устных выступлений.

Его авторитет в церковном мире был так велик, что когда в 393 году африканские епископы съехались на Поместный собор в Гиппоне, пресвитер Августин излагал перед ними содержание христианского вероучения.

Монастырь в Гиппоне стал чем-то вроде духовной семинарии для всей Северной Африки.

«Но мы утверждаем, что апостол не следовал правилам красноречия, а, напротив, красноречие следовало за его мудростью», — писал он об апостоле Павле, но как будто немного и о себе самом («Об обучении оглашаемых»).

Многие города желали бы видеть Августина своим епископом, и епископ Валерий, готовя себе преемника, какое-то время был вынужден прятать его от всех в своей усадьбе. Более того, Валерий добился, чтобы еще при его жизни Августин был рукоположен в епископа и стал его викарием — беспрецедентный для того времени случай.

Примерно в 396 году епископ Валерий умер, и Августин возглавил Гиппонскую кафедру.

Казалось бы, у Августина нет ни минуты свободного времени, но вскоре он напишет «Исповедь», разговор своей души с Богом.

«Исповедь» — книга о том, как человек бежал от Господа, но все равно к Нему пришел, исповедь перед Богом и одновременно — перед всем человечеством.

«Кому рассказываю я это? Не Тебе, Господи, но перед Тобой рассказываю семье моей, семье людской, как бы ни было ничтожно число тех, кому попадетсЯ в руки эта книга».

Это одновременно и автобиография, и одна большая молитва, и размышление о судьбах мира.

В первых девяти книгах «Исповеди» рассказана история жизни блаженного Августина, в десятой он раскрывает свою душу в момент творчества, последние три посвящены проблемам времени и вечности, сотворению мира.

«О, если бы услышали меня те, кто и доселе любит суету и ищет ложь!» — восклицает на страницах своей великой книги блаженный Августин.

Ему довелось жить в то время, когда Рим вступил в период постоянной борьбы с варварами: гуннами, остготами, вандалами, на востоке — с персами и сарматами.

«Римлянин! Ты научись народами править державно — в этом искусство твое!» — провозгласил в I веке Вергилий в «Энеиде» право римлян властвовать над другими народами, но теперь оно осталось в прошлом.

В 410 году произошло событие, которое навсегда изменило сознание римлян: войско вестготов, возглавляемое королем Аларихом I,

ворвалось в Рим. В течение трех дней варвары грабили Вечный город.

Это событие назвали падением Рима, и именно так — как великое поругание отеческой святости — его восприняли современники. Многие тогда находились в полном отчаянии.

Узнав о падении Рима, блаженный Иероним написал в одном из своих писем: «Я потерял рассудок и способность говорить; днем и ночью меня преследовала одна мысль, как помочь всему этому, и я думал, что я также в плену вместе с святыми. Яркий светоч земного круга погас; голова римского государства отделена от его тела, а вернее сказать — с этим городом погиб и весь мир, и я онемел и впал в отчаяние; у меня не стало слов для доброго; моя печаль вернулась ко мне; мое сердце горело во мне, и мою мысль жег огонь!» («Письмо к Евстохии»)

Блаженный Августин воспринял это известие с философским спокойствием. Он отказывался видеть во взятии Рима Аларихом что-то большее, чем просто горестное событие, каких немало знала римская история. Наоборот, Августин даже видел в этом захвате некую историческую справедливость, если вспомнить прославленных римских полководцев, которые стирали с лица земли чужие города. И обратил внимание на то, что варвар Аларих, бесчинствуя в Риме, не тронул христианские церкви, признавая за ними право убежища.

Свой знаменитый трактат «О граде Божием» блаженный Августин писал тринадцать лет, и в нем он касается не только конкретного события 410 года.

Августин пишет, что гибель Рима началась в тот момент, когда Ромул убил своего брата Рема, и даже еще раньше, со времени Авеля и Каина, и вовсе не христиане, как кричали языческие жрецы, виновны в падении этого «западного Вавилона» — Рима...

В трактате есть и такая метафора: мир — это то, что положено в гнет для оливок, чтобы выжать масло, то есть священный елей, дух. И на самом деле не так важно, что потом останется от «плоти», от кожуры, в том числе и города Рима.

Августин выскажет мысль, которую потом подхватят многие философы: мир стареет, историю народов можно сравнить с возрастом человеческой жизни — возраст младенца, детство, школьный возраст, юность, зрелый возраст и старость. Просто Римская империя достигла старости, ее силы на исходе...

Многие идеи блаженного Августина до сих пор находятся в центре современных философских дискуссий, а его самого называют основоположником «философии мысли».

В 426 году блаженный Августин назвал своим преемником на кафедре пресвитера Ираклия и начал писать еще одну уникальную книгу.

В истории античности нет ничего подобного — это произведение называется «Пересмотры».

Все больше чувствуя свою ответственность за каждое сказанное и написанное слово, блаженный Августин принялся за комментарии к своим сочинениям. Он исправлял те высказывания, которые теперь считал ошибочными, просил читателей вычеркнуть в своих списках ошибки, исправить неточности. Довести эту работу до конца блаженный Августин не успел.

Он умер 28 августа 430 года во время первой осады Гиппона вандалами и был похоронен возле церкви Святого Стефана в Гиппоне.

«Мы, странствующие в удалении от Господа в настоящей смертной жизни...» — писал он в трактате «Христианская наука, или Основания герменевтики и церковного красноречия». Теперь он окончательно вернулся домой.

Во время нашествия вандалов один из верных учеников блаженного Августина, Поссидий, спас его библиотеку, а после написал и его биографию.

А сам Августин в «Исповеди» сообщил человечеству по дружбе очень большой секрет:

«Стоит лишь захотеть идти, и ты уже не только идешь, ты уже у цели, но захотеть надо сильно, от всего сердца...»

ПРЕПОДОБНЫЙ БЕНЕДИКТ
НУРСИЙСКИЙ

(480–547)

← *Преподобный Бенедикт Нурсийский*. Фрагмент фрески. Фра Беато Анджелико. Монастырь Святого Марка, Флоренция, Италия. XV в.

*Быть уверенным,
что Бог видит нас везде...*

Весной 542 года на севере Италии снова появился большой отряд варваров. Войско остготов под предводительством короля Тотилы кружило по Италии и вело себя непредсказуемо: некоторые покоренные города варвары не трогали, другие — разоряли и убивали в них мирных жителей. Но всем было ясно, что остготы продвигаются к Риму.

Когда отряд варваров остановился в окрестностях Неаполя, в монастырь Монте-Кассино пришло известие, что Тотила идет к ним. И король остготов действительно явился в монастырь в сопровождении свиты телохранителей и слуг: сумрачный, с испещренным боевыми шрамами лицом, облаченный в царские доспехи. Аббат Бенедикт, едва взглянув на его украшенный драгоценными камнями шлем, воскликнул: «Отложи, сын мой, отложи, что несешь: это не твое!»

Воин рухнул на колени и во всем сознался: да, так и есть, это не его облачение и он — не вождь готов, а царский конюший Ригго.

Тотила дал ему свои доспехи и велел явиться в монастырь под видом царя, чтобы проверить, правду ли говорят про аббата Бенедикта, будто он видит людей насквозь и предвидит будущее.

Но теперь Тотила сам придет в Монте-Кассино, чтобы Бенедикт сказал ему, сможет ли его войско взять Рим и сколько у него в запасе осталось лет жизни.

Вся Италия почитала аббата Бенедикта как чудотворца, а теперь и германцы тоже...

Бенедикт, сын Евтропия, родился в 480 году в небольшом городке Нурсия в горах Умбрии. Сейчас это живописный итальянский городок Норча неподалеку от Перуджи. За прошедшие столетия окрестные лесистые горы и ледниковые озера почти не изменились.

В конце V века Нурсию населяли в основном мелкие землевладельцы, к числу которых принадлежали родители Бенедикта и его сестры-близнеца Схоластики.

Всего за несколько лет до их рождения произошло событие, которое историки называют судьбоносным в истории Рима. В 476 году цезарь Ромул Августул, по иронии судьбы в своем имени соединивший имена легендарного основателя Рима и его главного реформатора, отказался от титула римского императора. Это произошло в Равенне, куда давно уже перебрался императорский двор, чувствуя здесь себя в большей безопасности от набегов варваров, чем в Риме.

Предводителю дунайского племени Одоакру, который заставил Ромула Августула в присутствии сената отказаться от титула императора, самому никакие римские регалии не были нужны. К тому времени Одоакр подчинил своей власти многие земли Италии и был озабочен лишь расширением своих владений. Но в западном Риме больше не было императора, власть сосредоточилась в Константинополе, и отныне будущее необъятной империи будет связано с восточной ее частью — Византией.

Историки называют эту дату — 476 год — тем рубежом, после которого формально Римской империи больше не существовало. Но сами римляне никакого исторического рубежа тогда не заметили, особенно в таких маленьких патриархальных городках, как Нурсия, где жили по старинке потомки трудолюбивых сабинян. Как обычно, они строили дома, растили детей, собирали урожаи пшеницы и винограда и о смене власти зачастую узнавали лишь тогда, когда приходило время платить налоги.

Когда Бенедикту исполнилось четырнадцать лет, родители отправили его на учебу в Рим. Эти добрые и небедные люди даже имена своим детям-близнецам дали со смыслом: мальчику — Бенедикт, что значит «благословенный», девочке — Схоластика, что значит «ученая», «школьная», хотя систематическое образование, которое обеспечивало в будущем доходную профессию,

в то время принято было давать только мальчикам.

Как полагалось в добропорядочных семьях, вместе с Бенедиктом в Рим отправилась служанка Кирилла, его бывшая кормилица.

Наверное, в первые дни юноша Бенедикт не раз любовался Римом с одного из семи холмов, и это было прекрасное зрелище!

У римского историка Аммиана Марцеллина есть описание, каким впервые увидел Вечный город император Констанций. «Глядя на город, раскинувшийся между вершинами семи холмов, по их склонам и в долинах, и на его окрестности, император решил, что зрелище, которое предстало перед ним впервые, превосходит все, что раньше он видел: храмы Тарпейского Юпитера, которые, казалось, возносились так же высоко, как божественное над земным; термы, подобные целым провинциям; сложенная из табуртинского камня громада амфитеатра, вершины которого едва достигал человеческий глаз; Пантеон, также круглое здание, с его воздушным, высоким и красивым, как небесный свод, куполом... и еще другие красоты Вечного Рима...»

И хотя за полтора столетия, истекшие после этих восторгов, Рим неоднократно был покорен варварами, город по-прежнему восхищал приезжих своей величественной красотой. Ни в одном городе мира не было столько дворцов, храмов, триумфальных арок, конных статуй, купален.

По сведениям историков, в V веке в Риме насчитывалось 3785 одних только медных статуй императоров, полководцев и других известных римлян. А мраморных статуй было такое количество, что они, по замечанию одного древнего автора, составляли на улицах и площадях города как бы отдельный молчаливый народ из мрамора.

Но стоило с вершины холма спуститься вниз и погрузиться в будничную жизнь, одно потрясение быстро сменялось другим.

На улицах Рима было не протолкнуться и стоял страшный шум. Как пишут историки, римляне имели привычку говорить очень громко, махая руками и перекрикивая друг друга. Множество праздных горожан толпились на рыночных площадях, возле храмов и цирков, ожидая бесплатной раздачи хлеба, масла, сала и вина. Народ по-прежнему жаждал хлеба и зрелищ. И хотя к тому времени после многочисленных императорских указов гладиаторские бои были запрещены, но всевозможные зрелища и праздники в Риме устраивались постоянно. Это были состязания на колесницах, театрализованная охота на животных, танцы с оружием при свете факелов, выступления борцов и мимов.

Один галльский епископ в ужасе писал: «Кто в виду плена может думать о цирке? Кто, идучи на казнь, смеется? Объятые страхом рабства, мы отдаемся играм и смеемся в предсмертной тоске.

Можно подумать, что весь римский народ объелся сардонической травой: он умирает и хохочет!»

На ипподроме во время конных скачек зрители делились на партии «зеленых», «голубых», «красных» и «белых», и дело часто доходило до драк.

В Риме не происходило таких кровавых столкновений, как в 501 году на ипподроме в Константинополе, когда во время драки «голубых» и «зеленых» погибло более трех тысяч человек (!), но страсти тоже кипели.

Римский писатель и государственный деятель VI века Кассиодор удивлялся, до какой степени римлянами овладевал, как теперь это называют, спортивный азарт. Побеждал «зеленый» — и половина народа погружалась в скорбь и бессмысленную ярость; лидировал «голубой» — тоже скорбели толпы народа.

«Ничего не выигрывая и не теряя ни в том, ни в другом случае, народ тем с большей силой наносит оскорбление противной стороне и тем глубже чувствует себя оскорбленным, волнуясь так, как бы дело шло о спасении Отечества от опасности», — писал Кассиодор.

Епископ Сальвиан из Марсея испытал в Риме нравственное потрясение по поводу других зрелищ, о чем написал в одном из своих писем: «В театрах изображаются такие позорные вещи, что стыдно даже упоминать о них, а не только

рассказывать: душа помрачается похотливыми желаниями, глаз развращается зрелищем и ухо позорится произносимыми речами; нет слов для всей этой непристойности, для этих постыдных телодвижений и жестикуляции».

Можно представить, насколько чуждо все это было провинциальному юноше Бенедикту, выросшему в благочестивой христианской семье. Он предпочитал проводить время в обществе книг, тем более в книжных лавках Рима можно было найти и новинки, и самые популярные издания.

Не тогда ли Бенедикт узнал о Мартине Турском, оставившем военную карьеру, чтобы основать монастырь в Галлии? Или об Иоанне Кассиане из Марсея, который объехал многие египетские монастыри и описал свои впечатления так, что его сочинениями все зачитывались?

Пользовался успехом и некий мистический роман «История лаузова» из жизни египетских аскетов — древний предок современной беллетристики.

Устав монастырской жизни египетского аввы Пахомия Великого был переведен на латынь блаженным Иеронимом уже в конце IV века, а теперь к нему прибавились Устав Василия Великого, и «североафриканское» правило блаженного Августина, и многочисленные изречения отцов-пустынников — все это так или иначе входило в круг чтения образованных римлян.

«Пустыня» и все, что имело отношение к восточному монашеству, притягивали своей экзотичностью, многие примеривали на себя такую самоотреченную жизнь, пытались ее понять.

В монахи давно уже уходили люди и из самых высших сословий. Один из знаменитых пустынников — авва Арсений до ухода в пустыню был домашним наставником Гонория и Аркадия, сыновей римского императора Феодосия Первого. Египетский монастырь Барамус (от коптского слова «римский») получил свое название в честь Максимуса и Домициуса — двух сыновей императора Валентина, какое-то время подвизавшихся в этом монастыре.

Несомненно, мимо книг об отцах-пустынниках не прошли и Бенедикт с друзьями, загоревшиеся идеей покинуть порочный Рим и устроить жизнь по своим правилам в каком-нибудь тихом месте.

Юношеская мечта о своем «товариществе», «братстве», «обществе», «коммуне» стара как мир, но при этом всегда неожиданно волнующая и новая.

Блаженный Августин в «Исповеди» описывал, с каким упоением они с друзьями рассуждали о ненавистных тревогах и тяготах человеческой жизни и составляли план, как будут жить не так, как все.

«Эту свободную жизнь мы собирались организовать таким образом: каждый отдавал свое

имущество в общее пользование; мы решили составить из отдельных состояний единый сплав и уничтожить в неподдельной дружбе понятия „моего“ и „твоего“...» («Исповедь»)

В течение года каждый участник общества попеременно должен был брать на себя все бытовые заботы, давая возможность остальным заниматься самосовершенствованием и творчеством.

«А потом стало нам приходиться в голову, допустят ли это женоушки, которыми одни из нас обзавелись, а я хотел обзавестись. После этого весь план наш, так хорошо разработанный, рассыпался прахом и был отброшен, и мы снова обратились к вздохам и стенаниям», — рассказывает блаженный Августин.

И все-таки Бенедикт с товарищами осуществили свой план. Возможно, в какой-то степени этому содействовали и внешние обстоятельства — в 500 году в Рим торжественно вступил вождь остготов Теодорих. Он победил армию Одоакра, которому византийский император Анастасий I официально вверил власть над Западом. Пока еще никто не знал, чего ожидать от союза с варварами, в те дни многие на всякий случай торопились покинуть Рим.

Бенедикт с друзьями и Кириллой поселился в небольшом городке Аффиде (сейчас это город Аффила, примерно в 60 километрах к северу от Рима), примкнув к некоей уже существующей там

общине «благочестивых мужей». Но вскоре Бенедикт покинул и эту деревню, теперь уже один. В Аффиде по молитве он совершил ради Кириллы свое первое маленькое чудо и сразу оказался в центре внимания, а это было ему не по душе. Да и вообще, «братство» для Бенедикта имело смысл только как способ служению Богу. И вовсе не факт, что товарищи по Риму разделяли его высокие устремления.

В горах Бенедикт встретился с незнакомым монахом и поделился с ним своим заветным желанием: вести настоящую подвижническую жизнь, как это делают отцы-пустынники.

Монах вызвался ему помочь и показал подходящее место для подвигов. Он привел Бенедикта в местечко в горах под названием Субиако, где находился его монастырь, а вокруг было много пустых пещер и гротов.

Субиако означает «подозерный», это название появилось благодаря построенной еще в I веке в горах загородной вилле императора Нерона. Желая любоваться не только горными вершинами, но и гладью озер, Нерон велел выстроить огромную дамбу, перегородившую реку Аньене. На берегу искусственного озера была возведена роскошная вилла Субиако, которая ко времени Бенедикта давно стояла в запустении и считалась собственностью государства. От этой постройки в горах до сих пор сохранились оплетенные мхами мраморные руины.

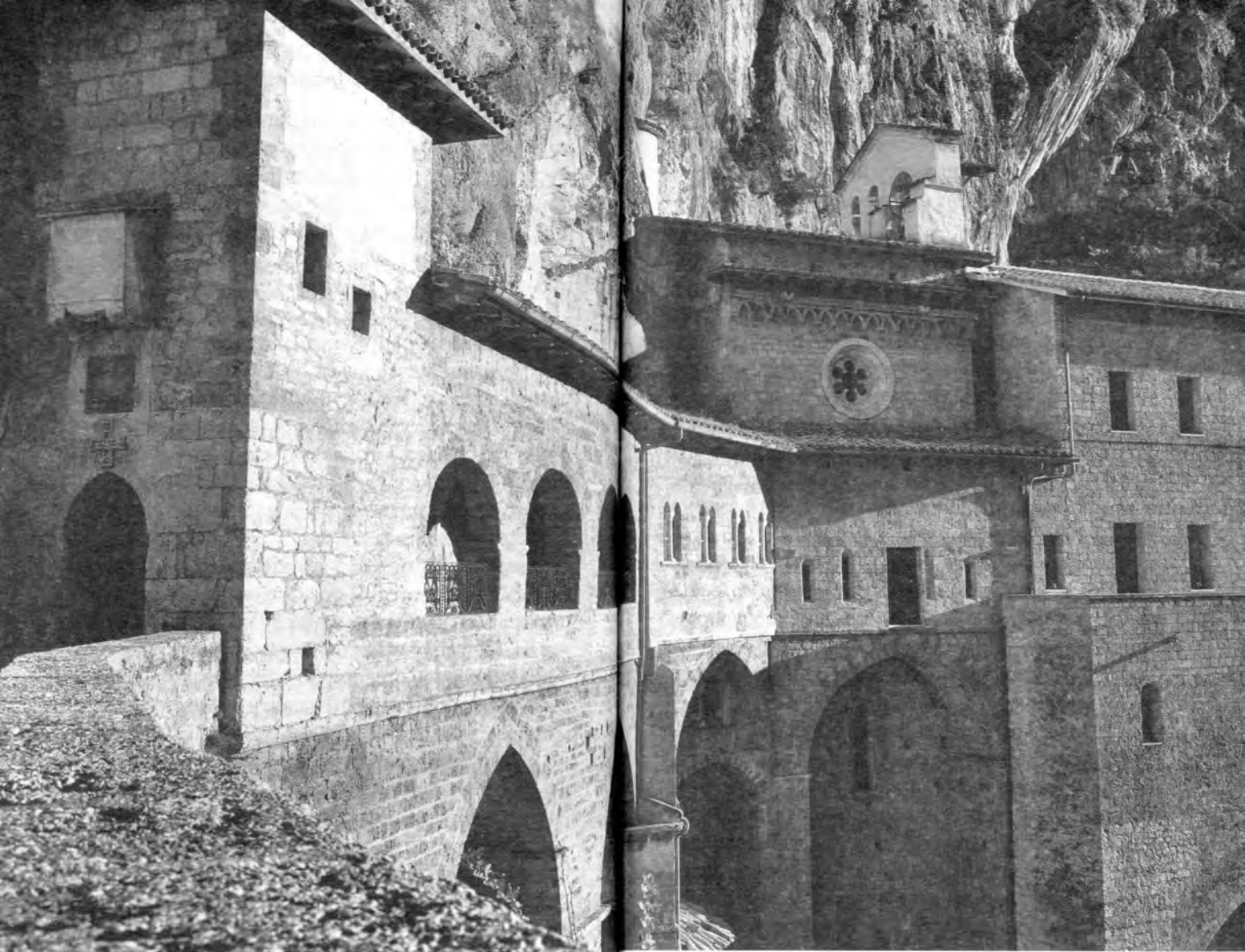
Бенедикт поселился в гроте над озером, куда трудно было добраться даже по горным тропам. Бескорыстный монах-романус (что значит «римлянин», имя его осталось неизвестным) на веревке с привязанным на конце колокольчиком спускал отшельнику хлеб, честно делясь с ним своей монастырской трапезой.

Три года им удавалось хранить свою тайну. Но как-то на пещеру Бенедикта набрали местные пастухи, еще через какое-то время — заблудившийся в горах священник. Это случилось в день Пасхи, но когда священник сказал об этом Бенедикту, тот даже не понял, что речь идет о празднике, и сказал: «Истинно — Пасха, потому что удостоился видеть тебя!» — настолько он потерял счет времени.

А когда в одном из окрестных монастырей умер настоятель, братия явилась к пещере с просьбой, чтобы Бенедикт возглавил их общину. Бенедикт согласился, но с одним условием: монахи должны ему подчиняться и жить по уставу, суть которого можно изложить в двух словах: молись и трудись.

Монахи из Виковаро, чей монастырь находился примерно в тридцати километрах вниз по реке от пещеры Бенедикта, продержались недолго.

Их озлобление против подвижника и молитвенника дошло до такой степени, что они решили отравить нового настоятеля и подмешали ему яд в вино.

Монастырь Святого Бенедикта около Субиако, Италия.
IX в.

Прежде чем поднести питье к губам, Бенедикт, по своему обыкновению, его перекрестил, и чаша вдруг рассыпалась у него в руке, словно глиняная. Испуганная братия призналась в своем преступлении...

«Третий, весьма нехороший вид монахов — сарабаиты (по смыслу близко к «сибаритам». — *О.К.*), которые, не обучившись под руководством опытного наставника и не будучи искушены, подобно золоту в горниле, еще рабствуя делам века и мягкие, как свинец, для принятия греховных впечатлений, принимают постриг, думая, что могут обмануть и Бога, а не одних людей. Они по два или три, или по одиночке, поселившись в своих, а не Господних овчарнях, вместо всякого закона имеют свои самоугодливые пожелания: что задумают и облюбят, то для них и свято; к чему же сердце не лежит, то они считают негожим», — пишет в своем уставе Бенедикт, видимо, вспомнив в тот момент и о братии из Виковаро (Цит. по: Свт. Феофан Затворник. «Древние иноческие уставы»).

Известный исследователь жизни святого Бенедикта французский писатель и историк Адальбер де Вожье интересно трактует значение попытки отравления в жизни подвижника. Если, уйдя в горы, Бенедикт поборол в себе тщеславие, а во время отшельнической жизни в пещере — сладострастие (в критический момент юноша бросился в крапиву, чтобы выжечь из себя

блудные мысли), то с этого момента он навсегда совладал с гневом.

Оказавшись на волоске от гибели, любой пришел бы в ярость от черной неблагодарности братии. Но у Бенедикта, как пишет главный его биограф римский папа Григорий Двоеслов, в тот момент было «спокойное лицо, и душа его была спокойна». Вся вторая книга папы Григория «Собеседования (Диалоги) о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души» целиком посвящена жизни и чудесам Бенедикта Нурсийского.

Сказав монахам лишь несколько слов в укор, Бенедикт удалился в свою пещеру и стал снова жить отшельником, «сам с собой под взглядом Бога». Вскоре один за другим возле пещеры Бенедикта стали появляться небольшие монастыри, где собирались желающие поступить под его начало. В Субиако было 12 монастырей, в каждом из которых жило по 12 монахов.

Конечно, это не случайное число — для христиан оно символизирует Христа и двенадцать Его учеников. В Уставе Бенедикта даже будет записано, что по безусловному подчинению для остальных аббат в монастыре «занимает место Иисуса».

Константин Великий, построив в Константинополе храм Двенадцати Апостолов, установил в нем двенадцать символических гробниц, а тринадцатую приготовил для себя, чтобы подчеркнуть свою причастность к апостольскому служению. Сохранилось предание, что во время

строительства храма Святого Петра в Риме император Константин взял лопату в руки, наравне с другими копал землю под фундамент и вынес 12 корзин земли в честь 12 апостолов.

В то время в египетских, сирийских и палестинских пустынях раскинулись большие города-крепости для монахов. Гористая местность Италии не располагала к такому строительству. Небольшие монастыри в Субиако были расположены в горах, в нескольких километрах друг от друга: одни — в горных пещерах, другие — на берегу реки или искусственного озера. Это было дружное братство подвижников — аббатство, где, несмотря на территориальную автономию и выбранных в каждом монастыре настоятелей, все подчинялись главному наставнику, аббату (авве).

Аббат Бенедикт пользовался в Субиако огромным уважением и авторитетом, даже знатные римляне приводили к нему в монастырь своих детей. Римский патриций Тертулл отдал сына Плациду в Субиако, когда тот был еще ребенком. Ученик Бенедикта, Мавр, был сыном римского сенатора Эквиция.

Через какое-то время сестра Бенедикта, Схоластика, основала в Субиако женский монастырь. Такие «монастыри-близнецы», идущие от брата и сестры, не были чем-то необычным. Сестры египетских отцов-пустынников нередко селились неподалеку, устраивая свои, все более многочисленные обители.

Центральный монастырь аббатства Субиако находился в одном из пустующих зданий нероновой виллы. В залах, где некогда прогуливался гонитель христиан, теперь звучали церковные песнопения. И, наверное, не случайно монастырь был посвящен римскому папе Клименту Первому — мученику I века.

Примерно тридцать лет Бенедикт был аббатом монастыря в Субиако, стараясь придерживаться правила, которое он потом запишет в своем уставе:

«Пусть старается действовать на всех, на кого ласками, на кого угрозами, на кого убеждениями, ко всем применяясь, судя по их свойствам или по их разумности, чтобы не допустить чего вредного во вверенное ему стадо, а напротив, всегда радоваться о его умножении и преуспевании».

Жители многих окрестных деревень, перейдя по мраморному мосту на другой берег озера, приходили в монастырь Святого Климента на богослужения.

Некий Флоран, настоятель прихода Сен-Лоран, был особенно сильно обеспокоен растущей известностью аббатства. И настолько обезумел от зависти, что решил отравить Бенедикта и подложил яд в освященный хлеб.

По традиции христиане часто посылали друг другу в подарок евлогии (освященные предметы) в знак особой признательности и христианской

любви. Так что Флоран совершил двойное преступление, еще и кощунство.

Обладавший даром прозорливости, Бенедикт понял, что хлеб отравлен, и поспешил избавиться от такого «подарка», никому ничего не сказав, даже Флорану.

Как пишет святитель Григорий Двоеслов, видя покушения пресвитера на его жизнь, Бенедикт жалел более его, нежели себя. Но завистливый Флоран не унимался и придумал другую низость, подослав в монастырь семь распутных женщин. Обнажившись и взявшись за руки, они плясали и резвились в монастырском саду, смущая монахов. Скорее всего, это происходило на праздник плодородия и означало какой-нибудь языческий ритуал, чтобы вызвать дождь.

Тогда, взяв с собой несколько близких учеников, Бенедикт покинул свой монастырь в Субиако.

Дальнейшая судьба Флорана сложилась незавидно. В день ухода Бенедикта на Флорана обрушилась галерея и задавила его насмерть, хотя не было никакого землетрясения и больше никто не пострадал.

Один из учеников Бенедикта, Мавр, бросился догонять аббата, который еще не успел уйти далеко, и радостно сообщил, что их главный враг мертв и всем можно возвращаться обратно. Услышав это известие, Бенедикт заплакал. Он оплакивал и несчастного Флорана, умершего без покаяния, и Мавра, который радовался смерти врага

и, значит, пока еще не стал христианином, и себя, наверное, тоже...

Бенедикт отказался возвращаться в Субиако и пошел на юго-восток, где в окрестностях Неаполя у Плацида, когда-то приведенного в монастырь еще ребенком, был доставшийся от отца в наследство большой участок земли.

Среди плодородных равнин возвышалась гора Монте-Кассино. Примерно в 529 году на ней появился монастырь, известный теперь всему миру как центр ордена бенедиктинцев.

На крутой горе было несколько пологих площадок: на первой стоял древний храм Аполлона, на другой, повыше, находилась Аполлонова роща с языческим капищем.

Как сообщает святитель Григорий Двоеслов, первым делом Бенедикт «сокрушил идола, ниспроверг жертвенник» и стал в этом месте проповедовать людям слово Божье.

На вершине горы была выстроена церковь во имя Иоанна Крестителя — основателя пустынножительства, на нижней площадке, где стоял храм Аполлона, появилась церковь в честь Мартина Турского — миссионера, который много боролся с язычеством. Святой Мартин был известен и своей образованностью: в его обители монахи усердно переписывали книги.

«Глубокая ночь варварства одела своим мраком разрушенный латинский мир, и в этом мраке не было видно другого света, кроме мерцающего

огня свечей в церквах да одинокого света рабочей лампы погруженного в свои думы монаха в монастыре», — образно пишет о времени начала VI века немецкий историк Фердинанд Грегоровиус в своем эпохальном труде «История города Рима в Средние века».

А кто-то и монастырь Монте-Кассино сравнит с маяком на высокой горе, который освещал всю погружавшуюся во мрак Римскую империю.

И если представить аббата Бенедикта погруженным в думы монахом, то при свете рабочей лампы он наверняка писал свой знаменитый устав.

Считают, что первоначально устав, состоящий из 73 коротких главок и вступления, был предназначен для оставшейся без настоятеля братии в Субиако. Но он оказался полезным для всех и на все времена, по уставу святого Бенедикта потом жила вся средневековая Европа. У монахов-бенедиктинцев даже есть такая пословица — благодаря своему уставу святой Бенедикт, «будучи мертв, вещает». А все потому, что, как пишет главный биограф Бенедикта, «святой муж не мог учить иначе, нежели как сам жил».

В уставе Бенедикт на разговорной латыни очень понятно изложил основные правила монашеской жизни. Там сказано, сколько времени необходимо отводить для молитвы, труда и отдыха, чтобы монахи к заутрени «могли бы подняться посвежевшими». Умственные занятия и чтение

Бенедикт Нурсийский считал тоже очень важными.

«Все, что ни делается, должно делаться с умеренностью», — записано в уставе монахов-бенедиктинцев.

В этом своде правил подробно и заботливо расписано, с чего нужно начинать и к чему стремиться. Бенедикт подчеркивал, что написал устав для тех, кто только вступает на путь монастырской жизни, а тех, кто в ней уже преуспел и хочет достичь совершенства, отсылал к творениям отцов Церкви.

Например, святой Бенедикт называет в своем уставе 12 ступеней смирения (опять 12!) и показывает, как по этой невидимой лестнице можно потихоньку продвигаться вверх, к вершине святости.

В его аббатстве действовал принцип единоначалия, но в уставе есть и такое правило:

«Коль скоро надобно делать по монастырю что-либо особенное, авва пусть соберет все братство и скажет ему, в чем дело. Выслушав мнение братий, он обсудит все сам и сделает, что найдет более полезным. Того ради мы сказали приглашать на совет всех, что нередко Господь юнейшему открывает, что лучше. Братия пусть предлагают свои мнения со всякой смиренной подчиненностью, не дерзая настойчиво защищать то, что им придумалось. Всячески при этом в воле аввы состоит постановить, что почтет он более спасительным, и все должны ему покориться».

Монастырь в Монте-Кассино появился в такое время, когда по римским дорогам ходили толпы оборванных, голодных, бездомных людей. Война, пожары, чума...

Голод был такой, что, как пишет свидетель этих событий Прокопий Кесарийский в «Войне с готами», люди ели траву, а в Риме сенаторы покупали на вес золота отвратительную колбасу из мяса павших мулов.

Многие были бы не прочь укрыться от бедствий за монастырскими стенами. Но аббат Бенедикт считал монастырь «школой служения Господу» и подробно расписал в своем уставе правила приема в обитель.

Новичок должен был год прожить в монастыре в качестве послушника. В течение этого времени ему следовало три раза внимательно перечитать устав, а затем в письменной форме изложить свое обещание быть верным Богу (или хотя бы поставить свою подпись) и собственноручно положить его на алтарь.

«Если способен ты сохранять верность ему [уставу], войди; если же нет, то иди с миром».

Таким образом Бенедикт Нурсийский добивался, чтобы люди в монастырь приходили осознанно — и лишь те, кто действительно стремился посвятить свою жизнь служению Господу.

Правила святого Бенедикта полезно применять не только в монастырской жизни. В уставе, например, есть такое хорошее для руководителей

предписание: два раза поговорить с провинившимся наедине, третье замечание сделать при всех, в четвертый раз наказать более существенно, и если это не помогло, тогда уже как крайняя мера — увольнение. Принимать обратно в монастырь Бенедикт считал возможным только до трех раз, давая шанс на исправление, но не такая бесконечно нарушителю заведенного порядка.

Интересно, что в наше время правила Бенедикта Нурсийского пытаются адаптировать для успешного ведения бизнеса, а самого святого Бенедикта даже называют «покровителем делового менеджмента». Корпоративное мышление и культура действительно построены на строгом подчинении правилам, уставу. Вот только в этом отлаженном организме нет самого главного — Бога, а без Христа — все *суета и томление духа* (Еккл. 1: 14).

Текст устава, написанный примерно в 540 году рукой аббата Бенедикта, после его смерти хранился в Монте-Кассино как величайшая реликвия. После разрушения монастыря в 581 году лангобардами монахи перенесли кодекс в Рим, и его многочисленные копии разошлись по всей Италии, Испании, Галлии, Британии.

Историки называют монахов-бенедиктинцев главными аристократами Средневековой Европы, их вклад в просвещение, развитие наук, искусства и ремесел был огромен.

В «Собеседованиях» папа римский Григорий Двоеслов много рассказывает и о чудесах святого Бенедикта.

Современные исследователи подсчитали, что он описывает двадцать четыре чуда, которые условно можно разделить на две категории: двенадцать первых — это пророчества, еще двенадцать — так называемые чудеса действия. Опять два раза по двенадцать!

Бенедикт Нурсийский исцеляет больных, воскрешает мертвых, узнает о том, что происходит далеко за стенами монастыря.

В эти истории просачиваются и печальные события того времени: вот монахи не знают, где им взять пшеницы, чтобы испечь хлеб, или одному из них жаль по приказу аббата отдавать последнее масло на дне сосуда, и Бенедикт выбрасывает всю бутылку за окно: «Чтобы не жило здесь непослушание».

Некоторые из историй дают возможность более отчетливо представить повседневную жизнь в Монте-Кассино.

Однажды аббату Бенедикту за обедом прислуживал молодой монах, в прошлом юноша из знатной семьи. Он держал за спиной настоятеля лампу, освещая его стол, а сам в это время в раздражении думал: «Кто он такой, что я стою перед ним, когда он ест, держу светильник, услуживаю? Кто я, чтобы служить ему?»

Бенедикт обернулся к нему и воскликнул: «Перекрести свое сердце, брат, что это ты

говоришь? Перекрести свое сердце». И велел молодому монаху уйти в келью, чтобы тот пришел в себя и избавился от гордых мыслей.

Святому Бенедикту было дано и одно из самых потрясающих в истории христианской мистики видений: однажды ночью он молился перед распахнутым окном и «весь мир словно собрался в один солнечный луч»...

Можно считать чудом и то, как вообще среди всеобщего хаоса и растерянности мог появиться такой упорядоченный и осмысленный мир, устроенный святым Бенедиктом.

Варвары внушали римлянам невероятный ужас. Вот, к примеру, как выглядят гунны в описании Аммиана Марцеллина: «Их дикость превосходит все мыслимое; с помощью железа они испещряют щеки новорожденных глубокими шрамами, чтобы в зародыше уничтожить волосяную растительность, поэтому, и старея, они остаются безбородыми и уродливыми, как евнухи. У них коренастое сложение, сильные руки и ноги, широкие затылки; а шириной своих плеч они внушают ужас. Их скорее можно принять за двуногих животных или за те грубо сделанные в форме туловищ фигуры, что высекаются на парапетах мостов...» Марцеллин описывает пищу германцев из сырого мяса, их одежду из шкур полевых мышей, которую они носят до тех пор, пока это «тусклое одеяние» не распадается от ветхости...

Но если бы все было так, тогда невозможно понять, как эти дикие, первобытные люди, только что вышедшие из лесов, смогли одолеть закаленные в сражениях римские легионы. По сведениям историков, германские племена, заполонившие в V веке Римскую империю, имели свои традиции, развитые ремесла, в частности, тонкую технику обработки металлов, ювелирное и кожевенное мастерство — просто это был совершенно другой, не римский менталитет.

Встретившись с королем остготов Тотилой, святой Бенедикт нашел в нем некоторый «страх Божий» и сказал ему: «Много зла делаешь, много зла сделал, хотя и раскаяешься некогда в нечестии. Правда, ты войдешь в Рим, переплывешь море, девять лет будешь царствовать, но на десятом умрешь». Это предсказание сбылось. 17 декабря 546 года войско Тотилы вступило в Рим, затем вождь переплыл море, овладел Сицилией и погиб в битве при Тагине в августе 552 года после десяти лет царствования.

Некоторые считают, что под впечатлением от встречи Тотилы с аббатом Бенедиктом готы проявили некоторую гуманность при взятии Неаполя и не подвергли город полному разрушению.

Предвидел святой Бенедикт и судьбу своего монастыря в Монте-Кассино. Как-то один именитый муж по имени Феопроб, приехавший к Бенедикту, вошел в его келью и застал аббата в слезах. Бенедикт назвал причину своих слез: ему было

открыто, что монастырь Монте-Кассино будет разрушен язычниками.

«Едва я мог умолить, чтобы дарованы были мне души живущих здесь братий», — сказал Бенедикт.

В 567 году аббатство Монте-Кассино и впрямь было разграблено лангобардами, но все монахи спаслись и бежали в Рим.

Каждый год в монастырь Монте-Кассино приезжала сестра Бенедикта, Схоластика, и они вместе проводили день в гостевом доме за стенами монастыря. Но однажды сестра стала уговаривать брата остаться с ней до утра.

Бенедикт с удивлением отказался — по правилам было не положено ночевать за стенами аббатства. От огорчения Схоластика заплакала, и вдруг начался такой ливень, что о возвращении на гору по скользкой тропе не могло быть и речи.

Необычный случай скоро нашел свое объяснение — через три дня Схоластика скончалась в своем женском монастыре, это была последняя встреча брата с сестрой на земле. А через несколько дней заболел и аббат Бенедикт.

За шесть дней до смерти он с присущей ему обстоятельностью велел открыть и приготовить для себя гробницу, а в свой последний день попросил, чтобы его отвели в храм. Опираясь на руки учеников, святой Бенедикт причастился Тела и Крови Христовой и во время молитвы испустил дух.

Это произошло в 547 году, Бенедикту Нурсийскому было примерно шестьдесят семь лет. Он завещал похоронить себя в Монте-Кассино рядом с храмом Иоанна Крестителя, в одной могиле со Схоластикой.

В Риме на площади перед Ватиканом полукругом стоит величественная колоннада, на которой установлены сто сорок мраморных фигур святых Западной Церкви. Семнадцатая статуя слева изображает святого старца с кубком, которого неоднократно пытались отравить завистники, — святого Бенедикта Нурсийского, провозглашенного в 1964 году покровителем Европы.

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ
ДВОЕСЛОВ

(540–604)

← *Святитель Григорий Двоеслов*. Икона. Тэортзи (Зорзис) Фука.
XVI в. Монастырь Дионисиат, Афон, Греция.

*Я считаю добродетель смирения
выше всяких знамений и чудес.*

... За окном раздались крики. Неужто варвары ворвались в город?

Нет, это были уже почти привычные звуки на улицах Рима — чьи-то испуганные возгласы, бесильная брань, женские причитания...

Григорий, папа римский, снова склонился над столом. Он составлял житие святого Бенедикта Нурсийского и решил еще раз перечитать то место, где прозорливый старец говорил о судьбе Рима.

Тогда, почти пятьдесят лет назад, стены Рима тоже были окружены варварами. Все были в отчаянии и говорили, что остготы под предводительством короля Тотилы не оставят от города камня на камне. Но святой Бенедикт возразил своему другу, епископу Сабинусу: нет, Рим будет разрушен не варварами, а сам собой придет в запустение, увянет, рассыплется от старости из-за бесконечных наводнений, землетрясений и других бедствий...

Григорий был тогда ребенком и видел, как, узнав о приближающейся войске Тотилы, патриции вместе со всеми своими домочадцами и слугами в спешке покидали город: огромные обозы заполнили улицы Рима.

Говорят, когда Тотила увел с собой оставшихся в городе пленных римлян, несколько дней улицы и площади Рима были совершенно безлюдны. Среди разоренных домов, разбитых статуй, покрытых копотью триумфальных арок бродили только голодные собаки, ослы да изгнанные из императорских парков павлины.

А сам Рим был похож на дряхлую, потерявшую всех своих детей, но все-таки живую волчицу...

Григорий Двоеслов, как говорили о представителях древних патрицианских родов, был римлянином до мозга костей.

Он родился в 540 году в Риме и принадлежал к знатной римской фамилии Анициев, которая дала империи немало сенаторов, консулов, префектов, а потом уже и высших церковных деятелей.

Родным дедом Григория был римский папа епископ Феликс Второй — непримиримый борец с монофизитами. А отец Григория, Гордиан, занимал важный пост в городской администрации. Не исключено, что при римском папе Агапите он нес и ответственное церковное служение — был одним из семи римских диаконов.

Получив лучшее по тем временам юридическое, а также богословское образование, Григорий в возрасте примерно тридцати трех лет стал префектом Рима. В ведении префектов находились городское строительство, финансы, ремонт, судебные разбирательства, устройство общегородских праздников и другие многочисленные гражданские дела.

Правда, в те годы, когда Григорий заступил на эту ответственную должность, она не была уже такой почетной и доходной, как во времена его предков.

О падении авторитета городской власти полувеком раньше писал римский общественный деятель и философ Боэций: «Прежде тот пользовался высоким уважением, кто брал на себя заботу о продовольствии народа; но в настоящее время что может быть презреннее префектуры?» — а ведь с тех пор прошло более пятидесяти лет испытаний голодом и войнами.

Еще до появления Григория на свет Рим был пять раз покорен и разорен варварами — вандалами, смешанным войском германцев под руководством чужестранца Рицимера, готами. Теперь вся Италия была заполонена и разграблена лангобардами — «длиннобородыми», как прозвали римляне это древнегерманское племя за нестриженные космы и бороды.

По словам историка Прокопия, автора «Войны с готами», во второй половине VI века Италия

от Альп до Тарента была покрыта развалинами, повсюду свирепствовали голод и эпидемии.

Разрушены были не только города, но и все многовековые устои римской жизни: права владения собственностью, общественные, семейные связи. Какая радость получить в наследство фамильное имение в Кампании, если на этих землях давно хозяйничают германцы? Или ехать на край света за восточными товарами и копить золото, когда всех без разбору косит чума?

Переживший немало разрушений и пожаров город Рим — с дырами в крепостных стенах, вывалившейся мозаикой в полах некогда роскошных базилик — уже не был похож на Вечный город. Многим тогда открывалась простая истина: в мире нет ничего вечного и сокровенного, кроме человеческой души.

После смерти отца Григорий ушел с должности префекта и в своем фамильном доме устроил монастырь в честь Андрея Первозванного, а другую часть наследства употребил на устройство шести монастырей на землях, принадлежавших роду Анициев в Сицилии. В своем доме-монастыре в Риме Григорий под руководством опытных старцев Иллариона и Максимиана принял монашеский постриг и стал жить так, как велела его душа.

Наверное, эти несколько лет были самыми счастливыми в его жизни — он и сам не раз об этом будет писать. Свою знаменитую книгу

«Собеседования (Диалоги) о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души» он тоже начнет с воспоминаний об утраченной тихой, уединенной жизни.

«Увидев, что я страдаю от тяжелого сердечного изнеможения, он спросил меня: „Не случилось ли с тобой что-нибудь новое, что ты печален более обыкновенного?“ — „Нет, возлюбленный Петр, — отвечал я ему, — скорбь, которую каждый день я терплю, всегда для меня стара, потому что обычна, и всегда нова, потому что возрастает. Теперь душа моя скорбит оттого, что неприятности лежащих на мне дел вызывают в ней воспоминания о прежней моей монастырской жизни; о той жизни, когда она умела управляться со всеми случайностями, возвышаться над всем скоропреходящим, потому что мысль ее была постоянно устремлена к небесному“...»

Но земные дела и заботы не отпускали его.

В ноябре 579 года на римскую кафедру был выбран римский папа Пелагий Второй. Он сразу же вспомнил о Григории, сыне старательного Гордиана и внуке одного из своих предшественников.

В Константинополь как раз направлялась большая делегация сенаторов, священников, монахов во главе с патрицием Памфронием, чтобы просить императора Тиверия выделить войска на защиту Рима.

Прошение римлян отклонили — легионы были нужны для войны в Персии. Как сообщают

историки, Тиверий ограничился тем, что отправил несколько отрядов в Равенну, где в относительной безопасности, среди адриатических болот, находился императорский двор.

Но привезенный денежный подарок в размере трех тысяч фунтов золота император вернул делегации из Рима и разрешил употребить на выплату контрибуции лангобардам. Таким образом удалось заплатить варварам выкуп и на несколько лет снять с Рима осаду.

Возможно, Григорий, которого римский папа Пелагий Второй рукоположил в пресвитера перед поездкой, чем-то отличился во время этих непростых переговоров. Он был оставлен в Константинополе в качестве нунция — дипломатического представителя римского папы при дворе императора.

В кругу его новых константинопольских знакомых были такие знатные и влиятельные люди, как Константина — дочь императора Тиверия, известный военачальник Маврикий и его сестра Феокиста, родовитые патриции. Но и в Константинополе Григорий не изменял своим привычкам: поселился в одном из монастырей и вел уединенный образ жизни.

В этот период он писал, обсуждая в кругу близких друзей, «Толкование на книгу Иова».

Светская жизнь дипломата, которую Григорий вынужден был теперь вести, стала для него испытанием и в какой-то мере наказанием.

В предисловии к «Толкованию» он сравнивает себя с плохо привязанной и оторвавшейся во время грозы от причала лодкой:

«Так и я, согласно церковному уставу послушания, внезапно опять оказался в пучине мирских дел; и так как не сумел я ухватиться за тишину монастыря так крепко, как это следовало, я оценил ее, уже утратив».

В августе 582 года произошла смена власти — императором Рима был провозглашен энергичный военачальник Маврикий. В Константинополь сразу же стали съезжаться многочисленные родственники нового цезаря — отец Павел, брат Петр, сестры, зять Филиппик. Придворная жизнь еще больше забурлила.

С пышностью была обставлена и церемония бракосочетания Маврикия с Константиной, дочерью императора Тиверия. Торжество состоялось в великолепном дворце под названием «Августея», и вся столица в течение семи дней пировала за счет царской казны.

«Везде была роскошь золотых украшений — вещей, которые прежде были спрятаны по домам. Для каждого желающего усладить свои взоры были зрелища», — писал византийский историк Феофилакт Симокатта об этих торжествах. Впрочем, и после их завершения константинопольцы ни в чем себе не отказывали.

А из Рима продолжали приходиться письма, полные отчаяния.

«Республика в таком безвыходном положении, что мы обречены на гибель, если Бог не смягчит сердца благочестивейшего императора, чтобы он мог пожалеть своих верных слуг и выслать сюда военного магистра. В особенности римская земля нуждается в каком-нибудь гарнизоне. Между тем экзарх писал, что он не может оказать нам помощь, и клянется, что у него нет достаточных средств даже для защиты своей области: да внушит ему Бог оказать нам скорую помощь, прежде чем войско безбожного народа будет в состоянии занять те города, которыми еще владеет республика», — писал папа Пелагий Второй в Константинополь.

В 586 году папа Пелагий Второй возвратил Григория в Рим. Одни писали — из-за того, что он был недоволен слабыми сдвигами в политике по отношению к Риму, другие — потому что сам нуждался в умных, образованных помощниках.

После возвращения из Константинополя Григорий поселился в своем фамильном доме, который теперь был монастырем в честь Андрея Первозванного. Это место давно было известно всем нищим, убогим, голодным в Риме своей благотворительностью. Здание находилось неподалеку от Латеранской базилики — резиденции римских пап, и игумен монастыря Григорий постоянно помогал папе Пелагию Второму в различных делах.

В 589 году в Риме произошло большое наводнение: Тибр вышел из берегов, затопив часть города. Очевидцем очередного бедствия стал

диакон из Галлии, которого епископ Григорий Турский послал в Рим получить мощи. Рассказ диакона об увиденном в Риме Григорий Турский включил в свою «Историю франков»: «Тибр покрыл город таким огромным количеством воды, что древние здания обрушились и церковные житницы были уничтожены».

Но еще более страшные опустошения произвела эпидемия бубонной чумы.

В 590 году от чумы умер Пелагий Второй. Сразу же встал вопрос о его преемнике — и духовенство, и народ выразили желание видеть на римской кафедре Григория из рода Анициев, который давно был правой рукой римского папы.

Григорий долго отказывался. По преданию, он даже убежал из Рима и в течение семи месяцев скрывался, считая себя недостойным и «неуверенным». Отправляя своему «сотоварищу по сану епископскому» Леандру «Толкование на книгу Иова», он вспомнит об этом еще раз: «После же того, как я упорно отказывался и сопротивлялся — ибо тяжело служение Престолу, к нему присоединилось еще и бремя пастырских забот. И терпеть все это мне еще труднее потому, что, чувствуя себя ко всему этому неспособным, я не могу найти утешения в уверенности в себе».

Сочинение Григория Двоеслова «О пастырском служении» дает представление о том, какие высокие требования предъявлял он к служителям Церкви, в том числе и к самому себе.

3 сентября 590 года в соборе Святого Петра была совершена епископская хиротония Григория: он стал римским папой — так с середины VI века стали называть римских митрополитов.

По собственному признанию, он принял на свое попечение Церковь, когда она была похожа на ветхое судно с пострадавшей обшивкой, в которое отовсюду проникала вода, и все предвещало близкое крушение.

В соборе Святого Петра в своей проповеди перед горожанами он не будет от них ничего утаивать и уподобит римский народ одряхлевшему орлу, потерявшему свои крылья и теперь умирающему на берегах Тибра.

«С городом опять случилось то, что предсказано было пророком Иудее: „Ты облиняешь, подобно орлу“. У человека плешивеет только голова, орел же, когда окончательно состарится, теряет все свои перья и весь свой пух. И подобно орлу, утратившему перья, лишился город своего народа. Утратил город точно так же и свои крылья, на которых он некогда уносился для грабежа, ибо уже умерли все герои города, когда-то похищавшие для него чужую собственность...»

В этих словах было трезвое понимание исторической данности, констатация факта, но не уныние.

С первых же дней папа Григорий стал делать все возможное, чтобы хоть как-то облегчить жизнь своих сограждан.

У него была особая книга, куда он заносил имена нищих и больных, которым требовалось выделить помощь из церковной казны. Но прежде чем внести человека в свой список, папа Григорий лично расспрашивал каждого об обстоятельствах его жизни, зная, как падки и привычны к бесплатной раздаче хлеба и так далеко не бедные римляне.

Он писал Юстину, претору Сицилии, о необходимости как можно скорее прислать в Рим хлеб, обещая самому с ним расплатиться. А письмом в Константинополь сообщал о том, что единственный оставшийся в городе полк Феодосия давно не получает жалованья и отказывается исполнять сторожевую службу на стенах.

Судя по всему, в эти годы в Риме уже не действовал сенат, и фактически римский папа принял на себя управление городом. Из церковной казны закупалось продовольствие, выплачивалась контрибуция осаждавшим Рим готам, выкупались взятые в плен горожане.

В одном из писем к императрице Констанции папа Григорий с горькой иронией называет себя «казначеем лангобардов», говоря, что под их мечом римлянам сохраняется жизнь лишь потому, что за нее каждый день платит Церковь.

Его авторитет был так велик, что понтифик сам заключил мир с лангобардами, вызвав тем самым ревнивое неудовольствие императора Маврикия.

Выросший среди роскоши и ни в чем не знавший нужды, папа Григорий обладал особым даром сострадания к голодным и обездоленным.

В начале каждого месяца бедняки получали от Церкви продовольствие и одежду, а все, кто входил в ворота Рима, — и паломники, и бежавшие от варваров — по приказу папы размещались в странноприимные дома и госпитали. Говорили, что папа Григорий считал свой день потерянным, если ему не удавалось накормить хотя бы одного голодного.

По преданию, услышав, что на одной из улиц Рима умер нищий, папа Григорий почувствовал такую боль и угрызения совести, что несколько дней не мог служить в церкви, не решаясь предстать перед алтарем. Он считал, что смерть этого незнакомого бедняка лежит на его совести.

Легенды и предания о римском папе Григории Первом настолько тесно связаны с его родным городом, что по ним можно изучать карту Рима.

Однажды папа Григорий проходил через форум Траяна, на котором в то время стояла не только Траянова колонна, но еще и конная статуя императора. Траян был изображен спускающимся с лошади, чтобы выслушать несчастную вдову. По преданию, к нему с просьбой обратилась римлянка, потерявшая на войне сына, и Траян пообещал разобрать ее дело, когда вернется с войны. «А если ты тоже не вернешься?» — спро-

сила женщина, и Траян не стал ее за это наказывать, а молча спустился с лошади и выслушал ее просьбу.

Вспомнив эту историю, папа Григорий сильно умилился и одновременно опечалился, ведь император Траян, так много сделавший для славы Рима, умер язычником и, значит, осужден Богом на вечные муки. В тот день епископ в слезах пришел в собор Святого Петра и долго молился за душу императора, пока голос свыше ему не сказал, что его просьба услышана и душа Траяна получила разрешение от грехов.

Эта трогательная история получила широкое хождение в VIII веке, спустя больше ста лет после смерти папы Григория Первого, и многие считают ее полным вымыслом. «Как какое-нибудь растение, вьющееся по стенам разрушенного здания, выросла и эта легенда на развалинах форума Траяна», — пишет о ней немецкий историк Фердинанд Грегоровиус.

Но нельзя не признать, что автор легенды добился ее достоверности, точно ухватив две важные черты в характере папы Григория — его римский патриотизм и пронзительную жалость ко всем людям, даже уже почившим.

Другое известное предание о папе Григории Первом переносит нас к мавзолею императора Адриана в Риме.

В 590 году эпидемия чумы достигла таких ужасных размеров, что папа Григорий устроил

Колонна Траяна на форуме Траяна. Рим, Италия. 113 г.

покаянный крестный ход по улицам Рима, «дабы строгий Судия, видя, что мы за свои грехи себя наказуем, Сам пощадил нас и отказался от предуготованного нам смертного приговора». Народ, собравшийся на крестный ход, епископ разделил на несколько больших групп, чтобы весь город охватить покаянной молитвой.

«Молебственное шествие духовенства выходит из церкви святого Иоанна Крестителя, шествие мужчин-мирян — из церкви блаженного мученика Марцелла, монахов — из церкви мучеников Иоанна и Павла, шествие служительниц Божиих — из церкви блаженных мучеников Космы и Дамиана, замужних женщин — из церкви блаженного первомученика Стефана, вдов — из церкви блаженного мученика Виталия, шествие бедняков и детей — из церкви блаженной мученицы Цецилии» — так описан порядок этой грандиозной процессии в одной из сохранившихся проповедей Григория.

Сам первосвященник возглавлял группу верующих, которая с образом Святой Девы Марии двинулась от храма Святого Петра к центру города. И когда народ уже переходил мост, многие увидели, что над мавзолеем Адриана появился архангел Михаил, вложивший свой огненный меч в ножны.

Это было воспринято как знак окончания бедствий, и действительно, чума в Риме вскоре прекратилась.

В X веке в память об этом чуде мавзолее императора Адриана был переименован в Замок Ангела, а позднее наверху выстроили капеллу святого Михаила. Бронзовая фигура архангела, вкладывающего меч в ножны, и сегодня напоминает о том времени, когда по улицам Рима ходил римский папа Григорий, написавший: «Я считаю добродетель смирения выше всяких знамений и чудес».

Наверное, он часто бывал в доме возле ворот апостола Павла, где жила его мать Сильвия. Скорее всего, это был один из женских монастырей в Риме — сама Сильвия, а также две родные тетки папы Григория, Тарсилла и Емилиана, теперь причислены Римской Церковью к лику святых.

В папских книгах говорится, что в то время примерно три тысячи монахинь в Риме получали ежегодное содержание из церковной казны.

В соборе Святого Петра папа Григорий проводил богослужения, произносил с его кафедры свои проповеди, говоря через ветхозаветные пророчества о судьбе Рима.

«Мы видим, что одни взяты в плен, другие изуродованы, третьи убиты. А до какого положения дошел теперь Рим, который некогда был властителем мира, мы все хорошо знаем: в нем царит безмерная печаль, граждане его погибли, враги не перестают теснить его и сам он представляет груды развалин, так что на нем, по-видимому, сбылось то, что некогда пророк

Иезекииль предсказывал Самарии». «Поставь котел, налей его водою и сложи в него все куски», — говорится в его толковании на книгу пророка Иезекииля.

И дальше следует объяснение: котел — это основание Рима, в него «вложены куски» — многочисленные народы, стекавшиеся в Рим. Много веков варился этот котел истории — нагревался, кипел, а теперь уже и кости разварились, и вода выкипела, и сам котел, стоящий на углях, — Рим — начал расплавляться...

«Но вот город теперь опустел и разрушен, и в нем раздаются одни стенания. Теперь уже никто более не стремится в него, чтоб найти в нем свое земное счастье. Теперь нет такого сильного и властного, который мог бы, совершая насилие, взять добычу», — звучали в церкви слова, по своему драматизму превышающие все когда-либо слышанные римлянами античные трагедии.

Папа Григорий стремился ввести единый образец богослужения на входящих в его юрисдикцию территориях. С этой целью он лично составил несколько богослужебных сборников.

При соборе Святого Петра папой Григорием была учреждена школа певчих, откуда берут начало знаменитые григорианские хоралы. Причем средневековая традиция приписывает авторство многих песнопений римской литургии самому папе Григорию, у которого среди прочих были и музыкальный, и литературный таланты.

По преданию, свою известную книгу «Собеседования (Диалоги) о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души» папа Григорий писал в конце 593 — начале 594 года, когда Рим осаждало войско вандалов под предводительством короля Агилульфа. Многие жители пригородных селений были убиты или взяты в плен. Римляне были полностью отрезаны от внешнего мира: прекратился подвоз продуктов, почта не работала.

В регистре, куда секретари римских пап обычно заносили всю входящую в Латеранский дворец корреспонденцию, за январь, февраль и март 594 года нет ни одного письма.

В эти дни папа Григорий начинает писать книгу о святых чудотворцах Италии, чтобы укрепить в вере павших духом соотечественников, напомнить, что по воле Бога в любом месте и в любые времена возможны чудеса.

Ведь и святой Бенедикт, которому посвящена вторая книга «Диалогов», и другие святые, описанные в его книге, которую теперь называют древним латинским патериком, жили совсем недавно — каких-нибудь сорок-пятьдесят лет назад...

Подробности о жизни святого Бенедикта папа Григорий узнавал от самих монахов-бенедиктинцев: Гонората — последнего настоятеля в Монте-Кассино, Валентиниана — аббата монастыря в Риме, монахов, которые хорошо помнили и лично общались со святым старцем.

В 580 году монастырь святого Бенедикта в Монте-Кассино был разрушен лангобардами. Монахам удалось убежать в Рим, где их приютил папа Пелагий Второй. И теперь рядом с Латеранской базиликой появился бенедиктинский монастырь, посвященный, как и в Монте-Кассино, Иоанну Крестителю, где нередко бывал папа Григорий.

Его книга «Собеседования (Диалоги) о жизни и чудесах италийских отцов» написана так живо и занимательно, что она стала излюбленным чтением простого народа. В Средние века ее даже называли «чтением для простаков», но она пережила многие высокоумные творения, давая людям надежду и веру в чудеса.

Сочинение написано в форме диалога, который папа Григорий ведет со своим собеседником, диаконом Петром. Потому в Древней Руси автора этой книги стали называть «Двоесловом», то есть «ведущим диалог», или Григорием-собеседником.

В годы, когда на римской кафедре был папа Григорий Первый, появлялось все больше желающих уйти от мира, принять монашеский постриг, в том числе и среди военных. В 592 году император Маврикий даже издал специальный эдикт, по которому солдатам воспрещалось поступать в монастыри, а гражданским чинам переходить на церковные должности. Папа Григорий возмутился таким указом — он слишком хорошо знал

силу молитвы! — и сумел добиться, чтобы цезарь отменил свой эдикт.

А когда императрица Константина потребовала у папы Григория уступить ей для церкви в Византии хранящиеся в Риме мощи апостола Павла, он ответил ей категорическим отказом, пояснив, что не только касаться святых мощей, но даже смотреть на них без благоговения — преступление, за которое можно поплатиться жизнью.

Эта была отличительная черта папы Григория — он на равных общался с цезарями и при этом готов был броситься в ноги монаху.

В сборнике блаженного Иоанна Мосха «Луг духовный» есть интересный рассказ египетского монаха аввы Иоанна о том, как он был в Риме и встретил Григория, папу римского.

«Я ходил в Рим на поклонение гробам святых апостолов Петра и Павла. Однажды я стоял в городе и увидел, что идет папа Григорий и что ему придется проходить мимо меня. Я решил поклониться ему. Заметив мое намерение, каждый из его свиты, один перед другим, говорили мне: „Авва, не кланяйся“. Но я не понимал, почему это, и считал вовсе неприличным не поклониться папе. Когда папа приблизился ко мне, заметив мое намерение поклониться ему — говорю, как перед Богом, братья! — папа первый бросился передо мной на землю и не прежде встал, как я первый встал на ноги. И облобызал меня с великим смиренномудрием...»

Папу Григория глубоко взволновало известие о присвоении константинопольскому архиепископу Иоанну титула «вселенский». Не потому, что он сам хотел его получить — себя-то он называл «слугою слуг Господних», а потому, что увидел в этом умаление прав апостольской Римской Церкви, основанной апостолом Петром. В ответ император Маврикий прислал гневное, ругательное письмо, в котором отчитал папу за вмешательство в дела Константинопольского патриархата.

Историки до сих пор ставят в вину римскому папе Григорию Первому его признание Фоки-узурпатора и адресованные ему верноподданнические письма.

23 ноября 602 года мятежник Фока, простой центурион, устроил государственный переворот в Константинополе и преступно завладел тронem, убив императора Маврикия и пятерых его сыновей. По обычаю, Фока-узурпатор послал в Рим скульптурное изваяние себя самого и своей супруги Леонтии, чтобы римляне с почестями установили их на форуме.

В апреле 603 года духовенство во главе с папой Григорием и народ торжественно встречали изваяния новых властителей Рима.

Должно быть, папа римский предпочел смириться с водружением скульптур, считая их меньшим злом, нежели подвергать римлян новым бедствиям из-за непокорства — теперь от

императора Фоки, и без того запятнавшего себя кровью. И когда папа Григорий выходил к воротам встречать статуи, за его спиной было спокойствие всего Рима. Но это не было проявлением узкого патриотизма, как раз такая черта не была свойственна этому римскому папе.

Как «консул Бога», он посылал из Рима христианских миссионеров для просвещения Галлии, Испании, Британии. Под его влиянием король вестготов Реккаред I принял крещение вместе со своим народом, а многие лангобарды-ариане обратились к истинной вере.

Особенно успешной оказалась миссия, направленная в Британию.

Из «Церковной истории народов англов», написанной английским историком VIII века Бедой Достопочтенным, нам известно, что однажды папа Григорий встретил в Риме проданных в рабство красивых светловолосых юношей. Услышав, что они родом из германского племени англов, он в порыве сочувствия воскликнул: «Не англы, а ангелы!» — после чего направил христианскую миссию в Британию.

Миссию возглавил монах Августин из монастыря Андрея Первозванного. Чем ближе миссионеры продвигались на север, чем больше узнавали о непрекращающихся в Британии войнах, тем сильнее их охватывали страх и нерешительность. Они даже послали Августина обратно, чтобы тот слезно выпросил у папы Григория разрешение

вернуться в Рим, а не идти к воинственным варварам, не знавшим латыни.

Беда Достопочтенный приводит текст ответного письма из Рима от папы Григория:

«Куда лучше было бы вам, любимейшие чада, вовсе не предпринимать сего благородного дела, чем отступить от него в самом начале. Вам долженствует со всем прилежанием вершить ваш благой труд, начатый с упованием на помощь Господа. Поэтому не позволяйте ни тяготам пути, ни злым людским языкам смутить вас, но продолжайте со всем постоянством и рвением творить то, что начали под водительством Божиим. Верьте, что, как ни велика трудность вашей задачи, еще более будет ваше небесное воздаяние».

Он оказался прав в своем упорстве — христианство в корне изменило жизнь англосаксонских королевств, принесло народам Британии веру и просвещение. И римский папа Григорий Первый вошел в историю еще и как «апостол Британии».

В «Церковной истории» Беда Достопочтенного есть еще одно важное послание к Августину, уже первому епископу Кентерберийскому. В нем папа Григорий предостерегает его от действий, которые как раз с тех времен называют вандализмом.

«Сам народ, видя свои храмы неразрушенными и изъяв из сердец заблуждения, будет тем

охотнее стекаться в места, к которым издавна привык, признавая и поклоняясь при этом истинному Богу. Отнять все вдруг у умов загрубелых — это, без сомнения, невозможно, потому что и тот, кто хочет подняться наверх, идет по ступеням, а не вскакивает в один раз».

Папа Григорий Первый скончался в 604 году, на римской кафедре он был 13 лет, 6 месяцев и 10 дней.

Как пишут историки, ему и его последователям удалось сделать невозможное.

«Варварство, как густое облако пыли, поднимаемое разрушающимся зданием, нависло над Римской империей, по которой носились, в образе чумы и других бедствий, ангелы смерти. Мир вступал в критический период нового развития», — пишет немецкий историк Фердинанд Грегоровиус о времени, когда рухнуло древнее и еще недавно самое могущественное на земле государство.

Но оказалось, что под этими руинами есть твердый фундамент, который стал новым основанием для всей жизни Европы, — Церковь. И немалая историческая заслуга в этом принадлежит римскому папе Григорию Первому. Даже протестантский реформатор Жан Кальвин, ярый противник папства, не смог поставить его в общий ряд и называл папу Григория «последним хорошим папой».

А верующим гораздо важнее другое...

Византийский агиограф X века Симеон Метафраст включил в житие святого Григория Великого всего одну историю.

Однажды к Григорию, когда он еще был монахом, сидел в своей маленькой келье и писал, явился нищий. Со слезами в голосе он рассказал, что был кормчим на корабле, но судно потерпело крушение, и он лишился всего — пропало и свое добро, и чужое. Григорий вызвал управляющего монастырем и распорядился, чтобы просителю дали шесть золотых монет. В тот же день нищий пришел снова, рассказал ту же самую жалостную историю и посетовал, что получил слишком мало денег. Григорий велел снова дать ему шесть монет. К вечеру проситель опять вернулся в монастырь, заявив, что уже сильно поиздержался.

«Поверь мне, отче, в ларце не осталось ни одной монеты», — сказал управляющий Григорию. Но тот велел поискать хоть что-нибудь, чтобы дать бедняку, — одежду или ценные вещи. Нашлось серебряное блюдо, на котором его мать, Сильвия, передала к обеду бобы, — и нищий унес его с собой.

Прошло несколько лет. Григорий стал римским папой и, по своему обыкновению, велел казначею позвать двенадцать бедняков, чтобы они разделили с ним трапезу.

Но за столом сидел и тринадцатый гость, лицо которого было чудно мерцающим: «То выступал он под видом старика, то под личиною

юноши». При этом никто, кроме римского папы, его не видел.

Когда трапеза закончилась, папа Григорий отозвал тринадцатого гостя в свою комнату, и тот открылся, что он ангел и уже являлся к нему прежде под видом бедняка, когда получил двенадцать золотых монет и серебряный сосуд. И тогда, видя такое смирение его сердца и непоказное человеколюбие, Господь решил: «Быть тебе понтификом Святой Церкви твоей, ради которой Он также пролил Свою кровь, и преемником Петра, князя апостолов, дабы смог ты доставить каждому все, что ни понадобится».

Конечно, эта история очень похожа на красивую легенду.

Но слова Христа из Евангелия от Матфея о праведниках, которые тринадцатый гость напоминает Григорию, действительно как будто сказаны и о нем:

Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 37–40).

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМ
ИСПОВЕДНИК

(580–662)

← Преподобный Максим Исповедник. Икона. XVII в. Сольвычегодск.

*Чтобы мне не отступить
от правой веры.*

В середине VI века в центре Константинополя рядом с императорским дворцом был построен грандиозный храм Святой Софии, Премудрости Божией.

Этому храму не было равных ни по размерам, ни по красоте. Все в нем поражало воображение: и полы из разноцветного мрамора, и колонны из яшмы и порфира, и великолепные мозаики на стенах, обилие золота и драгоценных камней, и даже само его удачное месторасположение.

«Этот храм представлял чудесное зрелище, — пишет Прокопий Кесарийский, — для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нем — совершенно невероятным. В высоту он поднимается как будто до неба, и, как корабль на высоких волнах моря, он выделяется среди других строений, как бы склоняясь над остальным городом, украшая его как составная его часть, сам украшается им, так как, будучи его

частью и входя в его состав, он настолько выдается над ним, что с него можно видеть весь город, как на ладони» («О постройках»).

Купол в храме Святой Софии получился и во все необыкновенным: через прорезанные наверху оконца храм наполнялся светом, который скрадывал в помещении все простенки и выступы. И казалось, что в храме вообще больше ничего нет, кроме купола — это был образ неба, желанного рая.

Появилась даже красивая легенда, что в храме Святой Софии купол подвешен золотой цепью к небесам.

Но была в храме Софии, Премудрости Божией, еще одна удивительная особенность: он почти не был украшен снаружи. И этим храм как будто всем говорил: помните, главное — не внешняя красота, а то, что находится внутри, содержание, смысл...

Максим Исповедник родился в Константинополе в 580 году в царствование императора Маврикия, в юности повидал правление Фоки-узурпатора, позднее служил в качестве первого секретаря при дворе императора Ираклия.

О его жизни, в особенности до событий, связанных с монофелитской полемикой, известно очень мало.

Примерно в 613 году Максим оставил общественную деятельность при дворце императора Ираклия и принял монашеский постриг в мона-

стыре Хрисополя, города на азиатском побережье Босфорского пролива, напротив Константинополя (современный турецкий город Ускюдар).

Во время завоевания персами Малой Азии игумену монастыря Максиму с его верным учеником монахом Анастасием пришлось бежать. Считают, что какое-то время они жили на Крите и Кипре, а затем поселились в Западной Африке, в Карфагене. Скорее всего, в карфагенском монастыре Эвкратис, где подвизался и святой Софроний, избранный в 634 году патриархом Иерусалимским.

В этот период жизни Максим углубленно изучает творения Григория Нисского и так называемые «Ареопагитики», пишет собственные богословские творения. К одному из его ранних сочинений относят «Главы о любви» — оно состоит из коротких и емких афоризмов о том, что такое любовь человека к Богу.

«Блажен человек, который всякого равно любить может» («Главы о любви»).

Аскетический образ жизни, знание церковной истории, умение четко выражать свою позицию по самым, казалось бы, запутанным вопросам — все это принесло игумену Максиму большой авторитет в монашеской среде и в народе. В то время императоры, многие военачальники, знатные сановники имели «своих» монахов и старцев, у которых спрашивали совета перед началом больших дел, а то и требовали

Собор Святой Софии, Константинополь (современный Стамбул, Турция).

предсказаний. Но даже среди этих монахов игумен Максим считался человеком особенным — к его мнению все прислушивались, оно было очень весомым.

Есть такие люди в каждом веке, которых принято называть совестью нации. Они могут очень редко появляться на людях, но при этом как будто всегда остаются у всех на виду.

В VII веке в Византии таким человеком был, несомненно, монах и писатель Максим Исповедник, который вовсе не принадлежал к высшей церковной иерархии и сознательно удалился из императорского дворца.

Авторитетное мнение игумена Максима потребовалось и тогда, когда ближе к середине VII века в церковной среде появилось новое учение — монофелитство.

Его идейным вдохновителем был константинопольский патриарх Сергий, духовный наставник императора Ираклия, человек во многом незаурядный. Это был большой патриот, вдохновлявший императора Ираклия на войну с персами, апофеозом которой стало возвращение из персидского плена в Иерусалим Животворящего Креста Господня. Поддержка патриарха Сергия была не только моральной. Накануне войны с персами все церкви Константинополя и окрестных земель сдали в казну свои сокровища и золотые украшения, которые были переплавлены в металл для чеканки монет для поддержки государства.

Патриарх Сергий соединял в одном лице и духовного иерарха, и крупного государственного деятеля. Ему давно хотелось примирить правоверных и монофизитов.

После Четвертого Вселенского собора, созванного в 451 году в Халкидоне, продолжалось постепенное разделение Церкви. На западе большинство церковных кафедр придерживались решений Четвертого Вселенского собора, на котором учение монофизитов было осуждено. Но в Сирии, Палестине и Египте учение монофизитов по-прежнему распространялось.

Ересь монофизитов признавала Христа настоящим Богом, но не признавала Его настоящим человеком, и это меняло всю сущность христианства.

«Бог вочеловечился, чтобы человек обожился», — говорил святитель Афанасий Великий — борец с арианами, и эти слова объясняли всю глупину богословского спора.

«Соединяет ли Он действительно Бога и человека или же между ними все та же пропасть и человек обречен на рабство греху, смерти и разделению?» — пишет об этом современный богослов Александр Шмеман.

Когда воевавший с персами император Ираклий пожелал во время остановки в Эдессе причаститься, то Эдесский митрополит Исаия отказал ему в принятии Святых Даров до тех пор, пока император не осудит Халкидонский собор и Томос

римского папы Льва Великого — документ, в котором были изложены православные догматы.

В государственном уме патриарха Сергия родилась идея нового вероисповедования, которое, как ему казалось, должно было примирить монофизитов и диофизитов (халкидонитов).

Слово «монофизит» происходит от греческих слов «монос» (один) и «физис» (природа). Новое учение монофелитов, казалось бы, лишь немного корректировало заключенную в этом слове богословскую формулу. Монофелиты признавали две природы (божественную и человеческую) во Христе, но при этом говорили о единстве в Нем действия и воли: во Христе человеческая воля самостоятельно не проявлялась, но полностью поглощалась волей Божественной.

«Монофелиты опасались признать „естественную“ жизнеспособность человеческого во Христе, смешивая ее с „независимостью“, а потому человеческое оказывалось для них неизбежно пассивным», — объясняет скрытую опасность такого взгляда на христианское учение протоиерей Георгий Флоровский.

Сейчас, в век роботов и радиоуправляемых игрушек, нам легче увидеть абсурдность такого взгляда на природу Христа, но тогда эта идея увлекла многих. Это был некий, как пишут историки Церкви, «теплохладный компромисс», который в чем-то устраивал монофизитов и слишком уступчивых правоверных, которые находились

под обаянием личности патриарха Сергия и стремились к перемирию.

Один из главных сторонников монофелитства — Колхидский митрополит Кир был назначен на Александрийскую кафедру, после чего стал активно распространять свои идеи в Египте.

Игумен Максим с самого начала однозначно не принял монофелитов. Их учение, выросшее в недрах императорского дворца ради государственных мирных целей, незаметно «урезало» личность Иисуса Христа.

«Как возможно, чтобы знали Христа, или чтобы Он давал себя знать как истинного Бога и человека, без Божеского и человеческого действия? Ведь лев, по учению отцов, потерявший способность рыкания, не есть лев, и пес — способность лаять, не есть пес, и все другое, потеряв то, что составляет его природу, не есть уже то, что было...» — выразит Максим свое мнение позднее, во время беседы в Константинополе («Диспут с Пирром»).

Противниками монофелитства стали иерусалимский патриарх Софроний, многие западные епископы. В письмах к патриарху Сергию и патриарху Киру патриарх Софроний умолял их отказаться от выражения «одно действие» как не православного.

Но патриарх Сергий действовал с присущей ему активностью, используя все государственные связи и влияние на императора Ираклия. Ему удалось привлечь на свою сторону и римского папу

Гонория, который увидел в монофелитстве некий примирительный компромисс.

Вскоре патриарх Сергий составил особый эдикт — Эктесис («Изложение веры»), под которым подписался император Ираклий и он сам. Таким образом, монофелитская ересь получила статус государственной доктрины.

В конце 638 года Эктесис был вывешен в Константинополе на стене храма Святой Софии для чтения народом и принятия всей Церковью.

После смерти императора Ираклия, патриарха Сергия и римского папы Гонория начался пересмотр Эктесиса, особенно на западе, и Максим Исповедник принял в этом процессе самое непосредственное участие. На протяжении последующих лет его позиция по отношению к монофелитству оставалась неизменной, и теперь у него появилась возможность публично ее озвучивать.

В 645 году он выступил на публичном диспуте против Пирра, бывшего константинопольского патриарха, одного из главных идеологов монофелитства. Запись этого спора является важным историческим свидетельством о монофелитской смуте. Монофелитство было осуждено несколькими церковными поместными соборами в Африке.

Вскоре игумен Максим переехал на запад, в Рим, где у него было больше единомышленников.

В 649 году в Риме новый понтифик папа Мартин созвал собор, на который прибыли 105 епи-

скопов из Италии, Сицилии, Африки и Сардинии, а также 37 греческих архимандритов, епископов и монахов. Собор открылся в храме Спасителя рядом с Латеранским дворцом, отчего получил название «Латеранский». На нем было осуждено монофелитство и преданы анафеме его защитники.

Максим Исповедник тоже неоднократно выступал на соборе. Он сделал подборку свидетельств против монофелитства по материалам предыдущих соборов и высказываниям признанных Отцов Церкви, его доводы были очень компетентны и убедительны.

Но если на западе монофелитская ересь была осуждена, то на востоке — наоборот, она считалась чем-то вроде государственной религии и даже «веры отцов». Особенно при внуке Ираклия Константе (он вошел в историю с уменьшительным именем «Конст»), который развернул борьбу с противниками монофелитства.

Примерно за год до Латеранского собора по инициативе императора Константа Эктесис был снят со стены храма Святой Софии и вывешен новый указ — Типос, составленный константинопольским патриархом Павлом. Этим документом запрещались всякие дискуссии по поводу количества воли и энергий во Христе.

«Воспрещаем всем нашим подданным католикам спорить впредь каким бы то ни было образом об одной воле и одном действии, о двух

действиях и двух волях, и чтобы содействовать единству Церкви и отнять всякий предлог у желающих спорить без конца, мы повелеваем снять прибитые пред дверьми Великой церкви этого царствующего города папирусы, касающиеся этого вопроса. Кто дерзнет противиться этому повелению, будет подвергнут тяжкой каре» (Цит. по: Ю.А. Кулаковский. «История Византии»).

А после Латеранского собора, который утвердил учение о двух энергиях и волях во Христе, осудил Эктесис и Типос, а также предал анафеме ряд монофелитов, среди которых оказались Кир Александрийский и константинопольские патриархи Сергей, Пирр и Павел, начались уже и преследования. В 653 году римский папа Мартин был арестован и отправлен в ссылку на остров Накос, где больше года провел в тюрьме. Затем его доставили в Константинополь.

Три месяца длился суд — папу обвиняли в измене императору, били и держали в темнице вместе с преступниками, ожидавшими смертной казни. Затем папа Мартин был отправлен в ссылку в Херсонес, в Крым, где скончался 16 сентября 655 года и был погребен в храме в честь иконы Божией Матери Влахернской.

Следующим «государственным изменником» стал Максим Исповедник, который был вызван из Рима в Константинополь.

Как только судно, на котором плыли авва Максим с учениками, причалило к Константинополю,

на корабль явились послы с царскими указами и отряд гвардейцев. Был зачитан приказ из дворца немедленно взять Максима с учениками под стражу, после чего «взяли их с корабля не одетыми и необутыми и, разделив друг от друга, стерегли их в разных помещениях».

Сохранился уникальный документ того времени под названием «Изложение прения, бывшего в секретном помещении дворца между господином аввой Максимом и бывшими с ним (учениками), с одной стороны, и начальником — с другой», благодаря которому известны многие подробности суда в мае 655 года над Максимом Исповедником и его учениками.

Игумена Максима несколько дней держали в тюрьме, затем привели в один из дворцовых залов, где собрался сенат и большое число знатных горожан, и поставили перед восседавшими.

Сакелларий (церковное должностное лицо), который вел заседание, с «великим гневом и яростью» задал подсудимому первый вопрос:

— Христианин ли ты?

— Благодатью Христа, Бога всяческих, я христианин, — ответил игумен Максим.

— Это неправда! — воскликнул сакелларий.

После чего между ними состоялся такой диалог.

— Ты говоришь, что я не христианин, но Бог говорит, что я есмь и остаюсь христианин, — сказал Максим Исповедник.

— Но если ты христианин, то зачем ты ненавидишь царя?

— Но откуда это известно? Ведь ненависть есть скрытое расположение души, равно как и любовь.

— Из того, что ты сделал, всем стало ясно, что ненавидишь царя и его управление, ведь один ты предал сарацинам Египет, Александрию, Пентаполь, Триполь и Африку.

— Но какое этому доказательство?

Да и любой бы удивился, услышав такое заявление: Максима Исповедника обвиняли в том, что из-за него началось великое арабское завоевание!

После смерти Магомета арабы стали претворять в жизнь его идеи, и к середине VII века многие византийские земли уже стали частью огромной арабской исламской империи. Вот только какое отношение к этому имел простой византийский монах?

Нашелся свидетель, который знал это. Некий пресвитер Иоанн вспомнил следующее: когда двадцать лет назад император Ираклий велел претору Нумидии взять войско и идти в Египет против сарацин, тот обратился к монаху Максиму, как к святому человеку, чтобы он высказал свое мнение по поводу предстоящего похода. И авва Максим написал ему в письме, что Богу не благоугодно содействовать Римскому государству при царствовании Ираклия и его рода.

— Если правду говоришь, то, наверное, имеешь как письмо Петра ко мне, так и мое к нему. Пусть представят эти письма, и я подвергнусь определенному в законе наказанию, — сказал немало удивленный всеми этими сведениями игумен Максим.

— Я не имею письма, да и не знаю, писал ли вообще тебе он, но в лагере все говорили в то время об этом.

— Если весь лагерь разговаривал об этом, почему же ты один показываешь на меня? Видел ты меня когда-либо или я тебя?

— Никогда.

Тогда, обратившись к сенату, Максим Исповедник сказал:

— Если справедливо представлять таких обвинителей или свидетелей, то судите, ибо каким судом судите, будете судимы, и какой мерой мерите, будут мерить вам, говорит Бог всяческих.

Привели нового свидетеля, обвинения которого были еще невообразимее. Он заявил, что девять лет назад патриций Гораций начал мятеж, потому что из пустыни к нему пришел монах и рассказал, будто авва Максим видел вещий сон. Будто бы с востока и запада слетелись ангелы: восточные кричали: «Константин Август, ты побеждаешь!» — а западные кричали: «Григорий Август, ты побеждаешь!» — и западные ангелы кричали громче.

Выслушав новую клевету, Максим ответил, что он никому не рассказывал этого сна, никогда не писал об этом, да и вообще такого сна не видел. И прибавил под конец, что наказывать надо того, кто распускает такие слухи, «ибо произвольное дело — сон, а закон наказует только произвольные».

— Шутишь, авва! Не знаешь, где ты находишься! — возмутился сакелларий.

— Не шучу, но оплакиваю жизнь мою, сохранившуюся доньше, чтобы испытать такие выдумки, — ответил ему Максим.

Один человек из зала, патриций Епифаний, заступился за обвиняемого, сказав:

— Видит Бог, он хорошо делает, шутя над этим, если это неистинно.

— Все вообще лгут, ты один говоришь правду? — еще больше рассердился на обвиняемого сакелларий.

При этих словах игумен Максим заплакал и поклялся Богом, что впервые слышит о таком сне от обвинителя, «этого благожелателя империи».

Еще один вызванный на суд свидетель, некий Феодор, заявил, что как-то они беседовали с обвиняемым и тот глумился над царем, допускал в его адрес издевательства и насмешки.

— Никогда, брат, я не разговаривал с тобой, — коротко ответил на это Максим.

Следующий обвинитель оказался ближе всех к теме. Он поведал о том, что однажды в Риме

пришел в келью Максима и показал ему императорский Типос. На слова о том, что царь есть священник, ученик игумена Максима монах Анастасий сказал: «Царь не может быть священником».

Выслушав это обвинение, Максим обратился к истории церковных соборов, когда ариане тоже часто склоняли императоров на свою сторону, но теперь их учение все равно предано анафеме как не истинное. И сказал, что обсуждение догматов Церкви — дело священников, а не царей.

— Разве всякий христианский царь не есть священник? — спросил судья.

— Нет, потому что не предстоит алтарю после освящения Хлеба, не возносит его со словами «Святая святым», не крестит, таинство мира не совершает, не рукополагает и не поставляет епископов, пресвитеров и диаконов, не помазует храмы, не носит знаков священства...

В зале поднялся шум возмущения.

— Говоря это, ты разделил Церковь! — выкрикнул кто-то

А сакелларий, обращаясь к судьям, заявил:

— Скажите экзарху: неужели ты оставишь в живых такого человека, когда имеешь власть!

Игумена Максима вывели из зала и привели его ученика, монаха Анастасия, требуя, чтобы он оговорил учителя в том, что тот якобы плохо отзывался о константинопольском патриархе Пирре.

— Никто так не почтил Пирра, как наставник мой, — тихим голосом сказал Анастасий.

Видимо, в задних рядах его было плохо слышно, и все стали требовать, чтобы он говорил громче.

Но, как пишет автор документа, Анастасий не дозволил себе отступить от «подобающего монахам благоговейного голоса», и стражникам был дан приказ применить к нему силу.

«Они же, подвергая его кулачным ударам, довели до полумертвого состояния» («Изложение прения»).

На этом собрание было закрыто, и обвиняемых увели каждого в свое место под стражу.

На следующий день в тюрьму к игумену Максиму для более доверительного разговора пришли патриций Троил, блюститель царской трапезы Сергей Евфратас и еще кто-то из знатных горожан. Первый вопрос был такой:

— Не имеешь общения с престолом Константинопольским?

— Не имею общения.

— По какой причине не имеешь общения?

Максим им объяснил, почему он не принимает Эксесис и Типос, ссылаясь на решения четырех Вселенских соборов, и почему не может причащаться в церкви вместе с монофелитами.

— Так что же? Один ты спасешься, а все погибнут? — спросил его кто-то.

— Никого не обвинили три отрока, не поклонившиеся истукану, когда все поклонились,

ибо они заботились не о делах других людей, но о том, чтобы самим не отпасть от истины... — сказал Максим Исповедник. А потом ответил на язвительный вопрос: — И мне не дай Бог осудить кого-либо, что я один спасусь, но сколько могу, предпочту умереть, чем страх пред совестью за то, что каким-либо образом преступил веру в Бога.

Но его гостей в первую очередь интересовала политика. В Константинополь как раз прибыли из Рима посланники римского папы и решался вопрос о возобновлении церковного общения.

— А если все-таки соединятся со здешними римляне, что сделаешь? — спросили Максима.

И убедились, что если даже завтра посланники папы за литургией причастятся с патриархом и все его единомышленники сдадутся, Максим и тогда не изменит своего отношения к идеям монофелитов.

По их просьбе игумен Максим достал книги и показал им, какие слова из Священного Писания и святых отцов противоречат тому, к чему теперь склоняют константинопольский патриарх и император Констант.

— Мы знаем действительно, что так это. Однако смотри, не оскорби царя, только ради мира и составившего этот Типос, — сказали гости, придя после содержательной беседы в хорошее настроение.

Один из них даже сказал шутливо:

— Знает Господь, авва, что великую пользу мы получили и отныне досаждать вам своими посещениями будем.

А Сергей Евфратас попенял авве за то, что многие из-за него отделяются от Церкви.

— Кто может сказать, что говорил ему: не имей общения с Церковью византийцев? — удивился Максим, который никогда никого к этому не призывал, а просто имел по этому вопросу четкую личную позицию.

— Это самое именно, что ты не имеешь общения, служит великим призывом ко всем, чтобы не иметь общения, — ответил Сергей.

— Господин мой! Нет ничего сильнее обличений совести, и нет ничего дерзновеннее ее одобрений, — сказал ему на это игумен Максим.

У него было предложение, каким образом можно разрешить возникший конфликт. Когда-то император Ираклий, видя, что идея патриарха Сергия внесла в церковную жизнь новые раздоры, нашел в себе мужество признаться: «Эктесис — не мой: я не диктовал его, не приказывал составлять. Но патриарх Сергей составил его еще за пять лет до моего возвращения с Востока и уже в Константинополе просил обнародовать его от моего имени и с моей подписью — я уступил его просьбам. Но, видя, что от него возникли споры, объявляю всему миру, что я не автор Эктесиса».

С тех пор все считают Эктесис делом патриарха Сергия, а не императора. Почему бы то же самое не сделать императору Константу?

Но визитеры, покачав головами, смолкли, а потом сказали: «Все трудно и безвыходно». Внук Ираклия был не таков, чтобы хоть в чем-то поступиться своей гордостью.

В следующую субботу Максима Исповедника снова привели на допрос во дворец, на котором присутствовал и Петр, патриарх Константинопольский.

В присутствии многочисленных свидетелей игумен Максим сказал, что никогда не хулил царя, но не одобряет монофелитских писаний, «чуждых церковной веры».

— Почему ты любишь римлян, а греков ненавидишь? — задал ему провокационный вопрос сакелларий.

— Заповедь имеем не ненавидеть никого: люблю римлян как единовверных, а греков как единоплеменных, — ответил Максим Исповедник.

На следующий день было вынесено решение: игумена Максима направить в ссылку в Визию (область в Малой Азии), а монаха Анастасия, который не расставался со своим наставником тридцать семь лет, — в Перверис во Фракии, это место считалось крайней границей римских земель.

В момент суда Максиму Исповеднику было семьдесят лет. Он был стар, немощен и болен,

но его лишили даже единственного помощника и каких-либо средств к существованию. В приговоре также значился запрет приближаться ссылкой к морю либо к каким-то людным местам, где им могли бы оказать милость.

Примерно через год ссылки в Визии авву Максима снова посетила делегация — епископ Кесарии Вифинской Феодосий с консулами и прочими государственными людьми. «Диспут в Визии» — еще одно важное свидетельство о преподобном Максиме Исповеднике.

— Как живешь, господин авва Максим? — спросил узника епископ Феодосий.

— Как предопределил Бог прежде всех веков Свое промыслительное обо мне решение, так и живу, — ответил Максим Исповедник.

Этот ответ дал возможность завязать разговор о Промысле Божиим, о предопределении и о том, что иногда есть возможность избежать скорбей ссылки, чтобы наконец перейти к делу.

— Убеждаем принять наши предложения и тем доставить радость всей Вселенной, — объявил узнику Феодосий.

— Какие это, господин? И кто я и откуда, чтобы согласие мое на то, что предлагается мне, доставило радость Вселенной? — спросил Максим.

Тогда посыльные передали слова от патриарха и царя, что они готовы все простить и даже забыть Типос, если игумен Максим согласится войти с ними в церковное общение. Должно быть,

позиция Максима Исповедника все еще смущала римлян, хотя многие из его бывших единомышленников все же приняли монофелитскую ересь.

Максим Исповедник спросил делегатов: а что же делать с термином «одна воля», который для устранения всякого действия соборно утвержден Сергием и Пирром и Павлом? Его нельзя просто замолчать, а для того, чтобы отменить, следует созвать церковный собор в Риме...

На этом переговоры можно было закрывать — все знали, что император и патриарх не хотели в этом вопросе широкой огласки.

Прощаясь, епископ Феодосий дал узнику немного денег и монашескую мантию, хотя вскоре, как пишет автор «Диспута в Визии», у старца все это отобрали «вместе с остальными его жалкими вещами и одеждами».

Через две недели в Визию пришел неожиданный приказ из царского дворца: «Привести монаха Максима с великой честью и заботливостью как по причине его старости и немощи, так и потому, что он от предков наш и был у них в чести».

Старца перевели в город Регию, неподалеку от Константинополя, и поместили в монастырь святого Феодора. Вскоре в монастырь прибыла пышная свита, в числе которой были старые константинопольские знакомые игумена Максима — Епифаний, Троил и недавний его гость епископ Феодосий.

— Прежде скажи: исполнишь ты приказание царя или не исполнишь? — спросил старца Епифаний.

— На неизвестное мне какой могу ответ дать? — ответил Максим.

Но они требовали, чтобы он сказал, что исполнит царский приказ, постепенно перешли на повышенные тона, чего-то хотели, уже кричали и грубили...

— Весь Восток и Запад развращаются, взирая на тебя, и все ради тебя восстают! — воскликнул епископ Феодосий.

А другие стали говорить о том, что царь обещает ему всевозможные почести и милости, если монах Максим войдет с константинопольским патриархом в церковное общение.

«И облобызаем тебя, и подадим вам десницу нашу и со всякой честью и славой введем тебя в Великую церковь, и вместе с собой поставим на том месте, где, согласно обычаю, стоят цари...» — звучали в монашеской келье велеречивые обещания царя в пересказе его придворных.

Но Максима Исповедника все эти восхваления и посулы ничуть не тронули.

— Поистине вся сила неба не заставит меня сделать это, ибо что отвечу — не говорю Богу, но моей совести, — если бы ради славы человеческой, самой по себе не имеющей никакого существования, отрекся я от веры, спасающей любящих ее? — ответил он.

И тогда посыльными царя овладела сильнейшая ярость, и они «подвергли его щипкам, ударам и толчкам, от головы до ног покрыв его многочисленными плевками»...

— Имей в сердце своем, как хочешь, никто тебе не запрещает, — в раздражении сказал Троил.

Сами-то они давно привыкли думать одно, а говорить — другое, тем более когда это сулило выгоду.

Византийский историк VI века Евагрий Схоластик писал о таких «новых христианах», что они «разглагольствовали, как им заблагорассудится, о возвышенных и божественных предметах, всегда болтая одно и то же». Пытаясь друг друга переспорить, они громко кричали и издавали «отвратительные звуки, подобно играющим в кости» («Церковная история»).

Вот и патриций Епифаний, видя, что ему не удастся услужить царю, начал кричать на игумена Максима с угрозами:

— По моему суду мы введем тебя в город, поставим связанного на площади и приведем актеров и актрис, продажных блудниц и весь народ, чтобы каждый и каждая и ударили, и плюнули в лицо твое...

Но потом обвинители вспомнили, что пора завтракать, и если они будут вдаваться в долгие рассуждения, то останутся без еды и питья. В принципе, они получили ответ, чтобы доложить его во дворце.

«Позавтракали и удалились с гневом, и пошли возвестить царю в канун Воздвижения Честного и Животворящего Креста».

Максима Исповедника перевели из монастыря в крепость, где его охраняла стража.

Затем снова был суд над ним и монахом Анастасием, специально приведенным для этого в Константинополь. Доказательством их государственной измены служила и найденная у Анастасия книжечка, которая содержала осуждение Типоса 648 года и мысли Максима Исповедника, высказанные на Латеранском соборе.

По преданию, на этом суде в ответ на слова судей, что уже и римские клирики причастились с патриархом, Максим ответил: «Если и весь мир причастится, я один не причащусь».

По приговору суда монахам Максиму и Анастасию отрубили по правой руке, урезали языки и потом, изувеченных, обвели по всему городу.

Наверняка их провели и мимо храма Святой Софии, на стенах которой вывешивался то Эктесис, то Типос, но внутри был алтарь, и молитва, и Бог...

«Чей ум прилеплен к Богу любовью, тот ни во что ставит все видимое, даже самое тело свое, как бы чужое», — написал Максим Исповедник в «Главах о любви».

«Блажен ум, который, минуя все твари, непрестанно услаждается Божественною красотою».

«Когда ты оскорблен кем-нибудь или в чем уничижен, берегись помыслов гнева, дабы они, по причине этого оскорбления отлучив тебя от любви, не переселили в область ненависти...»

После суда и перенесенных мучений преподобного Максима Исповедника в 662 году сослали в ссылку в Лазику на Кавказе, в том же году он там и скончался в возрасте восьмидесяти двух лет.

Через восемнадцать лет после его кончины в Константинополе состоялся Вселенский собор, где монофелитство было отвергнуто и признано ересью.

Как говорил преподобный Максим Исповедник, Христос назвал Кафолической Церковью ту, которая содержит истинное и спасительное исповедование веры.

ПРЕПОДОБНАЯ
ОДРИ ЭЛИЙСКАЯ

(† 679)

← *Преподобная Одри Элийская*. Фрагмент миниатюры.
Бенедикционал св. Этельвольда. Англия. X в. Британская
библиотека.

*Но показался Господь
славнее ей славы отцов.*

В англосаксонских хрониках упоминается явление, которое летом и осенью 678 года наблюдали жители Британии.

«В августе появилась звезда, называемая кометой; три месяца она появлялась каждое утро и похожа была на солнечный луч».

В древности появление кометы, солнечное затмение и другие необычные небесные явления считались дурным предзнаменованием. А тем более такое — три месяца подряд, до наступления зимних холодов, на небе над древней Британией появлялся знак, напоминающий своими очертаниями огненный жезл.

Но христианами он мог восприниматься иначе — как зримое напоминание о Том, Кто на самом деле правит миром, погрязшем в войнах, и стоит выше всех королей.

*Взирает Царевич с небес высоких
На основанья земли и моря.*

*От взгляда Его ничто не укроется,
Капли дождя Многомудрым исчислены —
Не падет безведанно да не единая —
Отмерил время до дня и часа,
Сколько стоять чертогу земному.*

(«Христос и сатана».

Пер. В. Заславского)

Так пел, подыгрывая себе на арфе, англосаксонский поэт — возможно, пастух-импровизатор Кэдмон Уитбийский.

И, наверное, так думала настоятельница монастыря в Эли Этельдред, бывшая королева Нортумбрийская...

Все предки Этельдреды были завоевателями из германского племени англов. Примерно за два столетия до ее рождения они приплыли с материка, чтобы захватить Британские острова.

Это для римлян, выросших под солнцем Италии, далекий Альбион (от слова — «белый», такими они увидели берега Британии из светлого известняка) казался холодным, неприветливым краем света. В книгах древних римлян часто встречается ворчанье на промозглые дожди, туманы, непривычные морозы и замерзающие реки в самой северной их провинции.

А вот в глазах вождей северных германских племен Британия всегда была «прекраснейшим из островов», примерно такой, как ее описывает средневековый писатель Гальфрид Монмутский:

«Обильная всякого рода металлами, она обладает широко раскинувшимися полями, а также холмами, пригодными для богатого урожаями земледелия, на которых благодаря щедро родящей почве в подобающее им время вызревают всевозможные земные плоды».

Но до начала V века и плодородные земли, и леса, и пастбища, где растут «травы и цветы различной окраски», и богатые рыбой озера находились под охраной римлян.

В 410 году из Британии были отозваны два последних римских легиона — войска срочно понадобились для защиты Италии от варваров. И когда всем стало ясно, что назад они уже не вернуться, на остров лавиной хлынули германские племена — саксы, англы, юты, фризы, швабы.

Примерно на два столетия Британия превратилась в одно большое поле битвы.

По подсчетам современных историков, на остров переправилось не менее двухсот тысяч германцев, и примерно за сто лет, начиная с 430 года, коренное население частично было истреблено, частично слилось с захватчиками.

Отголоски тех нескончаемых сражений сохранились в легендах о короле Артуре, отважном вожде племени бриттов.

В хронике «История бриттов», которую в начале IX века написал валлийский монах Ненний, говорится, что героический король Артур одержал 12 побед над саксами!

Впрочем, современные историки сомневаются в существовании такой исторической личности, как король Артур, и считают его неким собирательным образом героя-защитника тех времен, когда по всей Британии «из скрещивавшихся в единоборстве мечей сыпались искры, и их сверкание порождало громовые раскаты» (Гальфрид Монмутский. «История королей Британии»).

Средневековые романы о благородном короле Артуре, рыцарях Круглого стола и их прекрасных дамах не имеют ничего общего с тем, что сообщается в англосаксонских хрониках о том времени.

«Стены всех городов были подвержены ударам таранов, их обитатели вместе с предстоятелями Церкви, священники вместе с народом повергались наземь, в то время как повсюду сверкали мечи и сверкало пламя. Печальное зрелище! Повсюду на улицах, среди камней поверженных башен, стен и святых алтарей лежали тела, покрытые запекшейся красной кровью, словно их раздавил некий чудовищный пресс, и не было для них иных гробниц, кроме развалин домов или внутренностей диких зверей и птиц небесных... Иные из оставшихся несчастных были загнаны в горы и безжалостно зарезаны. Другие, изможденные голодом, вышли и покорились врагу, готовые принять вечное рабство за кусок хлеба, если только их не убивали на месте», — пишет очевидец тех событий — бриттский монах и писатель VI века Гильдас Мудрый в сочинении «О гибели Британии».

В VII веке, когда родилась Этельдредра, на территории Британии существовало уже семь англосаксонских независимых королевств, так называемая англосаксонская гептархия (семицарствие).

В северной части острова — Нортумбрия, в центральной — Мерсия, в крайней южной части — Кент (юты), на юге и юго-западе — Уэссекс (западные саксы), Суссекс (южные саксы) и Эссекс (восточные саксы), на востоке — Восточная Англия.

Королевства бесконечно воевали друг с другом, или, как с английской сдержанностью пишет средневековый английский автор Вильям Мальмсберийский, «согласно превратности времен — ныне один, а затем другой могли расширять собственные границы через свою отвагу или же терять их по своей лености» («Хроника королей Англии»).

Этельдредра была дочерью короля восточных англов Анны, у которого был сын-наследник Иурмин и пять дочерей: Сексбурга, Этельбурга, Сестрит, Этельдредра и Витбурга. Самой известной из его детей, несомненно, стала принцесса Этельдредра, или Этельтрит, чье имя значит «благородная сила». В историю она вошла под именем Одри Элийская.

Считается, что Этельдредра была пятым ребенком в королевской семье и родилась примерно в 630 (или 636) году в Экснинге, на территории современного графства Саффолк.

О жизни этой девушки немного рассказывает в «Церковной истории народа англов» крупнейший англосаксонский историк и духовный писатель VII–VIII веков Беда Достопочтенный.

Также сохранилось «Житие святой Этельдруд, девственницы», написанное в X веке бенедиктинцем Эльфриком Грамматиком.

Этельдредра выросла в королевском дворце и с детских лет была воспитана в христианской традиции: ее крестил епископ Феликс, которого называют апостолом земель восточных англов.

Наверное, история древних англов могла бы состоять из сплошной череды захватнических войн, где «каждый хватал для себя жадной лапой все, что доставили ему удача и смелость», если бы не важнейшее событие конца VI века.

В 596 году римский папа Григорий Двоеслов направил из Рима в Британию апостольскую миссию, чтобы обратить англосаксонских королей и их народ в христианство.

«На 147-м году после прибытия англичан в Британию, в 14-й индиктион, папа Григорий божественным вдохновением послал Августина, раба Божьего, в сопровождении ряда других набожных монахов, проповедовать слово Божье народу англов», — говорится в хронике Флоранса Вустерского.

Беда Достопочтенный рассказывает много интересных подробностей об этой трудной миссии.

Этельберг, король южного Кента, где как раз высадился Августин с монахами-бенедиктинцами, довольно долго держал миссионеров на острове Танет, со всех сторон окруженном водой, — присматривался к непрошеным гостям. Под влиянием жены, франкской принцессы и христианки, он все же решил выслушать посланников из Рима, да и то на свежем воздухе, так как опасался, что в помещении «магия» Августина будет действовать слишком сильно. В результате он и его подданные первыми из англосаксов приняли крещение.

Другому миссионеру из Рима, Паулину, пришлось дожидаться несколько лет, прежде чем его допустили ко двору короля Нортумбрии Эдвина. Король северных земель собрал совет старейшин, на котором прозвучало мнение, что, раз «старые боги» стали неохотно им помогать, можно испробовать силу нового Бога — Христа. На том совете один из приближенных короля произнес замечательные слова, сравнив человеческую жизнь с воробьем, который влетает в пиршественный зал из тьмы и стужи.

«И вот через зал пролетает воробей, влетая в одну дверь и вылетая в другую. В тот краткий миг, что он внутри, зимняя стужа не властна над ним; но тут же он исчезает с наших глаз, уносясь из стужи в стужу. Такова и жизнь людская, и неизвестно нам, что будет и что было прежде. Если новое учение даст нам знание об этом, то нам

следует его принять» — цитирует в своей «Истории» это выступление Беда Достопочтенный.

Первым обратившимся в христианство в королевстве Восточная Англия стал отважный король Редвальд, после победы над Нортумбрией какое-то время даже носивший титул бретвальды — повелителя Британии. Побывав у Этельберга в Кенте, он тоже решил крестить свой народ, но, вернувшись домой, как пишет Беда, на всякий случай поставил в своем храме алтарь Христу рядом с алтарями языческих германских богов.

Но кто уж точно всей душой принял Христа, так это король восточных англосаксов Сигеберт, который на пятый год правления добровольно передал трон своему соратнику Эгрику, а сам ушел в монастырь.

Когда в 636 году на Восточную Англию напали мерсийцы, все стали просить Сигеберта возглавить войско, а потом силой похитили его из монастыря и привезли на поле битвы. Сигеберт повел армию в сражение, но сам вышел на бой без оружия, с одним монашеским посохом в руке, и сразу же был убит.

В том же бою погиб и его воспреемник Эгрик, после которого королем восточных англосаксов стал Анна, двоюродный брат Сигеберта.

Свою старшую дочь, Сексбургу, он выдал замуж за кентского короля Эркконберта, упрочив тем самым союз с южным соседом.

Еще одну из дочерей, Этельбургу, и приемную дочь Сестрит король Анна оправил в монастырь в Галлию. Этельбурга станет настоятельницей монастыря в Фармутье (восточнее Парижа).

Подошла очередь четырнадцатилетней Этельдреды, чьей красоте и чистой душе Беда Достопочтенный даже посвятил поэтический гимн:

*Славой отцов была, родом и властью богата,
но показался Господь славнее ей славы отцов.
Красою она цвела на троне подзвездного царства,
и, выше звезд утвердившись, красою она цвела.
Где же найти жениха, чтоб тебе, госпожа, подошел он?
Если жених твой Христос, где же найти жениха?*

(Пер. В. Эрлихмана)

Король Анна лично подыскал для Этельдреды жениха — им стал правитель небольшого королевства Южный Гирве Тонберг, чьи земли находились рядом с границами Мерсии. С мерсийцами у восточных англов не прекращалась вражда, следовательно, замужество Этельдреды тоже имело стратегическое, военное значение.

Несомненно, что в своей расчетливости и дальновидности король Анна был достойным сыном своих предков.

По преданию, племя англов явилось на остров, когда саксы изнемогали от бесконечных битв. Войнам сопутствовал голод, так как все поля и пастбища пришли в запустение, а также эпидемии — живые не успевали хоронить мертвых.

Одно моровое поветрие длилось одиннадцать лет, выкосив целые города, не разбирая, бритты в них живут или саксы.

И вот, выждав момент, когда эпидемия пойдет на убыль, на остров высадилось многочисленное германское племя англов. «Собравшиеся в несметном числе мужчины и женщины (англы) отплыли в Британию и, высадившись в Нортумбрии, заселили все опустевшие области от Альбании вплоть до Корнубии. Ведь нигде не было местного населения — кроме кучки выживших бриттов, ютившихся в делях валлийских лесов, — которое могло бы им хоть сколько-нибудь воспротивиться. С этой поры островная держава бриттов перестала существовать и на острове стали властвовать англы», — сообщается об этом в «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского.

Этельдреда не стремилась к замужеству и, скорее всего, в глубине души надеялась, что отец отправит ее к сестрам, в монастырь в Галлию.

Для нее, как и для многих ее современников, монастырь являлся спасительной альтернативой войне с ее кровавым кодексом чести.

Храмы и монастыри были также центрами образования, литературы, искусств, художественных ремесел. При многих монастырях существовали библиотеки, работали переписчики книг — в особенном почете были мастера, умевшие еще и искусно украшать рукописи.

Но Этельдредра родилась в королевской семье, где мужчины появлялись на свет, чтобы воевать, а женщины — помогать отцам и братьям обретать союзников. Она не могла послушаться отца и согласилась на замужество.

По обычаям того времени, был королевский свадебный пир, где рекой текло вино, и гости, передавая друг другу арфу, пели о великих сражениях и отважных героях.

Но, как оказалось, жениху тоже нравились другие песни. Тонберг высоко чтит иноческую жизнь, мечтал жить в воздержании, у него был свой «Вождь достославный», «Незримый витязь», «Державец победный», как называют Христа во многих древнеанглийских сказаниях.

*Вместе собравшись дружиною сильною,
Славу мы пели Ратеначальнику.
Стройно звучали арфы небесные.
Пир возглавлял наш Бог благолюбящий,
Мы ж восседали подле любимого...*

(«Христос и сатана».

Пер. В. Заславского)

После свадьбы Этельдредра переехала жить в королевство Южный Гирве. Эти земли были со всех сторон окружены болотами, знаменитыми Кроуландскими топями, куда редко заглядывала даже война.

Этельдредра и Тонберг были словно созданы друг для друга и жили здесь в уединении, как брат с сестрой. Но примерно через три года Тонберг неожиданно скончался.

После его смерти Этельдред с несколькими слугами перебралась на маленький остров Эли («Эли» означает «остров угрей», в топях водилось много этой рыбы) и стала жить еще более уединенно. Надежными стенами ее имения, похожего на монастырь, были окружавшие со всех сторон остров болота и вересковые пустоши.

«Если и от добрых речей надобно иногда воздерживаться ради добродетели молчания, сколько более подходит бегать плохих речей из страха наказания за грех», — сказано в Уставе святого Бенедикта Нурсийского (глава 6, «О молчании»), по которому жила часть монастырей древней Англии.

В 655 году в сражении с мерсийцами погибли отец Этельдреды король Анна и ее брат Иурмин, приняв почетную для древних англов смерть на поле боя, с оружием в руках.

В середине XX века в Англии в Саттон-Ху на территории графства Саффолк археологами была сделана сенсационная находка: они обнаружили захоронение англосаксонского короля, жившего на рубеже VI–VII веков.

Древнее захоронение представляет собой большой погребальный корабль внутри земляного кургана, в котором лежали оружие, доспехи, украшения, столовая утварь. Ученые считают, что это захоронение англосаксонского короля Редвальда, но есть версия, что оно принадлежит его сыну Этельхеру или даже его брату — королю Анне.

И тогда нам стоит внимательнее присмотреться к круглому щиту, украшенному драгоценными камнями, мечу с золотой рукояткой, ложкам с именами «Павел» и «Савл», судя по всему, привезенным из Византии, кошелю, набитому деньгами из Галлии. А посреди этих сокровищ была найдена искореженная шестиструнная лира, завернутая в бобровую шкуру...

«Коль скоро я первым вступал в сражения, стяжая победы! — и так да будет, покуда жив я, покуда мне верен клинок испытанный», — звучит в древней поэме «Беовульф» гимн англосаксонских королей, возможно, когда-то исполнявшийся под перебор этих струн.

Не больше пяти лет удалось прожить Этельдред в уединении на острове Эли.

После смерти отца королевством Восточная Англия стал править ее родной дядя, король Этельвольд.

Он всеми силами старался упрочить дружбу с северными соседями — нортумбрийцами, чтобы вместе выступить против Мерсии. И в связи с этим вспомнил об Этельдред, решив выдать ее замуж за Эгфрида, сына короля Нортумбрии.

С тяжелым сердцем приняла Этельдред это известие.

К тому времени даже младшая из дочерей короля Анны, Витбурга, укрылась от всех в небольшом городке Дерехэм (современное графство

Норфолк), где основала небольшой монастырь. Лишь Этельдреду чужие амбиции никак не хотели оставлять в покое.

Старинная английская поговорка гласит: «Примиришься с тем, что нельзя изменить». Она дала согласие на этот брак, когда узнала, что принцу Эгфриду всего пятнадцать лет и их союз будет делом чисто политическим, свободным от супружеских обязательств.

И действительно, этот брак послужил дружбе королевства Восточная Англия с Нортумбрией. Впоследствии королю Этельвольду даже удалось заключить мирное соглашение с Мерсией, а мерсийский король Вульфхер принял христианство. *Блаженны миротворцы...* (Мф. 5: 9)

Этельдреда была теперь королевой Нортумбрийской. Для своего юного мужа она являлась кем-то вроде старшей сестры или учительницы — наставляла его в христианском учении и добродетели, они вместе совершали поездки по монастырям.

Возможно, они вместе посещали монастырь в Колдингеме, основанный святой Эббой — теткой Эгфрида, а также известный в то время монастырь в Уитби.

Перед решающей битвой с мерсийцами Озви, отец Эгфрида, дал обет в случае победы построить двенадцать монастырей, а одну из дочерей постричь в монахини. Он победил — и в исполнение своей клятвы посвятил в монахини

годовалую дочь, а также выделил под монастыри двенадцать участков земли.

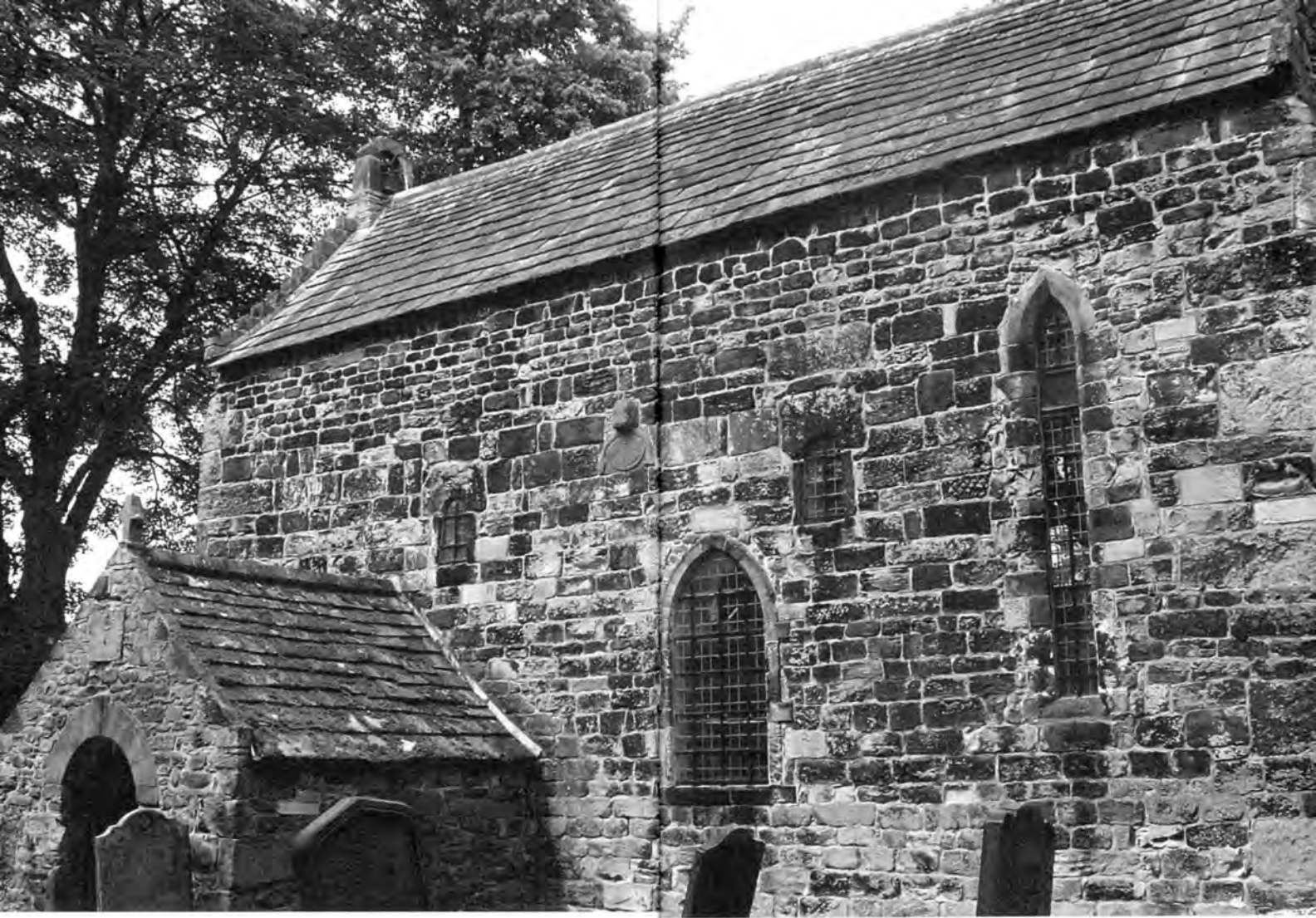
Самым известным из них стал монастырь в Уитби, первой настоятельницей которого была нортумбрийская принцесса Хильда. Этот монастырь стал и школой молитвы, и центром богословия. В 664 году именно здесь проходил церковный собор, где решался спор между римским и кельтским способами исчисления Пасхи, который принял сторону «римского обычая».

В 670 году король Озви умер от болезни, двадцать восемь лет процарствовав на троне. В том же году двадцатипятилетний Эгфрид был объявлен королем Нортумбрии, и его отношение к Этельдредде после этого заметно изменилось.

Он стал требовательным и властным, настаивал, чтобы Этельдредда стала ему супругой по существу, родила наследника. Это было нарушением всех их прежних договоренностей, и Этельдредда сильно встревожилась.

Она обратилась за советом к архиепископу Вильфриду Йоркскому, другу семьи — король Озви даже собирался совершить с ним паломничество в Рим, но этому помешала его смерть.

Архиепископ Вильфрид Йоркский тоже считал, что в таких обстоятельствах Этельдредда может быть свободна от брака, и направил ее в монастырь Колдингем, к аббатисе Эббе. В этом монастыре архиепископ Вильфрид постриг Этельдреду в монахини.

Одна из древнейших сохранившихся
англосаксонских церквей. Эскомб,
графство Дарем, Англия. Кон. VII – нач. VIII в.

Король пытался всеми способами, в том числе и подкупом, склонить Вильфрида, чтобы тот велел Этельдреде вернуться во дворец.

«Король Эгфрид желал пожаловать ему [архиепископу Вильфриду] земли и много денег, если бы он заставил и склонил королеву разделить с ним постель, ибо знал... что никого не любила она больше, чем его [Вильфрида]», — пишет Беда Достопочтенный.

Но архиепископ не пошел ни на какие сделки, и король не простил ему этого — позднее Вильфрид будет изгнан из Нортумбрии.

С большой неохотой, но Эгфриду все же пришлось дать согласие на развод с принявшей монашеский постриг королевой.

В 673 году Этельдредка возвратилась на свой любимый остров Эли и стала настоятельницей основанного ею там монастыря. Существует легенда о том, что в последний момент король передумал ее отпускать, пустился в погоню, но был остановлен внезапным разливом реки Хамбер и повернул обратно.

По другой легенде, по пути Этельдредка заночевала в деревне Уэст-Хелтон, совершив там чудо, и в Средние века это селение носило название Этельдредстоу — «Святое место Этельдреды». Но какое именно чудо, с течением времени позабылось.

Беда Достопочтенный пишет, что король даже посылал на остров Эли военный отряд, чтобы

вынудить Этельдреду вернуться, но это тоже не принесло успеха.

Спустя несколько лет Эгфрид вторично женился. Его вторую жену звали Эорменбургой, от этого брака у них родился сын Эгберт.

Вся дальнейшая жизнь короля Эгфрида была заполнена сражениями: он воевал с пиктами, совершал набеги на Ирландию и в возрасте примерно сорока лет погиб в бою.

А Этельдреда больше не покидала свой монастырь в Эли, и теперь мало кто узнал бы в этой женщине, одетой в платье из грубой шерсти, бывшую королеву Нортумбрийскую.

Она больше не носила одежды из тонких льняных и шелковых тканей, не надевала на себя украшений и от других отличалась лишь тем, что вела еще более строгий образ жизни — словно хотела получить прощение за те дни, что вынуждена была проводить в дворцовой роскоши.

Как сообщает Беда Достопочтенный, Этельдреда принимала пищу один раз в день, мылась в холодной воде, а по ночам подолгу молилась «за тех, кто не желал больше молиться».

«Да ведаем при том, что не за многоглаголанье бываем услышаны, а за чистоту сердца, сокрушение и слезы», — записано в уставе бенедиктинских монахов (глава 20, «О благоговеинстве в молитве»).

После смерти мужа в монастырь Эли приехала старшая сестра Этельдреды, Сексбурга,

вдовствующая королева Кента, и тоже стала жить здесь как простая монахиня. До совершеннолетия старшего сына ей пару лет пришлось самой управлять Kentом, и это был первый случай женщины на троне в истории англосаксонских королевств.

В Кенте Сексбурга основала монастырь Шеппи — на том самом месте, где 25 декабря 597 года в праздник Рождества Христова святитель Августин крестил десять тысяч англов (это событие папа Григорий упоминает в письме к папе Евлогию Александрийскому). Но все-таки остров Эли был ей более всего по душе — наверное, потому, что это был не просто монастырь, а пустынь, только на английский манер — среди болот и зарослей тростника.

Старшая сестра ухаживала за Этельдредой, когда та тяжело заболела. По преданию, у нее образовалась опухоль на шее. Этельдредка говорила, что это ей наказание за то, что приходилось носить на себе дорогие украшения, и Бог хочет, чтобы она искупила этот грех.

В древнеанглийской поэзии много говорится о золоте как о демонстрации земного могущества — золото на доспехах, золотая посуда на пирах, золотые украшения королей и королев... В поэме «Беовульф» короля называют «прославленным владыкой, дарующим золотые кольца». Золото и драгоценности были символом королевской власти.

Незадолго до смерти лекарь Кюнефрит сделал Этельдреде операцию. Он рассказал об этом Бедо Достопочтенному, когда тот собирал сведения о жизни Этельдреды Элийской.

Как говорила мученица Синклитикия, основательница женского монашества, «великий подвиг — терпеливо переносить болезни и среди них возсылать благодарения Богу. Мы лишились очей — не будем печалиться: внутренними очами мы можем созерцать славу Божию. Лишились слуха — будем благодарить за то, что вовсе не будем слушать пустых речей. Не действуют руки или вовсе тело страдает болезнью, но через это умножается здоровье внутреннего человека».

Впрочем, обладавшая даром предвидения Этельдредка знала, что ей суждено умереть не от этих болезней, а от «черной смерти». Она назвала день своей кончины, а также число сестер и братьев в монастыре, которым не удастся избежать эпидемии чумы, что и произошло в 679 году.

В последние минуты земной жизни у ее одра был священник отец Хуна, он напутствовал переход «от боли и смерти к вечной жизни и здравью».

«Выходя замуж за Тонберга, а потом за короля Эгфрида, Этельдредка символизировала супружество как неизбежную обязанность женщины-христианки. Однако небесное предназначение Этельдреды позволяло ей отдать должное как своему земному, так и небесному предназначению, что делало ее личность истинно

незаурядной», — пишет один из исследователей англосаксонской агиографии Марк Омельницкий.

Должно быть, еще при жизни Этельдреды кто-то сомневался, как такое возможно — дважды выйти замуж и остаться девственницей.

Предвидя подобные вопросы, автор жития Эльфрик Грамматик делает уточнение: епископ Вильфрид лично подтвердил самому Беде Достопочтенному непорочность Этельдреды, так как «многие сомневались, что это была правда».

А посмертное чудо Этельдреды Элийской сразу заставило замолчать всех скептиков.

В 695 году новая настоятельница монастыря в Эли Сексбурга, родная сестра Этельдреды, решила поместить останки сестры в более подобающую раку. Мощи святой Этельдреды были найдены нетленными, а опухоль — исцеленной, чему было большое число свидетелей.

С тех пор монастырь в Эли стал постоянным местом паломничества.

Простой народ любил святую Этельдреду, или, как ее стали называть, Одри (от английского слова «мишура» и обычая надевать на себя в день святой Этельдреды простенькие ожерелья). Многие верили, что они помогают исцелять болезни шеи и горла.

Монастырь в Эли называют королевским. Первыми его настоятельницами были Этельдредка и Сексбурга, затем настоятельница стала дочь Сексбурги Эрменгильда, а следом и ее дочь

Преподобная Одри Элийская

(внучка Сексбурги) Вербурга, несколько поколений королев-христианок...

В истории христианства VII век стал неким пограничным временем, рубежом: Православие окончательно стало государственной и даже национальной верой Византии.

В это же время огромные отряды мусульман (дословно «верующие»), вдохновленных идеями пророка Магомета, двинулись из Аравии на завоевание мира.

Появление ислама словно провело незримую черту, отделяющую раннюю Византию от поздней. Но наступили не последние времена, как думали в то время многие.

Просто начался другой исторический этап.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Аврелий Августин, блж.

Исповедь.

О блаженной жизни.

О пользе веры.

Об обучении оглашаемых.

Об учителе.

Христианская наука, или Основания герменевтики и церковного красноречия.

Авсоний. Стихотворения.

Аммиан Марцеллин. Римская история.

Афанасий Великий, свят. Житие Антония Великого.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана. СПб., 2001.

Беовульф / Пер. В. Тихомирова // Библиотека всемирной литературы. Серия 1. Т. 9. М., 1975.

Василий Великий, свят.

Беседы на Шестоднев.

Письма.

Вергилий. Энеида.

Вильям Мальмсберийский. Хроника королей Англии.

Гальфрид Монмутский. История королей Британии.

Гильда Мудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер. Н. Ю. Чехонадской. СПб., 2003.

Григорий Двоеслов, свт.

О пастырском служении.

Собеседования (Диалоги) о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души.

Толкования на книгу Иова.

Григорий Нисский. Послание о жизни святой Макарины.

Димитрий Ростовский, свт. Жития святых.

Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

Евсевий Памфил.

Жизнь блаженного василевса Константина.

Церковная история.

Иероним Стридонский, блж.

Письмо к Евстохии.

Житие Павла Пустынника.

Иоанн Златоуст, свт.

Беседа XXX на Деяния апостолов.

Евтропий, патриций и консул. Проповедь I.

О святом священномученике Вавиле.

О статуях.

Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни.

Шесть слов о священстве.

Иоанн Мосх. Луг духовный.

Лактанций. О смерти гонителей.

Либаний.

Жизнь, или О собственной доле.

К императору Феодосию о мятеже.

Речи.

Хвалебное слово царям, в честь Констанция и Константа.

Максим Исповедник.

Главы о любви.

Диспут с Пирром.

Изложение прения, бывшего в секретном помещении дворца между господином аввой Максимом и бывшими с ним с одной стороны и начальниками — с другой.

Письма.

Палладий. Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста.

Прокопий Кесарийский.

Война с готами.

О постройках.

Симеон Метафраст. Житие Григория Великого.

Сократ Схоластик. Церковная история.

Феодорит Кирский. Церковная история.

Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофила.

Феофан Затворник, свт. Древние иноческие уставы.

Феофилакт Симокатта. История.

Флоренс Вустерский. Хроника.

Эвнапий Сардиец. Продолжение истории Дексипповой.

Литература

- Аверинцев С. С.* Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. М., 1970.
- Адамов И. И.* Святитель Амвросий Медиоланский. Сергиев Посад, 2006.
- Азимов А.* Рим: от триумфа до краха империи. М., 2009.
- Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 2009.
- Алфионов Я. И.* Император Юлиан и его отношение к христианству. М., 2012.
- Англия: Автобиография / Под ред. Дж. Льюиса-Стемпела. М.; СПб., 2008.
- Аскетирион. Православное монашество в Египте IV–V веков / Сост. монах Лазарь (Афанасьев). М., 2003.
- Бахметева А. Н.* Рассказы из истории христианской церкви. От I века до половины XI века. М., 1994.
- Блаженный Августин / Сост. и авт. предисл. В. Г. Безрогов. М., 2002 (Антология гуманной педагогики).
- Брук К.* Саксонские и нормандские короли. М., 2011.
- Вейс Г.* История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь. Иллюстрированная энциклопедия в 3-х т. Том 2. «Темные века» и Средневековье (IV–XIV вв.). М., 2000.
- Величко А.* История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия. М., 2012.

- Гаудат Г.* Каир. Каирский коптский музей. Древние церкви. Каир, 2000.
- Гвоздецкая Н. Ю.* Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Иваново, 2001.
- Герье Н.* Блаженный Августин. М., 2003.
- Гидулянов П. В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских соборов. Ярославль, 1908.
- Глебов А. Г.* Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007.
- Грегоровиус Ф.* История города Рима в Средние века. М., 2008.
- Диспут с Пирром: прп. Максим Исповедник и христологические споры VII столетия.* М., 2004.
- Еписфанович С. Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 2003.
- Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 2006.
- Кулаковский Ю. А.* История Византии. СПб., 1996.
- Ларше Ж.-К.* Преподобный Максим Исповедник — посредник между Востоком и Западом. М., 2004.
- Лебедев А. П.* Вселенские соборы IV и V веков. Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. СПб., 2004.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Лопухин А. П.* Жизнь и труды святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1895.

- Не отступить от православной веры. Материалы исповеднического подвига преподобного Максима Исповедника. М., 2010.
- Нессельштраус Ц.* Искусство раннего Средневековья (Новая история искусства). СПб., 2000.
- Омельницкий М. П.* Святые и чудотворцы древней Англии. Англосаксонская агиография. Нью-Йорк, 2001.
- Османкина Г. Ю., Белов С. А.* «Храмовый образ» как выражение духовного идеала христианства в культуре Византии. Омск, 2009.
- Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998.
- Поселянин Е.* Пустыня: очерки из жизни фиваидских отшельников. М., 1995.
- Приможенов Н.* Устав иноческой жизни Василия Великого и сравнение его с уставом св. Пахомия. Казань, 1900.
- Рождественский Д., свящ.* Элемент современности в словах и беседах Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Сергиев Посад, 1907.
- Сокровища египетских пустынных. Памятники коптского искусства и письменности в собрании Эрмитажа. СПб., 1999.
- Тронд Берг Эриксен.* Августин. Беспокойное сердце. М., 2000.
- Тьерри А.* Римское общество в век блаженного Иеронима. Чернигов, 1912.

- Тьерри А.* Святой Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. М., 1884.
- Фараго А.* Орден Св. Бизнесмена. Деловые советы мудрого монаха. Ростов н/Д, 2004.
- Флоренский П., свящ.* Антоний романа и Антоний предания // Богословский вестник. 1907. № 1. С. 119–159.
- Христианский Египет: Сборник. М., 2005.
- Чекалова А. А., Даркевич В. П.* Культура Византии. IV–XII вв. Быт и нравы. Прикладное искусство. М., 2011.
- Шмеман А., прот.* Исторический путь Православия. М., 1993.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

С. 13. Равноапостольный император Константин Великий. Фрагмент мозаики. Собор Святой Софии, Константинополь, Византия. Втор. пол. X в. Репродукция: www.wikimedia.org

С. 42–43. Триумфальная арка Константина. Рим, Италия. 315 г. Фотобанк Shatterstock

С. 55. Преподобный Антоний Великий. Икона. Тзортзи (Зорзис) Фука. XVI в. Монастырь Дионисиат, Афон, Греция. Репродукция www.guicon.ru

С. 80–81. Монастырь Святого Антония. Египет. Фотобанк Shatterstock

С. 85. Преподобная Эмилия Кесарийская (Каппадокийская). Икона. Юрий Андреев. 2014 г.

С. 104–105. Пещерные монастыри. Каппадокия, Турция. Фотобанк Shatterstock

С. 119, оформление обложки. Святитель Иоанн Златоуст. Фрагмент мозаики. Собор Святой Софии, Константинополь, Византия. Кон. IX в. Репродукция: www.wikimedia.org

С. 124–125. Пещерная церковь Святого Петра в Антиохии (современная Антакия, Турция). I в. Фотография: Onur Volkan Hatem, CC Attribution-ShareAlike 2.5 Generic

С. 167. Блаженный Августин. Фрагмент мозаики. Собор Святого Марка, Венеция, Италия. XII в. Репродукция: www.guicon.ru

С. 196–197. Раскопки баптистерия Сан-Джованни алле Фонти, Милан, Италия. Кон. IV в. Предположительное место крещения св. Августина. Фотография: A ntv, CC Attribution-ShareAlike 3.0 license.

С. 207. Преподобный Бенедикт Нурсийский. Фрагмент фрески. Фра Беато Анджелико. Монастырь Святого Марка, Флоренция, Италия. XV в. Репродукция: www.wikipedia.org

С. 220–221. Монастырь Святого Бенедикта около Субиако, Италия. IX в. Фотобанк Shatterstock

С. 237. Святитель Григорий Двоеслов. Икона. Тзортзи (Зорзис) Фука. XVI в. Монастырь Дионисият, Афон, Греция. Репродукция: www.ruicon.ru

С. 252–253. Колонна Траяна на форуме Траяна. Рим, Италия. 113 г. Фотобанк Shatterstock

С. 267. Преподобный Максим Исповедник. Икона. XVII в. Сольвычегодск. Репродукция: www.wikimedia.org

С. 272–273. Собор Святой Софии, Константинополь (современный Стамбул, Турция). Фотобанк Shatterstock

С. 297. Преподобная Одри Элийская. Фрагмент миниатюры. Бенедикционал св. Этельвольда. Англия. X в. Британская библиотека. Репродукция: www.wikimedia.org

С. 314–315. Одна из древнейших сохранившихся англосаксонских церквей. Эскомб, графство Дарем, Англия. Кон. VII–нач. VIII в. Фотография Ольги Гусаковой.

Об авторе

Ольга Петровна Клюкина — писатель и сценарист, член Союза российских писателей. Круг ее тем — библейская история, опыт Православия, агиография, просвещение. Родилась в поселке Приволжский Саратовской области, после окончания Саратовского государственного университета работала журналистом, освещая темы культуры и искусства. В настоящее время живет и работает в Москве.

Автор исторического романа «Эсфирь», повестей «Огненный меч Гедеоны», «Братская победа», «Пророк Иона» и других произведений на библейские сюжеты. Автор-составитель полюбившихся читателям сборников христианских притч «Однажды...», «Жил человек», «Отцы-пустынники», «Просто верить», книги «Закон любви. Краткий современный катехизис для тех, кто хочет быть с Богом».

Обращение к Православию считает своим вторым рождением.

Об издательстве

«Живи и верь»

Для нас православное христианство — это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги. В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо — это изменение человеческой души. От зла — к добру! От бессмысленности — к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

Приходите к нам в гости!

Теперь наши книги по издательским ценам
в центре Москвы!

Друзья! Теперь книги «Никеи» по издательской цене можно купить в центре Москвы. Новый магазин расположился в помещении издательства около Арбата. Вы можете приходить и выбирать книги, держать их в руках, рассматривать, можете сесть в кресло и почитать. В магазине представлен полный ассортимент книг издательства: религиозная, художественная, прикладная и детская литература.

+7 (495) 510-84-12 (магазин)

+7 (495) 600-35-10 (издательство)

Адрес: пер. Сивцев Вражек, д. 21, домофон 27к

График работы: пн–чт 10.00–18.00

пт 10.00–17.00

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях!
Интересные события, участие в жизни издательства,
возможность личного общения, новые друзья!

Художественная и религиозная литература

 facebook.com/nikeabooks

 vk.com/nikeabooks

Детская и семейная литература

 facebook.com/nikeafamily

 vk.com/nikeafamily

Мы рекомендуем

Ольга Клюкина
Святые в истории
Жития святых в новом формате
I–III века

Первая книга серии «Святые в истории» посвящена эпохе гонений I–III веков. Вплоть до Миланского эдикта 313 года, провозгласившего религиозную терпимость в Римской империи, периоды относительного спокойствия сменялись волнами жестоких преследований христиан. Поэтому большинство ранних святых — мученики, погибшие за Христа. Вопреки обычной человеческой логике, для Церкви эпоха гонений стала временем становления и роста. В ответ на проповедь апостолов и их учеников христианские общины возникали по всему миру, а пример мучеников вдохновлял все большее число последователей новой веры.

Героями первой книги серии «Святые в истории» стали:

Апостол Павел

Апостол Иоанн Богослов

Священномученик Игнатий Богоносец

Мученик Иустин Философ

Мученик Аполлоний Римский

Мученица Перпетуя

Священномученик Киприан Карфагенский

Святитель Григорий Неокесарийский

Мученицы Агапия, Ирина и Хиония

В этой же серии готовится к выходу новая книга:

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате. VIII–XI века

В VIII веке Восточная Церковь столкнулась с ересью иконоборчества. Это противостояние, длившееся почти полтора столетия, способствовало не только развитию богословской мысли в Византии, но и появлению новых святых, отстаивавших чистоту веры. Укоренившись на территории Римской империи, христианство в этот период активно выходит за ее пределы, и в лоно Вселенской Церкви вливаются славянские народы, венгры, скандинавы. Крещение Руси стало поворотным моментом в истории страны, включенной в орбиту византийской христианской культуры.

Героями третьей книги серии «Святые в истории» стали:

Преподобный Иоанн Дамаскин

Праведная царица Феодора

Святитель Ангарий

Мученица Людмила Чешская

Преподобный Иоанн Рьльский

Равноапостольный князь Владимир

Преподобный Симеон Новый Богослов

Праведный король Стефан Венгерский

Преподобный Феодосий Печерский

В серии «Святые в истории» готовятся еще три книги, посвященные XII–XV, XVI–XIX и XX векам. Следите за нашими анонсами и новинками!

Хранители веры О жизни Церкви в советское время

XX век для России стал временем испытания и линой веры и принес Церкви сонм новомучени и исповедников. Но помимо тех, кто пострадал за ста в лагерях и ссылках, были еще тысячи христ сквозь десятилетия атеизма и антирелигиозной литики пронесшие и сохранившие православную и В книге собраны интервью именно с такими люд Это священники и миряне, те, кто вырос в церков семьях, и те, кто пришел к вере вопреки обстоят ствам, окружению, мнению семьи; те, кто пере аресты и потерю близких, и те, кто, напротив, пр внешне спокойную, но внутренне чрезвычайно б тую жизнь.

Их объединяет одно — Христос, веру в Которого пронесли вопреки всему.

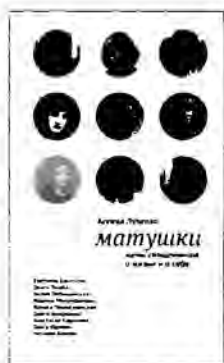
Автор-составитель — Ольга Гусакова.

Монахи О выборе и о свободе

Эта книга о том, почему люди, наши современники бросают мир и уходят в монастырь. Громко сказано, но это именно тот вопрос, который ставился перед нашими героями — девятью монахами и монахинями Русской Православной Церкви. Отвечая на него, они говорят о своей жизни и пути к Богу, о сомнениях и решимости, о слабости человеческой и силе Божьей. О том, как невозможное делается возможным, а кажущееся абсурдным — единственно правильным. Это необычные люди, с непохожими судьбами, интереснейшим жизненным опытом, — что поставило их в один ряд с «авангардом» войска Христова? Судить читателю.

Автор-составитель — Юлия Посашко.

Матушки Жены священников о жизни и о себе

В этой книге собраны рассказы жен священников о своей жизни. Их называют «матушками», по аналогии с тем, как священников называют «батюшками». Жизненный опыт матушек — во многом опыт ежедневных жертв. Но проблемы у нас у всех общие. Как их преодолевают матушки, жены тех священников, к которым мы часто обращаемся за советом?

В «Матушках» представлены в первую очередь непростые судьбы сильных, удивительных женщин. Эта книга понравится каждому, кому интересна жизнь со всеми ее взлетами и падениями, наградами и испытаниями, слезами и радостями, в которых внимательному взгляду открывается действие Промысла Божьего.

Автор-составитель — Ксения Лученко.

Где купить наши книги

Вы можете приобрести наши книги на сайте www.nikeabooks.ru и в самом издательстве, заглянув к нам в офис по адресу: Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 21.

В розницу наши книги также можно купить в магазинах Москвы и других городов России:

Москва

Партнерские магазины «Символик»

тел.: 8-980-362-64-49, 8-980-362-67-34

«Библио-Глобус»

ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, тел.: (495) 781-19-00

ТДК «Москва»

ул. Тверская, д. 8, стр. 1, тел.: (495) 629-64-83

«Сретение»

ул. Большая Лубянка, д. 19, тел.: (495) 623-80-46

«Православное слово на Пятницкой»

ул. Пятницкая, д. 51/14, стр. 1, тел.: (495) 951-51-84

Primus versus

ул. Покровка, д. 27, стр. 1, тел.: (495) 223-58-20

Сеть книжных магазинов «Новый книжный»

тел.: 8-800-444-8-444

«Московский Дом Книги», тел.: (495) 789-35-91

«Молодая гвардия»

ул. Большая Полянка, д. 28, тел.: (499) 238-50-01

Санкт-Петербург

Партнерский магазин «Символик»

ул. Камская, д. 9,

тел.: (812) 982-68-26, +7-905-222-68-26

«Слово»

ул. Малая Конюшенная, д. 9, тел.: (812) 571-20-75

Сеть книжных магазинов «Буквояд»

тел.: (812) 601-0-601

Книжный дом Глагол
Невский пр., д. 177.Тел./факс: (812) 748-12-83

Екатеринбург

Сеть книжных магазинов «Дом Книги»
тел.: (343) 253-50-10

Киев

Партнерский магазин «Символик»
Площадь Славы, ТЦ «Навигатор», пав. 38 s
тел.: (096) 320-36-78

Сергиев Посад

Партнерский магазин «Символик»
ул. 1-й Ударной Армии, д. 4а, тел.: +7-968-832-00-67

Интернет-магазины:

Россия

«Лабиринт»	www.labyrinth.ru
«Озон»	www.ozon.ru
«Сретение»	www.sretenie.com
«Зерна»	www.zyorna.ru
«Благочестие»	www.blagochestie.ru
«Риза»	www.zlatoriza.ru

Украина

Quo vadis	www.quo-vadis.com.ua
-----------	--

Наши электронные книги:

www.litres.ru

www.ozon.ru

www.wexler.ru

Для покупки книг оптом необходимо обратиться
в отдел продаж издательства «Никея»:

тел.: (495) 600-35-10;

www.knigosvod.ru, sales@nikeabooks.ru

МИЛОСЕРДИЕ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЛУЖБА ПОМОЩИ

Помочь может каждый!

Служба помощи «Милосердие» действует по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и объединяет 23 социальных проекта и 2 благотворительные программы.

Служба «Милосердие» помогает детям, инвалидам, одиноким старикам, людям, оказавшимся в кризисной жизненной ситуации. Количество наших подопечных постоянно растет, в 2013 году служба помогла более чем 42 000 нуждающихся.

Деятельность службы «Милосердие» более чем на 70% осуществляется на пожертвования частных лиц.

Вы тоже можете помочь нашим подопечным, став Другом милосердия.

Узнайте подробности на сайте

www.друзьямилосердия.рф

Понемногу от многих — это спасает жизни!

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС 13-320-2533*

Научно-популярное издание

Клюкина Ольга Петровна

СВЯТЫЕ В ИСТОРИИ

Жития святых в новом формате

IV–VII века

Научный редактор Евгений Макаров

Литературный редактор Виктория Затолокина

Дизайнер Анастасия Новик

Верстка Никиты Власкина

Корректоры Светлана Борисова, Марина Смирнова

Подписано в печать 17.06.2014. Формат 75×90 ¹/₃₂

Бумага офс. Гарнитура «PT Serif».

Печ.л. 11. Тираж 10 000 экз. Заказ № 35839.

Издательство «Никея»

119002, Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 21;

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел:

Тел.: (499) 241-97-45; info@nikeabooks.ru

Оптовый отдел продаж:

Тел.: (495) 600-35-10; sales@nikeabooks.ru

www.knigosvod.ru

Адреса розничных магазинов см. на с. 341–342

ISBN 978-5-91761-325-3

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством электронных носителей
в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

«Святые в истории» – уникальная серия, в которой представлены биографии подвижников веры на фоне эпохи. Вторая книга охватывает период IV–VII веков.

«Когда святые далеких столетий вводятся в реальный контекст жизни, мы осознаем, что их страдания – такие же настоящие, как и страдания наших предков в XX веке... Эти книги о том, что есть лишь одно чудо – совершенная верность Христу, совершенное следование за Богом».

Священник Алексей Уминский,
настоятель храма Святой Троицы
в Хохлах (г. Москва)

